

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РФ
ФГБОУ ВПО ФИЛИАЛ ДГУ В Г. ХАСАВЮРТЕ
ХАСАВЮРТОВСКИЙ МЕСТНЫЙ ОБЩЕСТВЕННЫЙ ФОНД
ПОДДЕРЖКИ ВСЕРОССИЙСКОЙ ПАРТИИ «ЕДИНАЯ РОССИЯ»
ИНСТИТУТ (ФИЛИАЛ) ФГБОУ ВПО «МГОУ ИМЕНИ
В.С.ЧЕРНОМЫРДИНА» В Г.МАХАЧКАЛЕ
ФГБОУ ВПО ДГПУ ФИЛИАЛ В Г. ХАСАВЮРТЕ

Материалы
Всероссийской научно-практической конференции:

«АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИИ»

Хасавюрт – 2013

В сборник вошли материалы научно-практической конференции, посвященные исследованиям актуальных вопросов истории.

Редакционная коллегия:

1. Касумов Р.М. – канд. ист. наук, доцент.
2. Магомедов М.Б. – док. ист. наук, профессор.
3. Разаков Р.М. – канд. ист. наук, доцент.
4. Рашитханова С.Т – ст.преп, филиал «ДГПУ» в г. Хасавюрт.
5. Шахбанов А.М. – канд. ист. наук, доцент.

Издается по решению совета филиала ДГУ в г. Хасавюрте

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ И ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ КИЗЛЯРСКИХ АРМЯН В КОНЦЕ XVIII В.

К концу XVIII в. произошли существенные сдвиги во внешней политике России: вновь на повестку дня был поставлен вопрос о присоединении Закавказья, который Российские власти считали делом ближайшего будущего. После вступления русской армии в Грузию значительная часть иранских армян переселилась в Россию. Предоставление приглашенным в Россию иранским армянам определенных привилегий служило доказательством покровительственного отношения к единоверцам и шагом, подчеркивающим освободительную роль России в судьбе закавказских народов. Подобное отношение России к армянам можно объяснить стремлением империи к овладению Кавказом и Закавказьем, в ходе которого следовало заручиться поддержкой единоверцев, связывающих свое освобождение от иноземного ига с северным соседом.

В конце XVIII в. предводитель российских армян И. Аргутинский и Эчмиадзинский католикос Лука, поздравляя императора Павла I с восшествием на российский престол, просили его сохранить привилегии армян. В своем ответном послании католикосу Павел I, по примеру своих предшественников, обещал даровать привилегии армянскому народу.¹ Кизлярские армяне в своих письмах и прошениях подчеркивали необходимость предоставления им льгот, которые важны были для них не только в первые годы на новых землях, но и в дальнейшем, для обеспечения гарантий надежности и благополучия существования общины.

И. Аргутинский имел связи в высших правительственных кругах и, вероятнее всего, знал о том, что готовилась жалованная грамота, поэтому он высказал ряд предложений, доказывающих

¹ Погосян Л.А. Армянские поселения Северного Кавказа. Диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук. Ереван. 1990. С. 113.

важность предоставления привилегий и льгот для кизлярских и моздокских армян.¹

И. Аргутинский предполагал, что выдвинутые им предложения могли лечь в основу разрабатываемой правительством жалованной грамоты: во-первых, определить земельное пространство, выделяемое кизлярской армянской общине; во-вторых, предоставить на откуп общественные места для ловли рыбы на Каспийском море и на реке Терек, которыми пользовались только богатые кизлярские арендаторы, а население вынуждено было покупать у них рыбу по высокой цене; в-третьих, присоединить к армянской общине деревню Сарафанниково с ее армянским населением и земельным пространством, с условием платить земельный налог, согласованный с властями бывшим владельцем деревни Хастатовым; в-четвертых, освободить общину от почтовых перевозок, которыми раньше занимались татары, а теперь армяне вынуждены покупать лошадей у тех же татар; в-пятых, разрешить свободную продажу вина и водки собственного приготовления; в-шестых, освободить общинников от обязанностей по укреплению берегов Терека, от участия в строительстве и восстановлении военных сооружений, а вместо повинности по постою войска предоставить общине государственную субсидию на строительство казарм.²

Изучая документы, можно прийти к выводу, что при выработке проекта манифеста была использована жалованная грамота, дарованная нахичеванским армянам, с учетом местных условий. Согласно Жалованной грамоте от 28 октября 1799 г., в Астрахани, Кизляре и Моздоке все армяне должны были считаться временноподданными империи. Им предписывалось “суд и расправу” вести в соответствии с национальными традициями и обычаями, на общих принципах азиатского суда, утвержденного в Астрахани, через членов общины, избранных специально для этого. Суд должен был функционировать под надзором губернского правления и губернатора. Армянских купцов, проживавших в

¹ РГИА. Ф. 1374. Оп. 2. Д. 1815. Л. 18 – 19 об.

² РГИА. Ф. 1374. Оп. 2. Д. 1815. Л. 18 – 19 об.

упоминаемых городах, освобождали от приписки к купеческим гильдиям.¹

Жалованная грамота, дарованная кизлярским армянам, предоставляла им право арендовать земли и угодья в окрестностях Кизляра с условием уплаты земельного налога. На таких же условиях разрешалось пользоваться местами для рыбной ловли. Грамота жаловала право вести свободную беспошлинную торговлю всеми регламентированными товарами собственного производства, как в пределах России, так и за ее границами, но с условием уплаты пошлины, предусмотренной торговым положением.² Грамота состояла из двух частей, первая из которых касалась армян, вышедших из Дербента и Мушкура с учетом того, что они считались новопереселенцами. Во второй части оговаривались права и привилегии астраханских и кизлярских армян, как переселившихся относительно давно. Новопереселенцам из иранских областей предоставлялись земельные пространства навсегда из расчета по 30 десятин на душу и места для рыбной ловли с угодьями вокруг них. Кизлярская же армянская община должна была пользоваться предоставленными землями на правах аренды, уплачивая соответствующий земельный налог. Переселенцы из Дербента и Мушкура предоставлялось освобождение от всех видов налогов и государственных повинностей сроком на 10 лет, после чего купцы обязаны были платить налог в размере 10% от своего капитала, а горожане и ремесленники – по 2 рубля с семьи. Земледельцам предписывалось платить по 5 копеек в год с каждой из 30 предоставленных им десятин.³

В жалованной грамоте не оговаривались сроки, в течение которых общинники считались освобожденными от государственных налогов и повинностей, поэтому и по истечении срока действия грамоты они не облагались никакими налогами. Именно эта “оплошность” чиновников правительства при составлении жалованной грамоты использовалась армянами в качестве оправдания своего привилегированного положения.

¹ Собрание актов... Ч.1. С.205.

² Там же.

³ Собрание актов... Ч.1. С.205.

В жалованной грамоте от 28 октября 1799 г. были четко очерчены рамки привилегий, дарованных армянской общине, но особо оговаривались права и привилегии торгово-промышленного сословия, что объясняется той пользой, которую государство намерено было получить от экономической деятельности его представителей. В грамоте были учтены и интересы духовенства, которое получало широкие права. Духовному предводителю российских армян разрешалось свободно исповедовать армянскую религию, строить церкви и монастыри.

Еще задолго до обнародования жалованной грамоты, буквально с первых же лет поселения в Кизляре, перед переселенцами встал вопрос о приобретении надлежащих земельных угодий, необходимых для занятий хлебопашеством, садоводством, виноградарством, разведением тутовых деревьев. Первоначально все земли, предназначенные для раздачи переселенцам, предоставлялись им бесплатно, согласно указу Правительствующего Сената.¹

В 1745 г. землемер Шелканов размежевал земли, которые были переданы армянской общине. Земельное урегулирование в Кизляре было необходимо, так как город располагался в условиях ограниченного земельного пространства, в окружении непроходимых болот и зарослей тростника. Именно это обстоятельство заставляло армянскую общину бережно относиться к пахотным землям и противостоять всяким попыткам незаконного передела земли. В одном из документов армяне с тревогой писали о том, что хотя им и были выделены по переселении из Сулака (крепости Святого Креста – Д.А.) земли для хлебопашества и разведения овощей, но билетов на владение этими землями они не получили, о чем и ходатайствовали.² Правительство, учитывая интересы грузин и армян, в 1790 г. решило предоставить земли, отданные в первые годы заселения в Кизляре, в неделимую собственность общин, а для новых переделов использовать свободные государственные земли, запретив дробление земель.³ Вопреки указам и распоряжениям, запрещающим переде-

¹ ПСЗРИ. Т. XXIII. № 16883. С. 1457.

² ГА РД. Ф. 379. Оп. 1. Д. 304. Л. 15.

³ РГИА. Ф. 1374. Оп. 2. Д. 1815. Л. 19 об. – 20.

лы земли, местные власти нередко нарушали их и предоставляли земли частным лицам за счет и без того ограниченных земельных пространств кизлярских армян. В одном из прошений 1798 г. предводитель российских армян обращал внимание на тот факт, что Астраханское губернское правление предоставляет богатым жителям Кизляра земли вокруг крепости, но они ничего там не предпринимают, или отдают эти земли в аренду землевладельцам, а хутора приносят выгоду только их владельцам. Бедным армянам остается только заниматься виноградарством и разведением тутовых деревьев, а для хлебопашества земель недостаточно. Духовный предводитель настаивал на том, чтобы окончательным размежеванием были узаконены земли в окрестностях города, принадлежащие армянской общине.¹ Кизлярская армянская община обращалась к властям с просьбой о присоединении села Сарафанниково, переходившего во владение государства со всеми земельными угодьями в счет уплаты долга, но вместо этого уездному землемеру Кудешову в 1801 г. было предписано отрезать в пользу армянской общины земли, принадлежащие ранее тезикским татарам, майорше фон Сизинговой и генерал-майору Горичу.² Казенная палата передала часть земель на откуп грузинскому и армянскому обществам в 11 – летнее содержание. При этом грузины запрещали армянам пользоваться водой из протекающей по тем землям реки, что заставило армян подать жалобу на Кизлярский уездный суд в Астраханскую палату гражданского суда.³ В 1803 г. армянам, переселившимся из Персии (1118 душ) было выделено и размежевано лишь 4210 десятин, 460 квадратных сажен, поскольку отрезанные Казенной палатой земли, принадлежащие ранее Сизинговой и Горичу, были отданы на откуп, а остальные земли, принадлежащие тезикам, отданы из оброка в другие руки, вместо того, чтобы отдать их армянскому обществу. Кроме того, из ногайских степей пригонялся скот, которым наносил армянским жатвам значительный ущерб.⁴

¹ Там же, Л. 21.

² ГА РД. Ф. 379. Оп. 2. Д. 220. Л. 30.

³ Там же.

⁴ Там же. Л.31.

Для развития помещичьего землевладения в районе Кизляра правительство практиковало в середине XVIII в. раздачу земель дворянам. Первыми землевладельцами здесь были грузинские и армянские дворяне – высокопоставленные военные и священнослужители. Армянскими помещиками Хастатовым, Вагановым, Серебряковым, Арешевым были, таким образом, приобретены огромные поместья, иногда по несколько тысяч десятин, на территории которых они создавали деревни, виноградники, тутовые плантации, шелкоткацкие фабрики и т.д. Некоторые дворяне-землевладельцы использовали в своих поместьях труд крепостных крестьян, которых покупали в различных российских губерниях, но в основном большинство помещиков использовало труд наемных работников из числа армян, грузин, татар.¹

Случалось, что сами армяне привозили с целью эксплуатации в Россию своих же соотечественников. В указе Сената от 9 августа 1759 г. по поводу челобитной Луки Ширванова дается оценка его деятельности и в числе прочего сказано: “... и за вывоз из Персии шелкавого дела знающих немалого числа армян, о коих, как в рапорте в Сенат помянутой Кизлярской гражданской канцелярии от генерал-майора Фрауендорфа объявлено, что вывезенные, после данных им грамоты и привилегии (кроме живущих при том заводе вольных), к тем их заводам для поселения и заведения шелку из Персии шелковому мастерству армян и прочие люди, всего с детьми их мужеска полу семьдесят человек, Ея Императорского Величества в подданство по желанию их чрез посланного туда капитана к присяге приведены, и тем их заводам вечно приписаны, и дана на них выпись”.²

На основании этого документа выясняется очень важная в социальном отношении деталь – наличие среди переселенных в Россию армян категории “вечно приписанных” к заводам их соотечественников, в то время как Л.А. Погосян в своем труде³ отрицает существование слоя крепостных крестьян среди армянских поселенцев и в других документах наличие этого явления не подтверждается.

¹ Васильев Д.С. Указ. соч. С.125.

² Чулков М.Д. Указ. соч. Т. 6. Кн. 3. С. 496-497.

³ Погосян Л.А. Указ. соч. - С. 122-123.

Амачиев А.Ю.

ПРИМЕНЕНИЕ ИННОВАЦИОННЫХ МЕТОДОВ ОБУЧЕНИЯ В ПРЕПОДАВАНИИ ИСТОРИИ ДАГЕСТАНА

Вопрос повышения уровня преподавания дисциплин национально-регионального компонента (история Дагестана, география Дагестана, КТНД) на сегодня важен и актуален. Достаточно ознакомиться с публикациями по данной теме в местных СМИ последних лет, чтобы понять - тема злободневная и противоречивая. За последнее десятилетие накопилось много нерешенных проблем: нет качественных и современных учебников по истории Дагестана, отсутствует учебно-методическая база, неоднозначную оценку вызывает освещение некоторых тем и пр.

Последовательное изучение истории Дагестана в школе начинается с 8 класса. Основными учебниками, по которым работают в школах являются: учебное пособие для 8 класса с древнейших времен до конца XVIII века Р. М. Магомедова, учебник для 9 класса по истории XIX века В. Г. Гаджиева и М. Ш. Шигабудинова, а в 10 классе – изучается история Дагестана XX века по учебнику, составленному коллективом авторов из ДГУ. Для 10 класса существует еще и учебное пособие А. Р. Исмаилова.

Что же представляют из себя учебники по истории Дагестана? Специалисты отмечают, что это не учебно-методические комплекты, которые могли бы включать в себя, например, собственно учебник, книгу для учителя, методические и поурочные разработки, книгу для чтения (хрестоматию), рабочие тетради для учащихся, атласы и контурные карты. Взамен всего этого многообразия НИИ Педагогики предлагают ученикам средних школ и учителям истории набор из 3-х учебников. Естественным результатом такого положения дел является довольно низкий уровень знаний по истории Дагестана у выпускников школ, методическая

ограниченность возможностей учителя, а учащиеся, покинувшие школу после 9 класса, совершенно не имеют представления об истории региона в XX веке, что не дает возможности сформироваться целостной картине исторического процесса.

Проблема подготовки качественных учебников является очень важной. Вопрос о преподавании Истории Дагестана обсуждался несколько раз на высшем уровне республики, в министерстве образования, с участием видных ученых и опытных педагогов. Было решено, что целесообразно изучать Историю Дагестана параллельно и в той же хронологии, что изучается История России, то есть с шестого класса. Был создан авторский коллектив из самых авторитетных и компетентных ученых ИИАЭ ДНЦ РАН. Сегодня первый учебник для 6 класса уже издан, подготовлен к изданию учебник для 7 класса, завершается работа над рукописью учебника для 8 класса, переиздан обновленный учебник для 10 класса.

При этом нельзя игнорировать тот факт, что даже наличие хорошего учебника, без соответствующей методической базы и подготовленности учителя не изменит ситуацию в корне. В достижении прочных, полноценных знаний по истории Дагестана определяющее значение имеет педагогическое мастерство учителя. Тот настоящий педагог, кто способен своим рассказом, объяснением пробудить интерес к предмету, к своей истории. Но практика показывает обратное. Как было отмечено на круглом столе, состоявшемся в ДГУ 21.06.2013г. типичной ситуацией для многих дагестанских школ является когда учитель истории Дагестана не может доступно преподнести материал школьникам по той простой причине, что не владеет соответствующими компетенциями. Наиболее распространенным методом обучения истории Дагестана является составление конспекта, в лучшем случае - рассказ учителя. По словам кандидата исторических наук Асият Казихановой, при таком раскладе, учитывая минимальные знания выпускников школ и уменьшение объема лекционных часов в вузах, воспитать гражданина, знающего свою историю, очень сложно.

Поэтому необходимо, наряду с разработкой новых учебников по истории Дагестана, улучшать методическую базу и подготовку учителей, активно внедрять новые методы и средства обучения.

Современный процесс обучения истории характеризуется все более широким применением в нем компьютерных технологий. Перспективы использования информационных технологий на уроках очень разнообразны и безграничны. ИК технологии - это будущее, они будут видоизменяться: расширяться, углубляться, модернизироваться, но останутся в школах надолго. В настоящее время расширение информационного пространства - основная тенденция общественного развития, которая соответствует социальному заказу.

Объединяя в себе много традиционных информационных технологий, компьютерные технологии разрешают существенным образом оптимизировать процесс обучения истории. Он может стать более интересным, эмоционально насыщенным, динамическим и наглядным; компьютерная технология также способна индивидуализировать и дифференцировать учебный процесс; реализовать его творческий характер, организовать гибкое управление учебной деятельностью, интенсифицировать и активизировать обучение.

Кроме этого, компьютерные технологии дают возможность на качественно новом уровне изучать разные курсы истории. Они предоставляют информацию в удобной для учеников форме - в виде графиков, таблиц, диаграмм, экранных картинок.

Используются ли компьютерные технологии на уроках истории Дагестана? Ответ на этот вопрос скорее отрицательный, чем положительный, ввиду отсутствия соответствующих разработок. При этом используя программы общего назначения Microsoft Word, Microsoft Excel, Microsoft PowerPoint, Microsoft FrontPage, Microsoft Publisher, Adobe Photoshop и специальные программы могут быть созданы разные виды наглядности, контролирующие тесты, интерактивные карты, флеш-анимации по истории Дагестана.

Учитель истории может самостоятельно создавать презентации к своим урокам либо использовать готовые. Подготовка презентаций - серьезный, творческий процесс, каждый элемент которого должен быть продуман и осмыслен с точки зрения восприятия ученика. Зато готовая продукция позволяет отказаться от всех остальных видов наглядности и максимально сосредоточить внимание преподавателя на ходе урока. Программа Power Point дает

возможность использовать на уроке карты, рисунки, портреты исторических деятелей, видеофрагменты, диаграммы. Поэтому необходимо начать разработку тематических презентаций к урокам истории Дагестана, собрать их в единую базу данных, с возможностью доступа к ним учителей школ.

Не решенной остается до сих проблема отсутствия карт по истории Дагестана. Здесь также перспективно начать разработку мультимедийных и анимационных (анимированных) карт. Такие карты удобны в использовании и в сочетании с интерактивной доской расширяют возможности работы с ними. Ребята получают возможность рисовать на карте, размещать и передвигать надписи, заранее подготовленные учителем, делать пометки, показывать стрелочками пути перемещения войск и т.д.

Не лишним будет также разработка игровых методик, проблемных вопросов, кроссвордов, тематических тестов и внедрение других активных, интерактивных, инновационных методик в процесс обучения истории Дагестана, применяемых при изучении отечественной истории. Отсутствие готовых материалов и разработок открывает широкие возможности для творческой деятельности учителей, методистов. И единственный выход в сложившейся ситуации: "Работать, работать и еще раз работать... по-новому, с учетом реалий и перспектив развития!"

Беркиханов М. С.

СУДЕБНО-ПРАВОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ТЕРСКО-СУЛАКСКОМ МЕЖДУРЕЧЬЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX В.

Во второй половине XIX – начале XX в. в традиционной судебно-правовой системе Северо-Восточного Кавказа произошли существенные изменения, обусловленные всей совокупностью административно-политических и социально-экономических сдвигов, произошедших здесь в связи с вхождением в состав Рос-

сии. Целью данной работы является освещение некоторых аспектов данной системы у салатавских аварцев и засулакских кумыков, составлявших в рассматриваемый период большую часть населения Терско-Сулакского междуречья.

Как известно, царские власти в целом не стали менять традиционные правовые институты народов Северного Кавказа, ограничившись лишь формальным запретом наиболее реакционных норм обычного права (например, кровного мщения). Они, по словам А. В. Комарова, намеревались «дать народу такой суд, который, будучи совершенно сообразен с его понятиями и обычаями, давал бы возможность постепенно, без неудобств для народа, перейти со временем к решению всех дел на основании общих законов Империи и тем прочно и на всегда утвердить гражданское управление» [3. С. 14]. В результате вплоть до установления и укрепления здесь Советской власти общественные отношения в Терско-Сулакском междуречье продолжали регулироваться в значительной мере нормами обычного права – *адатами*, роль которых хорошо отражена в исторической литературе, а также предписаниями исламского законодательства – *шариатом*. «Кумыки придают большое значение соблюдению адатного порядка. От этого часто случается, что дела не сложные разбираются дольше, чем сложные, – отметил Р. И. Леонтович. – Местное судопроизводство основано на двух способах: шариате и адатном способе. Часто многие дела, подлежащие шариату, разбираются в суде, если имеются свидетели, но постановления шариата из виду не упускаются. Дело передается в шариат, когда суд затрудняется вынести приговор» [4].

Российские же законы долгое время оставались для дагестанцев чуждыми и маловразумительными. Так, описывая правовую культуру кумыкского народа середины XIX в., М. Б. Лобанов-Ростовский отмечал: «Между кумыками, точно так, как и во всем Дагестане, никогда не существовало определенной полицейской власти, обязанной принудить к исполнению решений суда... Если случалось, что объявленный виновным по разбирательству дела, исследованного стариками беспристрастно и по всем правилам адата, отказывался от исполнения приговора, ...вся деревня восставала против упорствующего и ему оставалось одно бегство. Таким образом врожденное чувство порядка и

справедливости часто заменяет в обществах необразованных писанный закон, и по общему внушению действует также строго, как последний» [5. Л. 152].

Поощрение реставрации местных обычаев нашло отражение в их письменной фиксации на русском языке в 60–80-е годы XIX в. В числе таковых оказались и адаты некоторых салатавских сел и Засулакской Кумыкии, записанные Р. И. Леонтовичем, Н. Семеновым, М. Б. Лобановым-Ростовским, А. В. Комаровым, М. М. Ковалевским и другими известными и неизвестными авторами.

В 1859 году согласно «Положению о Дагестанской области», для разбора тяжёбных дел в с. Чиркей был учрежден Присулакский словесный суд, в который входили: наиб – председатель суда, два депутата от народа, разбирающие дела по адату и кадий для шариатского разбора». В его ведение входило рассмотрение уголовных дел (нанесение ран, увечья, убийства, применение оружия, кража и т. д.) в соответствии с нормами обычного и религиозного права [5. Л. 4]. Подобный суд действовал также в с. Эндирей. Председателями и депутатами словесных судов могли быть, прежде всего, люди преданные колониальным властям, пользующиеся авторитетом в народе и хорошо разбирающиеся в местных обычаях и правовых нормах. К ним прежде всего относилась сельская знать в лице старшины и представителей духовенства. Как отмечается в источниках, «старшина как бы председательствует при разборе в обществе тяжёбных дел, разбираемых или при поручении начальства, или же с согласия обеих тяжущихся сторон» [5. Л. 8].

Согласно «Положению о сельских (аульных) обществах, их общественном управлении и повинности в Терской области» 1869 года во всех крупных селениях области учреждались сельские суды, которые решали «окончательно все споры и тяжбы собственно между жителями того же сельского общества ценою до тридцати руб. включительно, как о движимом и недвижимом имуществе в пределах сельского надела, так и по займам, покупкам, продажам и всякого рода обязательствам и сделкам, а равно и дела по вознаграждению за убытки и ущерб имуществу причиненные» [8]. Важную роль в салатавских сельских судах играли *кадии* – мусульманские законоведы и судьи, хотя их полномочия также были сильно урезаны. Как отмечается в источниках, «ка-

дий избирается обществом и служит по найму за условную плату деньгами и хлебом; но, как в том, так и в другом случае он пользуется: 1) при погребении получает верхнюю и нижнюю платья покойного и с поминок половину барана и поднос сластей и чуреков; 2) за совершение брака от 50 коп. до 1 руб. серебром; 3) в праздник Курбана по ляжке со всех жертвенных баранов и 4) при разделе наследства, соразмерно количеству оно и добровольному приношению наследников от 20 коп. до 3 руб. и более. Где, кроме кадиев есть муллы, то доходы эти вместе со службою их делятся по приходам их мечетей. Обязанности кадиев состоят в отправлении священных обрядов, совершении молитвы в день джума и в разборе тяжёбных дел по шариату, без права приводить в исполнение свои решения, исключая Чиркей, где со времени Кази-Муллы шариат был общим законом для всех дел и кадий, как главный судья, приобрел себе» [1. Л. 4].

Следует отметить, что созданная царскими властями система судопроизводства была далека от совершенства: прежде всего, она была целиком зависимой от военной администрации. Судьи могли быть отстранены от должности в любое время. Кроме того, «в горских судах отсутствовали присяжные поверенные, адвокаты, защитники. Существенной особенностью судебной системы Дагестана в отличие от России являлось отсутствие в ней каких-либо буржуазных черт» [2. С. 282].

Господствовавшие феодальные порядки и особенности экономики наложили свой отпечаток на судебную систему засулакских кумыков. Она выглядела, по сравнению с аналогичной системой салатавцев, более разветвленной и организационно оформленной. По словам М. Алибекова, «у кумыков судебные процессы бывали двух родов: направляющиеся к адатам и направляющиеся к шариату. В прежние времена спор и процессы, относящиеся к адату, имели три направления (отделения): торговое, земледельческое и собственно адатное. При судебных делах адатного направления на суде выносили постановление. Если находилось лицо постановлению не подчиняющееся, то его заставляли силой подчиняться. Для преступников существовал княжеский подвал, куда их сажали» [7. С. 4].

В системе обычного права второй половины XIX – начала XX в. у салатавских аварцев и засулакских кумыков можно

найти немало сходных элементов и заимствований. Это относится, например, к известному у многих мусульманских народов правовому механизму примирения враждующих сторон и разрешения конфликтов – *маслаату* (араб. – общее благо, выгода, интерес), который приобрел в данный период еще большее значение благодаря предписаниям царской администрации. Процедура осуществления маслаата у них выглядела примерно одинаково и проводилась с участием большого количества людей, начиная с самых авторитетных лиц джамаата. В частности, при убийствах и поранениях она, исходя из тяжести совершенного проступка и нанесенного ущерба родным и близким пострадавшего, требовала от виновных сначала выплаты определенной материальной компенсации (*дият*; у кумыков – *алым*). Размер этой компенсации у салатавцев и засулакских кумыков, по сравнению с другими дагестанскими обществами, носил во многом символический характер. По словам М. Алибекова, у северных кумыков «*алым* с дома, т. е. родни, кушающей из одного котла, с давних времен был установлен в один баран. Позднее установился *алым* в деньгах – в размере 13 рублей» [7. С. 5]. Однако «если князь убивал своего узденя, он расплачивался за кровь пожалованием его наследникам земли или других предметов значительной стоимости» [1. С. 31]. Видимо, руководствуясь этим обычаем, еще в 1730 году сыновья эндиреевского бека Гамзата Алиша подарили пастбищную гору под названием «Чадыр-Гурган» «детям жителя сел. Чиркей Исмаила Ибрагиму и Сурхаю в знак примирения за умершего Исмаила» [10. Л. 11]. У салатавских аварцев, – по словам Р. И. Леонтовича, – «примирение, при соглашении, происходит всегда даром». Правда, перед тем, как прийти к маслаату, должен был выплачиваться дият: родственники убийцы дают: «от дома, в котором жил убийца – одного быка, от родного брата – один руб. серебром и дальше, смотря по степени родства, деньги в меньших размерах» [4].

В то же время процесс улаживания конфликта, вызванного убийством или поранением, был сопряжен с необходимостью возмещения и морального ущерба пострадавшей стороне (насколько это возможно). С этой целью проводился определенный ритуал, включавший в себя комплекс действий, в первую очередь направленных на максимальное унижение чести и досто-

инства убийцы и его близких родственников (а это дагестанцами расценивалось как худшее наказание) и ставивших их в зависимость от решения потерпевшей стороны. Порядок проведения маслаата в Присулакском наибстве, например, был формально определен следующим образом: «При примирении [убийца] должен в доме родственников убитого поклониться в ноги сначала тем, кто принимал участие в примирении их, а потом ближайшим родственникам убитого, просить прощения и просить всех их, после чего кончается всякая вражда между ними и убийца считается кровным братом им и должен делить с ними радость и несчастье ... Родственники убийцы в продолжение нескольких дней должны не выходить из домов и после при посредничестве общества сводятся с родственниками убитого» [1. Л. 9]. У салатавских аварцев процесс примирения родственников убийцы и убитого проходил с участием всего сельского общества. Основные его детали заключались в том, что «приводят убийцу в дом убитого, потом убийца приглашает родственников убитого к себе, угощают их и с того времени они считаются кровными братьями» [4].

Более масштабно и драматично примирение кровников проходило у засулакских кумыков. По описанию М. Алибекова, «канлы (убийца, кровник. – М. Б.) до своего примирения с родственниками убитого не должен был ни брить, ни стричь своих волос. Перед отправлением на примирение родственники канлы, объявив о своем намерении, старались собрать к себе как возможно больше народу для того, чтобы шествовать на примирение. Среди этого народа должен был находиться князь... Несколько женщин из родни убийцы садились возле положенных на ковре вещей, проклиная и понося своего родственника – убийцу, устраивали «яс» (оплакивание убитого), причитая и колотя себя в грудь и в голову. Около, стоя и мрачно, глядели на них все собравшиеся. Некоторые, слушая причитания женщин, плакали вместе с ними» [7. С. 6].

Еще одна немаловажная значимость маслаата, как важнейшего социально-правового механизма, заключалась в его направленности на предотвращение возможно более тяжелых последствий случившихся конфликтных ситуаций и предупреждение новых антиобщественных деяний. В каждом дагестанском селении находились люди, обладавшие способностью выполнять

чрезвычайно сложную роль примирителя, более того, нередко в таком качестве выступали и целые селения. Так, например, амплуа беспристрастного третейского судьи во всем Терско-Сулакском междуречье принадлежало салатавскому селению Зубутли. Приобретению им такой репутации во многом способствовал зубутлинец Читара (Гаджияв) Хажаков, являвшийся старшиной всего Салатавского общества в первой половине XIX в. и участвовавший в решении многих спорных ситуаций в крае. К зубутлинцам, по имеющимся сведениям, обращались также кумыкские селения [6. С. 44].

Таким образом, судебно-правовая система в Терско-Сулакском междуречье во второй половине XIX – начале XX в. оставалась достаточно архаичной и неоднородной. В то же время в ней утверждались принципиально значимые элементы, вызванные веяниями постепенно складывавшегося нового политического и хозяйственно-экономического уклада на Северном Кавказе и в России в целом.

Список использованных источников и литературы

1. Записки о правах и преимуществах господствующих групп населения, об адатах и управлении жителей Присулакского наибства // РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 5. Оп.1. Д. 79.
2. История народов Северного Кавказа (конец XVIII в.– 1917 г.) / Под ред. А. Л. Нарочницкого. М., 1988.
3. Комаров А. В. Адаты и судопроизводство по ним // ССКГ. Тифлис, 1868. Т. 1.
4. Леонтович Р. И. Адаты кавказских горцев // constitutions.ru/archives/2466.
5. Лобанов-Ростовский М. Б. Кумыки, их нравы, обычаи и законы. 1846 г. // РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 5. Оп. 1. Д. 80.
6. Магомедсалихов Х. Г. Маслаат. Традиционные формы разрешения конфликтов у аварцев в XIX – начале XX в. Махачкала, 2003.
7. Манай Алибеков. Адаты кумыков. Махачкала, 1927.
8. Положение «О сельских (аульных) обществах, их общественном управлении и повинностях государственных и общественных в горском населении Терской области». 1869 г. // constitutions.ru/archives/2466.

9. Семенов Н. Туземцы Северо-Восточного Кавказа // РФ ИИАЭ ДНЦ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 3.

10. ЦГА РД. Ф. 147. Оп. 4. Д. 34 «а».

Верещагина А.В.

ТРАДИЦИОННАЯ СЕМЬЯ В РОССИИ: ИСТОРИЧЕСКАЯ СПЕЦИФИКА ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИИ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗРУШЕНИЯ

Традиционная семья - это семья, которая по своему типу, характеру семейных отношений, репродуктивному и в целом семейному поведению соответствует нормам и правилам семейного поведения, принятым в обществе, как на формальном, так и неформальном уровне. Т.е. традиционная семья – это семья, соответствующая традиционным представлениям общества о том, какой должна быть семья, ее структура, ценности, нормы и поведение. Традиционная семья в каждом обществе имеет свой специфический облик, хотя могут наблюдаться и ряд общих черт. В частности, на протяжении длительного времени исторического развития общества в мировом масштабе семья имела патриархально-авторитарный характер у различных народов мира и, соответственно, многие черты, характерные для данного традиционной типа семьи, были присущи и различным народам, среди которых: четкое ролевое распределение в семье между супругами и детьми при доминирующей роли мужчины в семье (отца, мужа, старшего брата), экономическая зависимость жены и детей от мужа – главы семьи, двойной стандарт в отношении женщин, подчинение ее сексуальности репродуктивным функциям и отрицание ее как таковой у женщины, неприемлемость общественным сознанием развода и нетипичных форм семейно-брачных отношений и т.д. Конечно, при этом существовали отличия традиционной семьи у различных народов, связанные с обрядовой стороной семейной жизни, степенью жесткости контроля со стороны

общества и государства традиционных основ организации семейных отношений и т.д.

Однако, именно в эпоху динамики общественного развития, различной у разных стран и народов, было нарушено типичное сходство организации традиционной семьи и ее устоев, связанное также с идеологическими расхождениями, особенно в эпоху противостояния коммунистической и капиталистической идеологических систем.

Таким образом, в результате цивилизационных особенностей развития каждого общества и его институциональной специфики формируется специфический тип традиционной семьи, но, при этом ее разрушение происходит под воздействием, как внутренних, так и внешних факторов, усиливших свое влияние ввиду формирования мощных глобализационных потоков и развития информационных и коммуникативных технологий, позволяющих не только наблюдать течение культурных, экономических, политических процессов в других странах, но и на их основе формировать иные мировоззренческие основы, ценности и ориентации. П. Штомпка указывает на мощность влияния потоков культурной глобализации, и отмечает, что средства массовой информации превращают нашу планету в «большую деревню», и ее жители потребляют один и тот же культурный продукт¹.

Процесс культурного наследия и развития общества в целом можно исследовать только через анализ прошлого, которое может быть понято только как процесс институционального развития, - считает Д. Норт, поскольку, по его словам «выбор, который мы делаем сегодня или завтра, сформирован прошлым»². И даже в условиях полной смены или замены формальных правил, норм, регулирующих поведение индивидов в той или иной социальной сфере, в том числе в семейной, прошлое, через систему сложившихся неформальных правил и норм поведения, продолжает оказывать влияние на настоящее. Таким образом, именно культура (межпоколенческая передача знаний, ценностей и дру-

¹ Штомпка П. Социология социальных изменений. Пер. с англ. Ред. В.А. Ядов. М.: Аспект Пресс, 1996. С. 70-71.

² Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997. С. 12.

гих факторов поведения), - отмечает Е.В. Сусименко, - обеспечивает непрерывность, благодаря которой прошлые неформальные правила переносятся в настоящее и делают их источником непрерывных изменений, на чем и основан механизм пат-зависимости¹.

В контексте данной теории, мы хотим обозначить зависимость формирующихся новых типов семей и семейных отношений от наследия советского прошлого, так как за годы советской власти под мощным идеологическим воздействием и активно проводимой социальной политики был сформирован определенный тип семьи, которую можно назвать «советской» семьей и, более того, традиционной семьей для современного российского общества, которая в эпоху своего формирования и институционализации в качестве традиционной семьи для советского общества, сосуществовала с другим типом традиционной семьи, соответствовавшим традиционным представлениям, нормам и обычаям различных народов России. Советская семья, разрушение основ которой символизирует кризис традиционной российской семьи, характеризуется следующими основными чертами:

- советская семья понималась как важнейший социальный институт советского общества, интенсивно поддерживалась им, так как на ее уровне воспроизводилась духовно-идеологическая система советского государства и формировался новый тип человека – «советский» человек;

- советская семья, по своей сути, была материнской, так как именно материнство поддерживалось государством морально и материально, воспринимаясь как основное предназначение женщины;

- воспитательные функции советская семья делила с государством, т.е. государство разделяло вместе с семьей в лице матери ответственность за воспитание молодого поколения;

- существовало, по-прежнему, гендерное неравенство в семье, несмотря на провозглашение равенства полов в советской России, но гендерная асимметрия в советской семье имела свою специфику: при доминирующей роли мужчины в семье, часто

¹ Сусименко Е.В. Феномен пат-зависимости в процессе институциональных изменений. Автореферат дисс... д-ра. фил. наук. Ростов-на-Дону. 2008. С. 25.

формальной (обусловленной, как экономическим фактором, так и традициями маскулинности в России, в том числе советской), фактически главной фигурой в семье стала женщина-мать, так как она отвечала «не только за рождение, воспитание, образование и здоровье детей, но и за быт и психологический климат в семье»¹, и при этом она, как мать была обеспечена определенной поддержкой со стороны государства, которое в символической форме заменило в советской семье отца, выполняя его функции по поддержке материнства, детства, разделяя с матерью воспитательные функции, за которые в семье, в соответствии с советским законодательством, несла полную ответственность мать. В результате этого, феномен отцовства практически растворился в семейной практике советского общества, а с отказом государства от своей роли «отца» в эпоху Перестройки и последующего распада СССР, российская семья осталась «без отца».

Таким образом, традиционная семья каждого общества как основной транслятор культурных и семейных ценностей, норм поведения и мировосприятия имеет свое прошлое, свою историю, которая отражается на настоящем развитии семьи в обществе.

Э. Гидденс по этому поводу пишет, что традиционная семья - это во многом обобщенная категория, так как в разных культурах складывается своя система родственных и семейных связей, обычаев, традиций, но, тем не менее, во всех «несовременных» культурах семья имела и имеет некоторые общие черты, среди которых известным английским социологом выделяются следующие²:

- традиционная семья представляет собой, прежде всего, экономическую ячейку;
- неравноправие мужчин и женщин в традиционной семье;
- отсутствие законодательного закрепления прав детей (фактически ребенок не считался личностью);

¹ Рабжаева М.В. Историко-социальный анализ семейной политики в России XX века // Социологические исследования. 2004. № 6. С. 94.

² Гидденс Э. Ускользящий мир: как глобализация меняет нашу жизнь / Пер. с англ. М.: Издательство: «Весь мир», 2004. С. 70-72.

- сексуальность в традиционной семье преимущественно подчинена продолжению рода, с чем и связана идея женской добродетели;

- достаточно терпимое отношение к однополый любви, определявшееся сочетанием традиций и естественных факторов.

При этом Гидденс отмечает, что семья во многих регионах еще сохраняет традиционный характер, особенно в сельской местности, и приводит в пример Китай, в которой гражданский брак и развод стали обычным явлением семейной повседневности, но, при этом, в сельской местности 60% браков по-прежнему устраивают родители¹. Данная ситуация характерна и для северокавказских республик современного российского общества, в которых, по мнению Б.Б. Хубиева, «объединяющим фактором для семейной жизни народов Северного Кавказа выступает структура отношений в семье и между ее субъектами, характеризующаяся сочетанием традиционализма и модернизма при определяющей роли первого, но с тенденцией на безусловность качественных параметров эгалитаризма при сохранении привлекательности семейного бытия человека как основы формирования его образа жизни»².

По мнению американских исследователей, можно выделить четыре основные тенденции происходящих в институте семейно-брачных отношений изменений³:

1. превращение брака из институционализированного в индивидуализированный, т.е. переход от относительно небольшого количества тщательно культурно нормированных образцов семьи (от ее возникновения до распада и даже «околосемейных форм» отношений между полами) к значительному разнообразию моделей семьи, детерминированных индивидуальностями ее членов. Все больше распространяется понимание семьи как частного, приватного дела человека;

¹ Гидденс Э. Ускользающий мир: как глобализация меняет нашу жизнь / Пер. с англ. М.: Издательство: «Весь мир», 2004. С. 69.

² Хубиев Б.Б. Семья как социально-ценностная общность форм бытия человека. Нальчик: КБГУ, 2007. С. 109.

³ Цитируется по: Солодников В.В. Социология социально-дезадаптированной семьи. СПб.: Директ, 2007. С. 29-30.

2. рост ожиданий от брака, который все чаще базируется на любви, общности интересов супругов и подразумевает уникальное динамическое сочетание их экзистенциальных потребностей;

3. обратная зависимость между ростом социального статуса женщины и стабильностью брака, поскольку экономическая самостоятельность женщины устраняет ее «внешнюю» (материальную) зависимость от мужа, акцентируя интеллектуально-духовную и эмоционально-чувственную привязанность партнеров, которая является сравнительно менее устойчивой;

4. изменение восприятия сексуальных отношений (признание их важной составляющей семейной жизни, не всегда связанной с деторождением). При этом нередко отмечается постепенный уход с исторической сцены двойного стандарта сексуальности, при котором сексуальные отношения до брака считаются приемлемыми для мужчин и неприемлемыми для женщин.

В целом, для современного общества в его отношении к семье и браку, а также сфере интимной жизни вообще, характерны следующие основные черты¹:

- стирание двойного стандарта в половой морали;
- отделение сексуальности от функции воспроизводства;
- признание права женщин на обладание собственной сексуальностью и на получение сексуального наслаждения;
- усиление открытости сексуальной сферы;
- коммерциализация секса;
- повышение толерантности к добрачным половым связям;
- повышение толерантности к нетрадиционным формам совершения полового акта;
- повышение толерантности к гомосексуальным отношениям;
- расширение разнообразия сексуальной практики в массовом масштабе.

Анализ изменений в семейно-брачной сфере общества не может проводиться без учета изменения в обществе отношения к такой категории, как сексуальность, которая не так давно была введена в научный оборот, но, по признанию ряда исследовате-

¹ Гидденс Э. Трансформация интимности. СПб.: Питер, 2004. С. 13-14.

лей (З. Фрейд, Э. Гидденс, М. Фуко и т.д.), имеющая огромное значение в процессе трансформации не только семейно-брачных отношений, но и общественных отношений вообще. Сексуальные отношения, жестко регулировавшиеся со стороны общества, церкви, государства, в эпоху либерализации и демократизации общественной жизни «вышли из тени», вышли за пределы брака и тех рамок, которые он устанавливал¹. Следствием модернизации общества, либерализации его социальных сфер и демократизации сознания стало стирание двойного стандарта в половой морали, который содержит в себе нормативы и стандарты для оценки сексуального поведения, существенно различающиеся для мужчин и для женщин. Исчезновение двойного стандарта (конечно, не во всех обществах двойной стандарт исчез, и речь идет о наиболее подвергшейся модернизации части населения, как Европы, так и России) означает, что одинаковые отклонения от норм сексуальной морали и у мужчин, и у женщин, все чаще оцениваются одинаково, в то время, как в патриархальном обществе за отклонение от норм сексуального поведения осуждению, критике и иным санкциям подвергались только женщины. Двойной стандарт все еще существует, - отмечает Э. Гидденс, - но женщины более не желают мириться с тем, что равное по своей сути поведение в области сексуальных отношений расценивается общественными кругами и отдельными социальными индивидами по-разному.

Следует заметить, что в современной России двойной стандарт еще занимает достаточно крепкие позиции при оценке сексуального поведения мужчин и женщин, что было подтверждено исследованиями, проводимыми В. Ануриным среди молодого и старшего поколения по теме «Сексуальная революция: двойной стандарт»². Согласно полученным им данным, индекс двойного стандарта у респондентов-женщин несколько ниже, чем у респондентов-мужчин, особенно при оценке отношения к внебрачным связям. При сравнении возраста приобретения первого

¹ См. об этом подробнее: Фуко М. Пылающий разум / В кн. Юнг К.Г., Фуко М. Матрица безумия. М.: Алгоритм, Эксмо, 2007.

² См.: предисловие В. Анурина к кн. Гидденса Э. Трансформация интимности. СПб.: Питер, 2004. С. 16-17.

полового опыта или сексуального дебюта, выяснилось, что у современной молодежи (до 25 лет) России сексуальный опыт приобретается в возрастном интервале от 15 до 17 лет, в то время, как у старшего поколения (старше 41 года) этот интервал - от 18 до 20 лет.

Эти данные во многом идентичны данным, полученным в ходе другого социологического исследования, посвященного гендерным аспектам жизненного самоопределения молодежи (начало половой жизни у юношей – 15-16 лет (48,8% опрошенных) и у девушек – 17-18 лет (46,6%))¹. В исследовании приняли участие 1000 девушек и юношей города Тольятти, которые также продемонстрировали существование двойного стандарта при своем восприятии и отношении к сексуальной жизни мужчин и женщин: было зафиксировано более одобрительное отношение к добрачным половым связям и приобретению сексуального опыта юношей (38,8% и 20,8% со стороны девушек), в то время, как некоторые отклонения в сексуальном поведении со стороны девушек осуждались в большей степени. При этом оказалась высока доля одобрительных ответов юношей и девушек по поводу совместной жизни без регистрации брака – 50,8% и 59%². Результаты еще одного социологического исследования также показывают, что сожителство становится нормой современного российского общества. Так, из числа опрошенных молодых людей (в данном исследовании - до 30-ти лет) каждый 6-й брак у мужчин и каждый – и 12-й – у женщин не зарегистрированы (при этом, в исследовании принимали участие молодые люди Днепропетровска, Москвы и Владикавказа: существенных различий по выявленным позициям не зафиксировано)³.

Поистине революционным событием для развития межличностных, семейных и в целом социальных отношений стало отделение сексуальности от воспроизводственной функции. Гидденсом такой переход назван пластичной сексуальностью, под кото-

¹ Скутнева С.В. Гендерные аспекты жизненного самоопределения молодежи // Социологические исследования. 2003. № 11. С. 75.

² Скутнева С.В. Указ. соч. С. 76.

³ Осадчая Г.И. Стиль жизни молодых горожан: трансформация и региональная дифференциация // Социологические исследования. 2002. № 10 С. 88-91.

рой он понимает децентрализованную сексуальность, освобожденную от репродуктивных потребностей¹. Популяризация и коммерциализация секса, транслируемая в массы через СМИ, приводят к тому, что высвобожденная сексуальность, которая при правильном отношении к ней и ее использовании может стать залогом «чистых отношений» (по Э. Гидденсу²) и счастья, становится одним из средств повышения аномии, особенно в молодежной среде, и открытость сексуальности, ее освобождение часто путают с сексуальной распущенностью, с которой она ничего общего не имеет. Существенной стороной протекания процессов в семейно-брачной и личностно-эмоциональной сфере современного общества, и российского в том числе, стало соединение двух, ранее разделенных сторон организации межличностных и семейно-брачных отношений: целомудренной сексуальности брака (термин Э. Гидденса³) и эротики, в результате чего брак, освобожденный от уз вечности, потерял свою стабильность, которая парадоксальным способом разрушается той самой эротикой, сексуальностью, страстью, в поиске которой разрушенные осколки бывшей супружеской пары вновь пытаются найти свое счастье, свою любовь.

Эти процессы в условиях сексуального раскрепощения и либерализации семейных отношений, в которых развод стал легкодоступен в большинстве обществ, необратимы, что переносит сферу семейных отношений и регуляторов поддержания ее стабильности в разряд самоорганизующихся систем, не подвластных по большому счету внешним силам, которые в лице определенных общественных структур (церковь, государство, общественное мнение) некогда контролировали сферу семейно-брачных отношений. В этих условиях государственная политика должна направляться в русло поддержки специально выделенных секторов института семьи, наиболее важных для решения семейных и государственных проблем. Среди них можно выделить такие направления, как поддержание материнства, детства, молодых семей, а также комплексное внедрение ценностей семейного об-

¹ Гидденс Э. Трансформация интимности. СПб.: Питер, 2004. С. 31.

² См.: Гидденс Э. Там же.

³ См.: Гидденс Э. Там же.

раза жизни через основные институты социализации: школу, Вузы, СМИ и т.д. Эти меры не будут способствовать возврату к традиционной семье, так как она является уже пройденным этапом развития семейно-брачных отношений, но будут способствовать укреплению семей нового типа, которые также нуждаются в своевременной поддержке со стороны общества и государства.

Безусловно, степень проявления элементов кризиса традиционной семьи в российском обществе неодинакова и варьирует в зависимости от региона, этноса, его культуры и т.д. Однако, данные о снижении уровня рождаемости, повышения процента разводов, роста неполных семей, а также разнообразных типов организации семейно-брачных отношений характерны в целом для всего российского общества, позволяют говорить о трансформации семьи в России и кризисе ее традиционных основ.

Таким образом, современная семья в России переживает период трансформации, что выражается в разрушении основ традиционной семьи с различной степенью интенсивности у различных народов России. Этот процесс сопровождается проявлением кризисных факторов в функционировании семьи, что позволяет сделать вывод о кризисе традиционной семьи в российском обществе, о кризисе ее функциональной и ценностной структуры. Однако результат, как и время окончания этого процесса, предсказать достаточно сложно по ряду причин, среди которых: поликультурность российского общества и, соответственно, многообразие семейных традиций, обычаев, устоев и т.д.; разный уровень общественного развития народов, населяющих Россию и различная степень подверженности модернизационным и глобализационным потокам, влияющим на процесс трансформации семейных ценностей; социокультурный кризис российского общества и его системы ценностей. Именно поэтому на территории России устойчиво воспроизводятся как семьи традиционного типа, так и современного, эгалитарного.

Гаматаева С.Х., Малучиев Г.С.

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ УЧИТЕЛЕЙ ИСТОРИИ И ОБЩЕСТВОЗНАНИЯ КАК ПОТЕНЦИАЛЬНЫЙ ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ПАТРИОТИЧЕСКИХ ПРЕДПОЧТЕНИЙ УЧАЩЕЙСЯ МОЛОДЕЖИ.

Современные задачи образования предполагают комплексной развитие способностей личности ученика, которое возможно при достаточно высоком социальном авторитете школьного педагога. Принципы развития демократического общества исходят из того, что каждый гражданин не только профессионально образован, но и имеет достаточно высокий уровень гуманитарного развития, которое обеспечивают возможность придерживаться гражданских позиций. Наблюдаемый рост числа двадцатилетней молодежи придерживающихся экстремистских взглядов позволяет предположить, что чьи-то пропагандистские действия экстремистского характера столь успешны в силу того, что большая часть недавних школьников не имеет ни четких знаний, ни тем более патриотических убеждений. В силу этого возрастает роль школьного педагога и особенно преподавателя истории и обществознания не только в образовательном, но и воспитательном значении. Целью и задачами нашего исследования было определение социально-политических взглядов современного школьного учителя истории, а так же их готовность к работе направленной на формирование политически грамотной и социально ответственной патриотично настроенной молодежи имеющих полноценные гражданские позиции.

Зимой 2011-2012г. в 70 дагестанских школах было опрошено 120 преподавателей истории и обществоведов.

Две трети опрошенных считают себя достаточно религиозными. У каждого второго педагога на уроках несколько раз в неделю возникает необходимость обсуждать обстановку сложившуюся в Дагестане. Около трети опрошенных педагогов обсуждает обстановку в Дагестане раз в неделю и лишь один из десяти никогда на уроках не говорит о острых политических проблемах касающихся республики.

Значительное большинство (три четверти) учителей придерживаются взглядов, что среди быстро разросшегося числа верующих есть «разные» по своей искренности в религии люди.

Треть педагогов предполагает, что ортодоксальность и догматичность религии является условием сдерживающим развитие государства, впрочем большинство опрошенных не согласны с подобным предположением.

К раздельному, в гендерном аспекте, обучению трое из четверых учителей средних школ относятся отрицательно. В этом вопросе не обнаружено существенных различий во мнениях учителей в зависимости от месторасположения школы, т.е. мнения городских и сельских учителей практически идентичны (около 70%), но следует обратить внимание, что почти каждый шестой (15,9%) учитель сельской школы относится к раздельному обучению положительно.

Отношение к ношению в школе хиджаба, показаны в таблице №1, как видим около половины учителей преподающих в старших классах явно отрицательно относятся к ношению хиджаба в школе лишь каждый пятый в средних или старших классах относится к такой одежде положительно.

Таблица №1

Таблица сопряженности Как вы относитесь к тому, что ученицы ходят в школу в хиджабе * С ка- кими классами вы рабо- таете	С какими классами вы рабо- таете				Ито- го
	млад- шими	сред- ними	стар- шими	со средни- ми и стар- шими	
Как вы отно- не ответи- ситесь к то- ли на во- му, что уче- прос ницы ходят в положи- школу в хи- тельно джабе затрудня- юсь отве- тить			1,9%		,9%
		20,7 %	23,1 %	10,0%	18,8 %
	100,0 %	24,1 %	13,5 %	23,3%	19,6 %

	безразлич- но		20,7 %	11,5 %	13,3%	14,3 %
	отрица- тельно		34,5 %	50,0 %	53,3%	46,4 %
Итого		100,0 %	100,0 %	100,0 %	100,0%	100, 0%

К введению в программу школьного обучения предмета "История религий" значительное большинство учителей истории и обществознания относятся положительно и предполагают преподавать дисциплину.

Миграционный отток русскоязычного населения значительно снизил долю русских, украинцев, евреев среди дагестанцев. Что не могло не сказаться на состоянии рынка рабочей силы а так же электоральном потенциале общества. Исследование показало, что более 80% опрошенных отрицательно относятся к отъезду из Дагестана русскоязычного населения (русских, украинцев, татар, евреев и др.), в то же время но каждый седьмой педагог (15%) безразличен к этой миграции. Анализируя данных показал, что учителя школ г.Махачкалы (24%) значительно чаще своих сельских коллег (9,1%) проявляют безразличие к миграции русских и др.

Половина учителей выявив, что семейное воспитание вашего ученика приобретает чрезмерную религиозность попытаются постепенно "выровнять крен" и активнее формированию гражданскую позицию на классных часах, однако каждый седьмой педагог вообще ничего не будет предпринимать.

Каждый третий историк и обществовед не ответили на вопрос «Что вы предлагаете внедрить в школах в целях профилактики экстремизма», остальные указывают различные комплексные воспитательные мероприятия по предписаны плану и кроме того активизацию воспитательной работы сотрудниками правоохранительных органов и духовенства.

На момент опроса абсолютное большинство опрошенных признают деятельность государственных органов по противодействию экстремизму безрезультативной.

Половина педагогов не готова объяснить своим ученикам усиливающуюся миграцию мусульман в традиционно христианские европейские страны, другая половина учителей в той или иной форме указывает лучшие социально-экономические и политические условия жизни в Европейских странах которые привлекают мусульманскую молодежь.

Почти каждый второй педагог не доверяет рядовым сотрудникам МВД, ФСБ. В то же время две трети опрошенных указали, что в отношении экстремистов одобряют действия правоохранительных органов, при этом 70% респондентов допускают мысль о том, что среди "уничтоженных" при "задержании" молодых людей могли быть невинные в экстремистской деятельности. Основной причиной распространения экстремизма педагоги называют бедность.

Мнения опрошенных о том как надо поступать с подозреваемыми в экстремизме разделились почти поровну, чуть более половины учителей уверены, что подозреваемых в экстремизме надо арестовывать, и 44 % указывают, что их надо уничтожать.

Около 15% педагогов указали, что среди бывших учеников были объявленные экстремистами или террористами. Но анализ характеристик не выявил доминирующего показателя, (были ученики: хорошие, никакие и плохие), более того хорошие черты учителями указываются чаще.

В ходе исследования установлено как поведут себя педагоги, узнав что сосед преступник (ваххабит), так вот – десятая часть дагестанских учителей позвонит в правоохранительные органы, более половины попытаются оказать на него воздействие самостоятельно, каждый пятый вообще ничего не сделает. Однако наблюдается значительная разница между декларируемым поведением столичных и сельских учителей, среди последних лишь 9% предупредят органы, в то время как такой поступок предполагает совершить каждый четвертый столичный педагог. Видимо это объясняется более тесными социальными связями на микроуровне.

Среди мер по борьбе с распространением ваххабизма были указаны многократно озвучиваемые социально-политические, экономические, правовые и воспитательные меры. Почти пятая часть опрошенных предлагает «казнить» ваххабиста, каждый

четвертый «посадить пожизненно», так же четверть предлагает «посадить согласно УК РФ. Ответы на вопрос «Как по вашему надо поступить с»? Отражены в таблице № 2.

Таблица № 2

«Как по вашему надо поступить с»?	Как по вашему надо поступить с?		
	вах-хаби-битом	экстремистом	с бойцом ОМОНа убившего случайно
не ответили на вопрос	17,1	9,4	9,7
посадить пожизненно	27,4	29,9	1,8
казнить	17,9	34,2	0
посадить согласно УК	23,9	24,8	59,3
оставить в покое	13,7	1,7	19,5
наградить	0	0	9,7
Итого	100,0	100,0	100,0

Практически нет разницы между мнениями городских и сельских учителей по вопросу «Как надо поступать с ваххабитом»?

Почти 73% педагогов признают разрушения жилья при задержании боевиков неоправданным превышением мер. Воспитательные мероприятия проводимые в школе эффективность признает каждый второй учитель.

В своей основе, (77%) учителей Дагестана согласны с утверждением, что некоторая часть преступлений объявленных террористическими, имеют другую (криминальную) основу. Более половины думают, что трогать семью террориста и экстремиста нельзя, около 13% думают, что наказать их надо – если работают на государственной службе – УВОЛИТЬ, а 3% предлагают для таких семей вести дополнительный налог. Две трети педагогов думают, что «лесные» получают от 30000 до 100000 рублей. Практически все опрошенные учителя готовы на своих основных занятиях регулярно уделять некоторое время от урока воспитанию толерантности и антиэкстремистским воспитанием, восемь из десяти учителей не считают эффективной мерой борьбы с экстре-

мизмом, регулярное "уничтожение" подозреваемых. Более половины респондентов готовы получить специальное, антиэкстремистской образование, в то же время треть преподавателей истории и обществознания, в основном сельских школ, не желает получать такие знания. Более 90% не считают возможным введение на территории Дагестана или др. республик Северного Кавказа норм ШАРИАТА. Около половины учителей против полностью многоженства, хотя каждый пятый признает это возможным в ряде особых случаев.

Каждый третий учитель никогда не ходит на выборы, в то время как каждый второй указал, что ходит на выборы всегда. Явно видно, что сельские учителя значительно больше интересуются политикой

В среднем по республике лишь 8% учителей заявляют, что не интересуются политикой.

Каждый второй педагог оценивают деятельность местной администрации неудовлетворительно и крайне неудовлетворительно, причем педагоги сельских школ оценивают местную администрацию неудовлетворительно чаще, чем столичные учителя. Чаще всего (37%) деятельность своей местной администрации учителя оценивают на «удовл.». Средняя оценка (по пятибалльной шкале) выставленная учителями главам местной администрации «НЕУД.» Значительное большинство (72%) педагогов хотят, чтобы их дети уехали из Дагестана. Двое из трех учителей не согласны с утверждениями некоторых СМИ о том, что в Дагестане возможна война наподобие войны в Чечне.

Мнения учителей о поведении дагестанцев, чьи близкие родственники погибли при задержании наблюдаются в таблице № 3, как видим почти каждый второй предполагает, что проблема экстремизма, терроризма, а может быть и обычного бандитизма не заканчивается со смертью подозреваемого в незаконных действиях. Поэтому сомнительно, что фактически внесудебная казнь есть средство от прекращения экстремизма и терроризма.

Таблица № 3

Таблица сопряженности «Как по вашему, поступят, самые близкие, убитого экстремиста» * «Где располагается школа, в которой вы работаете»	Где располагается школа, в которой вы работаете			Итого
	в селе	в городе	в столице	
Как по не ответили на во-	13,6%	15,9%	8,0%	13,3%
вашему, прос				
поступят, будут стыдиться та-	18,2%	22,7%	16,0%	19,5%
самые кого родства				
близкие, уедут из республики		4,5%	8,0%	3,5%
убитого будут тихо ненави-	25,0%	25,0%	24,0%	24,8%
экстремиста деть сотрудников правоохранительных органов				
будут мстить конкретным "виновникам" смерти	22,7%	18,2%	12,0%	18,6%
будут мстить всем подряд сотрудникам правоохранительных органов	20,5%	13,6%	32,0%	20,4%
Итого	100,0%	100,0%	100,0%	100,0%

Установлено, что две трети преподавателей старших классов готовы к занятиям патриотическим и антиэкстремистским воспитанием с учениками, в то время как к такой деятельности готовы и желают заниматься девять из десяти учителей работающих со средними классами. Так же практически все учителя не отказываются дополнительно заниматься воспитанием толерантности у своих учеников.

К национальным языкам учителя относятся положительно, но читать на родном языке может лишь каждый второй. Дагестанский учитель мало путешествует, если говорить о зарубежных поездках, то абсолютное большинство практически никогда никуда не выезжало, а среди тех, кто ездил за рубеж чаще всего

указывали такие страны как Азербайджан и Турция. Традиционно на вопрос «Чем может гордиться дагестанец» учителя указывают море, горы, историей, культурой, мудростью и мужеством. Никто не смог вспомнить достижения в науке, производстве, образовании.

Таким образом исследование показало, что большинство учителей истории средних школ Дагестана имеют достаточный потенциал, для того, что бы вести патриотическому воспитание.

Несмотря на ожидаемые трудности выверенная и регулярная работа учителей истории, обществознания, литературы и др. направленная на формирование: гражданской позиции учеников, целостной системы взглядов на жизнь и укоренения в подрастающем поколении общекультурных ценностей должны стать основой по патриотическому воспитанию молодежи.

Дадаев К.С.

ФОРМЫ ЗЕМЕЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ В ДАГЕСТАНЕ В СЕРЕДИНЕ XIX В.

Прежде чем рассмотреть, существовавшие в XIX столетии в Дагестане формы земельной собственности, представляется необходимым проанализировать факторы, которые воздействовали на развитие аграрного строя в Дагестане.

Во-первых, следует отметить географический фактор, по которому Дагестан подразделяется на отличные друг от друга части – равнинную и горную.

К равнинной части Дагестана относится прилегающая вдоль берега Каспийского моря с севера на юг территория, характеризующаяся наличием плодородных земель для сельскохозяйственной обработки. Горная зона не имеет в достаточной мере пахотной земли, хотя отличается наличием альпийских лугов. Благодаря существующим отличиям в горной части доминирую-

щей отраслью производства становится отгонное скотоводство, а на равнинной части – полеводство.

Присоединение Дагестана к России предоставило возможности для развития аграрного сектора края, хотя существовавшая форма правления в российском государстве создала подходящие для помещичье-дворянского сословия условия, наделила их земельными участками, в то время как крестьяне оказались лишенными возможности переселения на равнинную часть и получения земли.

В сельском хозяйстве Дагестана исторически сложилась диспропорция в размещении производительных сил и средств производства. Так на равнинную часть приходилось 67 % всей пашни, 74 % всех пастбищ и менее одной трети населения, в то время как в горах проживало 70 % всего населения, которое располагалось лишь 33 % всей пашни и 26 % всех пастбищ. При этом на равнине не обрабатывалась большая часть плодородной земли, и крестьянин был поставлен перед необходимостью довольствоваться клочком в 0,25 га посева, следовательно, в горах всегда ощущался избыток рабочей силы¹.

Географический фактор сыграл значительную роль, с одной стороны, в процессах образования специализации производства и непропорциональности в размещении производительных сил и средств производства, с другой, оказал огромное воздействие на уровень развития общественных отношений. Более того, существование в Дагестане различных форм земельной собственности связано с географическим фактором. Например, в горной местности сложные условия приспособления земель под пашню обуславливает существование частной подворно-участковой собственности на пашню и частично на сенокосы, в то время как пастбища же находились в пользовании общины. Несмотря на наличие в равнинной части плодородных земель, она нуждалась в ирригационной системе, а ее создание требовало больших материальных и людских ресурсов, что и привело к появлению общинной собственности на землю.

¹Османов Г. Г. Генезис капитализма в сельском хозяйстве Дагестана. М., 1984. С. 43.

В горной местности не имелось достаточно пашни, поэтому распространение получила феодальная собственность на пастбища, примером чего являются Аварское и Казикумухское ханства, в которых феодальное сословие владело большими пастбищными угодьями. Феодалы удерживали свою власть над горскими узденями благодаря феодальной собственности на пастбищные горы и угодья. Как известно, одним из важных сельскохозяйственных отраслей являлось животноводство и его полноценное развитие и высокая продуктивность напрямую зависели от наличия летних альпийских пастбищ, поэтому в зимний период при перегоне скота на зимние пастбища, горские общества арендовали пастбища у равнинных князей.

1. Феодальная собственность.

Феодальная собственность на землю на разных территориях Дагестана проявлялась в разнообразных формах. Если в одних феодальных образованиях она являлась доминирующей, то в других существовала в системе собственности общин и индивидуальной собственности свободных крестьян.

Исторические документы дают ясное представление об особенностях существования феодальной собственности на землю. Например, земельный фонд Засулакской Кумыкии принадлежал всем находившимся на данной территории княжеским фамилиям и находился в распоряжении феодальной знати¹. Накануне крестьянской реформы 166 феодалов имели в Засулакской Кумыкии 386422 десятины земли, из которых князья Темировы владели около 70 тыс. десятинами, князь Али Султан Казаналипов – 73202 десятины, князья Уцмиевы – 39633 десятины, князья Алибековы – 21208 десятины, уздени Аджаматовы – 25652 десятины и т.д.². В 40 – 50-х гг. XIX века Селимхан и его племянник Алисултан Казаналиповы владели землями совместно³. Вместе с тем,

¹ Гаджиева С. Ш. Кумыки. М., 1961. С. 119.

² Рамазанов Х. Х. Крестьянская реформа в Дагестане. Ученые записки ИИЯЛ Дагфилиала АН СССР. 1957. Т. 2. С. 88.

³ ЦГА РД. Ф. 2. Оп. 3. Д. 140-в. Л. 460.

князья Засулакской Кумыкии не признавали собственности крестьян на мульки и боролись за безоговорочное наделение их правами на все земли, и это при том, что огромной территорией от Терека до Сулака и от предгорья до Каспийского моря, т. е. более 400 тыс. десятин земли «находилась в руках десяти "княжеских родов"»¹. Так, князьями Хамзаевыми был продан принадлежащий обществу с. Костек и жителям с. Эндирей мюльковый участок, проигнорировав то обстоятельство, что жители Костека пользовались этим участком «с незапамятных времён и провели туда канаву собственными трудами без малейшего вспомоществования со стороны владельцев»². Самовольная продажа земель принадлежащих другому обществу, и вообще такого рода акты с земельной собственностью, были возможны, потому что царское правительство, выдавая жалованные грамоты легитимировало предъявляемые кумыкским феодалами права на землю. Право признания собственности на землю подтверждалась наличием жалованных грамот, выдача которых практиковалась, начиная с царствования Петра I, но заметное распространение получает при правлении Ермолова А. П. на Кавказе. Кумыкские князья в одном из своих прошений подчеркивают, что «вся земля, занимаемая ими, есть их личная собственность» и приказом главнокомандующего Ермолова А. П. «узаконено, чтобы каждый владелец земли своей пользовался оной без всякого разбирательства»³. Несмотря на предъявляемые феодальной верхушкой права на земельную собственность, сельские общества Эндирей и Аксай сумели сохранить собственность, хотя и на незначительную, расположенную вокруг населенных пунктов, долю земли.

Находившиеся в собственности феодального сословия земли условно можно отнести к 2 категориям: 1. потомственные владения, которыми владели князья и их потомки по мужской линии, 2. условное владение землей, связанное вначале с несением военной или придворной службы сала-узденями.

¹ Кавказ. 1848. № 41.

² Мансуров М. Х. Засулакская Кумыкия. (вторая пол. XIX – нач. XX в.) Махачкала, 1994. С. 16.

³ История Дагестана. Т. 2. М., 1968. С. 43.

До присоединения Дагестана к России вассалы-нукеры получали от князей в благодарность за несение военной или придворной службы земельные участки. После присоединения этой территории к России, в течение длительного периода времени, сохранилась практика пожалования земельных участков, оросительных каналов и т. д. уже царским правительством. Причиной изъятия пожалованных земель могло явиться нарушение условий службы¹: «одновременно, наряду с условным владением землёй, в этот период практиковалось награждение землёй с правом передачи её по наследству. Однако, при нарушении условий службы сала-уздени или их наследники теряли право на владение этой землёй»². При этом были установлены сроки условного владения – от нескольких лет до пожизненного, а право условного пользования по желанию дарителя и при отсутствии наследников мужского пола в роде узденя могло быть прекращено.

Шамхалу, бекам и чанкам принадлежали лучшие земли и оросительные каналы, хотя основным землевладельцем в шамхальстве Тарковском являлся шамхал. При этом, несмотря на то, что феодальное сословие за находившиеся в наследственном пользовании отдельных сельских общин земли получали подати и повинности, они имели право продать их любому другому лицу. В отличие от феодалов, по закону беки не имели право претендовать на личные права наделенных личной свободой и правом выхода из состава зависимых от беков сельских обществ жителей. Хотя при поддержке представителей царской администрации, чье мировоззрение сформировалось на крепостном праве, беки лишали, во-первых, райятов права выхода из общества, во-вторых, продавали и раздавали право на взимание податей и повинностей с местного населения³. Бекам и чанкам на территории шамхальства Тарковского принадлежало более 150 тыс. десятин земли.

Хан обладал правом на все земли на территории своего владения, которые находились в пользовании населения проживаю-

¹ Лобанов-Ростовский. Кумыки, их нравы, обычаи и законы // Кавказ. 1846. №38.

² Мансуров М. Х. Указ. работа. С. 16.

³ ЦГА РД. Ф.3. Оп.1. Д.2. Л.5

щего на данной территории и платившего правителю подать продуктами скотоводства, земледелия и садоводства. При этом хан обладал мульками, на которых трудились наделенные ханом земель и обязанные вносить ему подати и повинности райяты и бывшие рабы, впрочем, как и зависимые уздени.

В Казикумухском ханстве в собственности ханов и беков состояли летние пастбища, которые сдавались в аренду. Архивные материалы свидетельствуют, что Магомед-Мирзе, хану казикумухскому, принадлежало более 40 пастбищных гор, доход от которых составлял 2500 голов овец ежегодно¹. Полученных овец вынуждены были покупать жители сел, входивших в состав ханства, по установленной ханом цене. Такое же положение наблюдалось и в других ханствах – в Уцмийстве Кайтагском, в Табасаране, в Мехтулинском ханстве.

Распространение на территории Дагестана общероссийских законов способствовало изменению характера временного землевладения, которое стало постоянным, поэтому благодаря экономической заинтересованности владельца происходит динамичное развитие производительных сил (совершенствование орудий труда, улучшение качества земли т. д.). В свою очередь это привело к появлению частной собственности на необходимых для поддержания сельскохозяйственных земель оросительных сооружений и водоотводных канав. Разумеется, право собственности на ирригационные системы могли предъявлять только ханы или феодалы, и желание остальных пользующихся землей провести новые каналы напрямую был связан от решения владельцев этих сооружений. Таким образом, проведенная царским правительством аграрная реформа в Дагестане способствовала существенным трансформациям именно в системе феодального землевладения.

2. Мультки

«В Дагестане мультки занимают особое место среди категорий земельной собственности. Как известно, мультки представляют собой свободно отчуждаемую безусловную собственность на

¹ Хашаев Х.-М. О. Указ. соч. С. 161.

землю. Владелец мулька мог свободно распоряжаться этим участком – продать, подарить, передать по наследству, завещать, передать мечети и джамаату, уплатить за кровомщение, обменять на другие участки или на что-нибудь другое и т.д. Право отчуждения с юридической точки зрения составляет важнейшую составную часть права собственности»¹.

Мульки включали в себя несколько участков пахотной земли, небольшие сенокосные участки и, в зависимости от специализации селения, например фруктовый сад.

Владельцами мульков являлись входившие в структуру сельских обществ свободные крестьяне-уздени, причем эти права характеризовались как «неограниченная частная собственность». Право крестьян на индивидуальную земельную собственность больше распространения получила в горных и предгорных территориях края.

Исследователи характеризуют крестьянские мульки как «наиболее ценные в экономическом отношении пахотные участки, а также сенокосы, сады, виноградники и огороды. Если в горах пахотные участки и сады, как правило, представляли собой мульки, то на плоскости мульками были только небольшие участки, расчищенные из-под кустарников, камыша и зарослей»². Мульки – частная собственность на пахотную землю непосредственных производителей, которые создавались крестьянами путем расчистки площадей из-под леса, кустарников и камыша, а в горах – главным образом путем огромных затрат труда на организацию террас на склонах гор³. Эти участки, независимо от размера, не подлежали переделу, и владелец имел право отчуждать их. Право купли-продажи мульков приводило к концентрации в руках феодалов и имущей части крестьянства сравнительно больших площадей этих земель.

В первую очередь, индивидуально-семейная собственность распространялась на пахотные и покосные участки. При этом за владельцем признавалось право продажи, дарения или передачи

¹ *Ибрагимова П. А.* Мульковая собственность в Дагестане в XIX веке. // Вестник ДНЦ, 2010. № 39. С. 55.

² *Далгат Э. М.* Крестьянство Дагестана на рубеже XIX – XX вв. Махачкала, 2000. С. 15.

³ *Ибрагимова П. А.* Указ. соч. С.55

вновь созданного мулька. Однако чаще всего его применяли только при передаче мулька родственникам или односельчанам. Продажа мулька жителям соседних сел местным обществом не поощрялась и, как правило, осуждалась. Несмотря на такого рода препятствия, крестьяне различных категорий в первой половине XIX в. свободно продавали земли друг другу, а также райятам из других селений. Что же касается продажи мульков внутри селения, то по свидетельству крестьян, такая практика существовала всегда¹.

Купля-продажа крестьянских мульков характеризуется особенностями по причине ограничения ее обычным правом. Полевой материал констатирует, что в некоторых селах сельская община не препятствовала продаже мульков жителям соседних сел, если они располагались на границе обоих сел. Хотя в некоторых селах это запрещалось, например, крестьянин из с. Шимихюр Курахского района хотел продать участок земли жителю с. Тпиг, но джамаат воспрепятствовал этому².

Мульки находились в собственности не только крестьянского, но и, проживающего в подконтрольных ханам селах, феодального сословия. Так беки и чанки владели большими земельными угодьями, при этом они обложили односельчан податями и повинностями. К примеру, в с. Гоцо 19 хозяйств чанков пользовались податями с 16 узденских хозяйств и имели в своем распоряжении пахотные и сенокосные участки, а также пастбища в местности Арах-меер³; в с. Гоцатль беки и чанки владели самыми плодородными землями и получали подати от жителей с. Уздал-Росо⁴.

Размеры мульков сильно отличались по площади и не были равноценными. Так, выделившимся из общей массы свободного крестьянства узденям принадлежали пахотные земли, сады, покосы, пастбища, т. е. земли, по своим размерам близкие к феодальному землевладению. Последствием феодального гнета явилось постепенное сокращение крестьянских земельных участков и, не

¹ ЦГА РД. Ф. 90. Оп. 2. Д. 24. Л. 67.

² РФ ИИАЭ РАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 503. Л. 51.

³ ЦГА РД. Ф. 21. Оп. 5. Д. 121. Л. 343.

⁴ Там же. ЛЛ. 31–32.

последняя роль в данном процессе принадлежит царской администрации, которая поощряла захват крестьянских муьков феодалами и, более того выдавала им, как было сказано выше, жалованные грамоты.

3. *Общинные земли*

Для Дагестана в первой половине XIX века типичной являлась общинная собственность на землю, сущность которой заключалась в позиции коллективного владения сельской общиной отдельно или несколькими сельскими общинами вместе выгонами, пастбищными горами, частично сенокосами, лесами, кое-где и оросительными каналами, хотя «общая собственность двух или более селений на общий участок земли не всегда сопровождался их политическим союзом»¹.

Общинная собственность имеет несколько видов и наибольшее распространение получила собственность сельской общины (джамаата) на земли конкретного селения. Ей принадлежали пахотные земли, сенокосы, пастбища и вблизи расположенные леса. Для джамаатской собственности характерной была систематическая жеребьевка между жителями сельской общины, имеющими скот в процессе перераспределения сенокосов.

Принципы пользования общинными землями подкреплялись адатами и с установками, что члены всего джамаата или группы обществ имеют право на расположенные в горных местностях пастбища.

Раздел земли под пашню также производился по жребию и с учетом количества хозяйств. В последующий период наблюдается изменения в сроках распределения земель: если на первых порах их распределение производилось ежегодно, то в последующем в некоторых обществах начали практиковать распределение земельных участков на длительный период – от 5 и более лет. Разумеется, что более плодородные земли оказывались в руках аульской знати.

¹ История народов Северного Кавказа (конец XVIII века – 1917 г.). М., 1988. С. 97.

Юридически все члены сельских общин были наделены правом пользования собственностью общины, но фактически пастбища использовались исключительно теми членами общины, имевшими скот. Бедная часть сельской общины, которая не имела в наличии скот, соответственно не могла воспользоваться своим правом выгона скота на общинных пастбищах. Более того, она не могла обратиться к сельской общине за разрешением отдавать в аренду, полагающуюся им долю общинной земли, потому что, выполняя функцию юридического лица, сельская община могла допустить передачу пастбища в аренду только по решению сельского схода. Джамаат фактически находился под властью местной знати, использовавшей наследственное право занимать должности старшины, члена сельского суда ли кадия. Однако в Дагестане была распространена аренда общинных пастбищных земель и полученные за нее средства направлялись на благотворительные и религиозные цели, а также на оплату казенных податей и прочие расходы. Например, от сдачи пастбищных мест в аренду и предоставления права выкопки дикой марены на общественных землях Башлинское общество получало доход от 600 до 900 руб.

Не все джамааты владели равным количеством общинных земель, в результате чего сформировались отношения господства и подчинения во взаимоотношениях многих сельских общин, которое отмечается исследователи: «наряду с вольными союзами общин в Дагестане встречаются и такие, которым предшествовал факт насильственного подчинения более могущественными более слабыми»¹, а «общество Хунзах получало с селений Нита, Накитль и Датунай подать в размере 10 мерок зерна с каждого дыма; эта подать сохранялась вплоть до 90-х годов XIX столетия»². Сравнительно сильные и материально независимые сельские общины фактически выполняли роль объединенных феодалов по отношению к экономическим слабым общинам, находившим в зависимости от них и вынужденных выплачивать им подати и повинно-

¹ Ковалевский М. Закон и обычай на Кавказе. Т. II. С. 163.

² Хашаев Х.-М. О. Общественный строй Дагестана в XIX в. М., 1961. С. 156.

сти, а также уплачивать арендную плату за возможность пасти на летних пастбищах скот.

Несмотря на то, что сельская община представлялась как собственник части земли и, соответственно, обладала определенными правами по отношению к своим членам, феодальная верхушка Дагестана предпринимала попытки распространять свое влияние и, более того и овладения землей, однако «ни аварские ханы, ни их беки и чанки не успели ещё полностью захватить общинные земли, хотя борьба за это не прекращалась до начала движения мюридизма. В общинном пользовании находилась большая часть земли, главным образом пастбища»¹.

Феодальная знать до последнего, даже в период присоединения Дагестана к России, предпринимала попытки подчинить себе общинные земли, чтобы увеличить свои территории.

Сервитуты. Особое место внутри общинного землевладения занимают сервитуты и, анализируя проблематику крестьянского землевладения конца XIX – начала XX вв., представляется необходимым раскрыть их сущность. Под сервитутами понимали издавна распространенные в Дагестане институты обычая и появление сервитутного права обусловлено малоземельем края, существованием неравномерного раздела земель между обществами, необходимостью прогона скота весной в горы, а зимой на зимние пастбища через земли других селений. Формирование сервитутов Х.-М.О. Хашаев объясняет неравномерностью «распределения земель между обществами и различной потребностью в земельных угодьях, из-за земельного голода, необходимости прогона скота весной в горы и зимой на зимние пастбища через земли других селений, но главным образом – в связи с наличием собственности на земли. Право перегона скота и попутного выпаса его, вероятно, покупалось за определенную плату, но поскольку документов об этом не сохранилось, и из поколения в поколение право это переходило к наследникам, то сервитуты рассматривались как институты обычая»².

Б. Городецкий указывает, что «на бекских кутанах и ятагах, которые считаются собственностью их владельцев, поселяне

¹ Там же. С.155.

² Хашаев Х.-М. О. Указ. работа. С. 165.

имеют право бесплатно и даже без разрешения хозяина пасти свой скот с весны до осени; производить распашки и посевы; беку принадлежит право делать посевы и то в размере, установленном его предками, в пользу владельца идет также плата за пастьбу поселянами скота на убранных пашнях»¹, поэтому бесплатное использование пастбищ сельскими обществами вызывало недовольство у бекского сословия и в период реформ они неоднократно предпринимали попытки по его оспариванию. Стоимость территории, на которую распространялось сервитутное право была низкой и желающих ее покупать было мало, поэтому беки пытались ликвидировать сервитуты, в противовес сельским обществам, которые их пытались сохранить.

В Дагестане сервитутное право было достаточно распространено, например, у лакцев существовали оригинальные сервитуты, которых классифицировали на – «барт-уртту», «духра», «ках». «Барт-уртту» представляло собой право весеннего выпаса скота на пастбищах и покосных угодьях, принадлежащих сельскому обществу или отдельному лицу. Под «духрой» (дословно – старая трава) понимали право использовать травы после сенокоса, примерно с середины августа и до ноября, ибо «по адату, право «барт-уртту» действовало до 10 – 12 июня, после чего покосные участки, оставались под травой для сенокоса. Это право могло принадлежать отдельному сельскому обществу, распространялось на угодья другого сельского общества или отдельным лицам – на определенный участок покоса в своем или другом селении»². Другой вид сервитута «ках» означал право выпаса скота на пахотных участках после снятия урожая. Этот вид сервитута доставлял землевладельцам много неудобств, ибо по обычаю тот, кто имел право «ках» на пахотный участок, мог запретить хозяину земли осенью производить вспашку и сев озимых на этом участке. Хозяин пахотного участка должен был просить обладателя права «ках» разрешить ему вспашку и сев озимых. Если владелец «каха» давал согласие, то за это он получал с хозяина паш-

¹ Цит. по: *Хашаев Х.-М. О. Общественный строй Дагестана в XIX в. М., 1961. С. 213.*

² *Булатова А. Г. Лакцы. Махачкала, 1971. С. 39.*

ни 2 руб. 85 коп. с десятины или 1/3 сабы ячменя с каждой посеянной сабы ячменя¹.

Сервитутное право распространялось на большие участки, принадлежащих сельским обществам и частным землевладельцам, земель, например, на покосные и пастбищные земли с. Багеклю сервитут «барт-уртту», на покосы общества Кара, на пастбища Ярта-суну и Сундаралу, принадлежащих селениям Чукна, Куркли – право «духра». Право «ках» лежало на землях, на 500 саб посева, принадлежащих обществу с. Кума. При «духра» и «барт-уртту» размер пастбищ измеряется количеством баранов, причем на одного барана полагалось одна десятина. Площадь посевов измерялось количеством сабов зерна, которое можно было посеять на этом участке земли².

Возникновение указанных сервитутов А. Г. Булатова связывает «с былой собственностью общины на пашни и покосы. С прекращением переделов и переходом отдельных участков в частную собственность на первых порах земля после сбора урожая вновь как бы поступала в собственность сельской общины. Отсюда и право «ках» у лакцев, которым пользовалась вся сельская община. Впоследствии право общины претерпело некоторые изменения, выразившиеся в том, что это право перешло в собственность отдельного владельца и могло таковым передаваться другим лицам за обусловленное вознаграждение на определенный срок»³.

Аналогичным был процесс формирования «барт-уртту» сервитутного права. В начальный период возникновения частной собственности на покосы, они продолжали временно оставаться до начала косьбы в общинной собственности. Отсюда и распространение «барт-уртту» целого селения на какой-нибудь покосный участок, принадлежащей конкретному человеку. Однако появление же отдельных собственников «барт-уртту» явление более позднего порядка, развившееся в результате купли-продажи⁴.

¹ ЦГА РД. Ф. 90. Оп. I. Д. 18. Л. 7.

² Далгат Э. М. Крестьянство Дагестана на рубеже XIX – XX вв. Махачкала, 2000. С. 51.

³ Булатова А. Г. Указ. соч. С. 40.

⁴ Там же.

В газете «Терские ведомости» говорится, что правом собственности на земли в Дагестане пользуются ханские роды, которые уступали эти права на пашни, на траву военачальникам, а уздени являлись арендаторами ханских и бекских земель. Так, например, «правом травы в кутане «Алхаджи-кент Тюз» без права передачи пользуется общество Каяент, а правом пахоты – общество Алхаджи-кент. Право владения кутаном между соучастниками распределяется так: два года распашки принадлежит аулу Утамыш, а один – аулу Мюрего. Сено косят оба аула поровну, нескошенная трава и отава принадлежит Хасаю-Минатуль-оглы из аула Утамыш. В кутане «Таву-Гюзак» право травы имеет Темир-бек Абу-оглы с родственниками, он же имеет и пай распашки в этом кутане; величину пая определяют общества Мюрего и Утамыш, коим принадлежит пахота. Правом травы, без права пахоты, в «Чоконай Кутане» пользуется Хасай-бек, правом же пахоты – общества сел Утамыш и Мюрего»¹.

«Источником общинных сервитутов была, - писал М. М. Ковалевский, - не милость помещика, а унаследование тех обстоятельств, какие налагало сохранение стародавнего обычая»².

Автор считает, что сервитуты характеризуют собой смесь общинного землевладения и землепользования с арендой феодалных земель сельскими общинами укоренившееся в традициях и обычаях землепользования. В период аграрных реформ царского правительства в Дагестане, сервитуты окажутся самой уязвимой формой землевладения, и правообладатели на сервитуты будут стремиться к ликвидации, или к минимизированию сервитутного права.

При этом надо отметить, что сохранение сервитутного права сопровождалось бесконечными спорами между владельцами земель и обладателями права сервитута, и, в конечном счете, создавал огромные препятствия в развитии экономики и был регрессом.

4. Вакуфные земли

¹ Землевладение в Дагестане // Терские ведомости. 1898. № 90. С.

² Ковалевский М. М. Экономический рост Европы. Т. 1. С. 513.

Крупным землевладельцем была мечеть и обозначенный хронологический период она владела более 13 тыс. десятинами земли, пожертвованной прихожанами в ее пользу. При этом самым пожертвованиям было характерно разнообразие, например, варьирование от полной передачи прав собственности до предоставления в распоряжение мечети части доходов. Причём жертвовалось как всевозможное имущество, так и определённая часть доходов с него.

Наиболее доходной статьёй мусульманского духовенства и мечети являлись вакуфа – земли и самое различное имущество, завещанные прихожанами в пользу мечетей, и закят, или мечетская десятина.

Ведение вакуфного хозяйства, обработка земли, сбор урожая, доставка дров для мечетей, ремонт домов, мельниц и т. д. и т. п. были возложены на крестьян, а функция духовных лиц заключалась в контроле над поступающими доходами.

Кроме муьков, почти во всех селах в собственности мечетей находились пахотные и покосные земли, которые по форме использования условно подразделяются на три категории: к первой принадлежали земли, которыми пользовались наследники завещателя с уплатой выкупа; ко второй – земли, переданные в распоряжение общества, которыми пользовались жители села тоже с уплатой вакуфа; к третьей – земли, находившиеся в непосредственном распоряжении мечети, которые отдавались жителям села в аренду с условием внести в мечеть определённую часть урожая. Исследователи подчеркивают, что арендаторы вакуфных земель обладали правом на них абсолютной собственности, т.е. могли их продавать, отчуждать в качестве приданого, дариться и т. д. но «кто бы ни купил или ни получил эту землю, вместе с ней "приобретал" обязанность выплаты определенной доли урожая мечети, что специально оговаривалось»¹. За земли первых двух категорий вакуф с пахотных земель вносился пше-

¹ *Агларов М. А.* Сельская община в Нагорном Дагестане в XVII – начале XIX в. М., 1988. С. 79.

ницей, а с покосных – салом¹ (видимо автор имеет в виду курдюк. – прим. К. Д.)».

Арендуемые вакуфные земли условно подразделялись на 1. земли, относившиеся к непосредственно собственности мечетей и сдававшиеся для обработки отдельным лицам за установленную часть урожая, и 2. земли, находившиеся в пользовании наследника с обязательством вносить в пользу мечети назначенную завещателем долю урожая или определенное количество животноводческой продукции. Вакуф распространялся не только на пахотные земли и сенокосы, но и на сады, леса, постройки и на животных. За счет этих средств содержалось духовенство, готовили нужных для религиозного культа представителей и обучали грамоте.

Однако культовые учреждения получали доходы не только от вакуфов, но и от других обязательных пожертвований, в частности, закята, который поступал как с драгоценных металлов (золото, серебро), продуктов питания (пшеницы, ячменя, сушеного винограда), и со всех видов скота. Если обратиться к историческим фактам, то, например, мечеть квартала Кванхи (одна из 6 мечетей Чоха) в виде вакуфа получала доход с 40 пашен и 260 жителей аула обязывались выплачивать или выполнять установленные мечетью повинности. Из этих 40 пашен по одной пашне имели: муэдзин, «воду поливающий», «сторожащий крышу мечети», «зажигающий в мечети светильник». «Продуктовую» корзину» входили пшеница, мука из предварительно прожаренного зерна, испеченный хлеб и мясо «хЕккел» (вероятнее всего сырое мясо. – прим. К. Д.). Арендаторы могли вносить оплату за используемую пашню животными, например, местности Гала, около хутора Дамада и рядом с полем «Байрамил МурсагIали»², овцами.

Важным является специфика взаимоотношений вакуфа и общины, потому что вакуф в Дагестане, как и закят, поступал в пользу всей общины с меньшими вычетами, чем на Востоке, и регулировался самой общиной»³.

¹ Хашаев Х.-М. О. Указ. работа. С. 181.

² Агларов М. А. Указ. работа. С. 80.

³ Там же. С. 79.

5. Казенные земли

Своеобразную форму землевладения составляют государственные (казённые) земли. Накануне крестьянской реформы в Засулакской Кумыкии казённых земель насчитывалось 17411 десятин и их образование связывали с усилением колониальной политики царизма и активной колонизацией степных районов Северного Кавказа¹. Площади казённых земель увеличивались за счет конфискованных царским правительством владений князей, нарушивших условия службы, а также ранее принадлежавших отдельным сельским обществам земель. Например, с образованием Кайтаго-Табасаранского округа в 60-х гг. XIX в. в Кайтаге ликвидируется уцмийское и бекское управления и часть уцмийских земель передается в государственную казну, при этом уцмийские райяты облагаются увеличенным налогом, а бекские райяты и зависимые уздени продолжали платить подати и отбывать повинности бекам.

В 60-х гг. XIX в., в период проведения крестьянской реформы, казенный земельный фонд заметно увеличился, поэтому свободные земли, например, в Кумыкском округе сдавали внаем, что подтверждается историческими документами, в частности, Кавказского комитета (7 ноября 1867 г.): «за наделением населения Кумыкского округа доставшуюся на его часть по разделу с высшим сословием этого округа землю в количестве 198948 десятин, там остается свободных 1928 десятин, как предполагается вперед до особого до них назначения, отдать в арендное содержание с торгов, обращая вырученную плату в общественную сумму»². В «Проекте распределения земель в Кумыкском округе» (в 1867 г.) датированном тем же годом отмечается, что в наличии Кумыкского округа имеется 8 участков казенных земель с общей площадью 17411 десятин. Кроме аренды этими землями за заслуги перед властью награждались офицеры и чиновники, например, «из ка-

¹ *Фадеев В. А.* Очерки экономического развития степного Предкавказья в дореформенный период. М., 1957. С. 24.

² ЦГВИА РФ. Ф. 400. Оп. 1. Д. 112, 74.

зенных земель Кумыкского округа 550 десятин предназначалось в пожалование полковнику Али Беку Пензулаеву»¹.

Таким образом, проведенный анализ позволяет обозначить важные цели аграрной политики царизма. Во-первых, существовала острая потребность в образовании казенного земельного фонда, для наделения в последующем земельными участками русских колонизаторов, потому что аграрная политика сопровождалась с переселенческой и были приняты специальные манифесты с воззванием ко всем желающим к «водворению на земли страны Кавказской»². При этом переселяемое чеченское и дагестанское население получили от царского правительства земли.

Во-вторых, наделением феодальной верхушки земель царское правительство пыталось привлечь их к политическому сотрудничеству. В-третьих, самой главной целью царизма был подрыв военной мощи горцев посредством захвата земель, ибо царские генералы придерживались позиции, что подчинение «значительнейших пастбищ» ограничит возможности разведения необходимых для формирования кавалерии лошадей, следовательно, и ведения военных операций³.

После присоединения Дагестана к России политика пополнения земельного фонда казны не прекратилась, так в 1911 г. Управлению государственными имуществами передается 3 тыс. десятин, принадлежавших крестьянам Аварского, Кюринского и других округов земель, с мотивацией их принадлежности в более ранний период правившим там ханам, хотя причины были не менее существенные – поощрение чиновников царской администрации и потребность в пополнении фонда «оброчных статей».

¹ Там же. Д. 113, 9.

² *Джабаева Т. Ч.* Социальная структура и земельные отношения в Дагестане в первой половине XIX века. [электронный ресурс] // Научная библиотека диссертаций и авторефератов disserCat /URL: <http://www.dissercat.com/content/sotsialnaya-struktura-i-zemelnye-otnosheniya-v-dagestane-v-pervoi-polovine-xix-veka#ixzz2ELtoSb4U> (дата обращения 07.12.2012)

³ Там же.

Выводы:

1. В середине XIX в. Дагестан представлял собой политически и экономически раздробленную территорию, и его политическая структура была представлена феодальными образованиями – государствами и «вольными обществами» со своими внутренними законами управления. На начальном этапе завоевания Дагестана царская администрация проводила политику, направленную на привлечение на свою сторону правящей верхушки, применяя различного рода инструменты и среди них следует отметить признание за местными правителями права собственности на новые земли, позволяющий им существенно повысить уровень своего материального положения и получаемые доходы, за счет установления новых для крестьян податей и повинностей.

2. В результате административного реформирования в Дагестане были ликвидированы феодальные политические образования – ханства, и образована Дагестанская область, в составе Северного Дагестана, Южного Дагестана, Среднего Дагестана и Верхнего Дагестана, в свою очередь подразделяющие на округа и географическое понятие «Дагестан» получает полноценное политико-административное наполнение – «Дагестанская область». Негативным моментом административно-территориальной реформы Дагестана является необоснованное разделение единых народов и включение их в состав, образованных на территории Северного Кавказа разных областей, следовательно, нарушение их целостности как этнической единицы. Хотя следует оговориться, что национальный фактор в рассматриваемый период не имел существенного значения для дагестанского общества.

3. Социальная структура Дагестана в первой половине XIX столетия была представлена противоположными по своим экономическим интересам сословиями феодалов и крестьян, которые, в свою очередь, также подразделялись: к первым относились шамхалы, уцмии, ханы, беки (бии), чанки, сала-уздени, крупное духовенство и вторые – свободные и зависимые уздени, раяты, чагары и патриархальные рабы. Проведенная административная и аграрная реформы привели к коренным изменениям структуры социальной стратификации дагестанского общества, снижению

социального статуса некоторых слоев, например, лишению права верховности некоторых властных полномочий, а также ограничение прав духовенства, хотя существовавшее социально-экономическое и земельное неравенство сохранилось.

4. Земельная собственность в Дагестане в середине XIX в. была представлена в форме феодальной собственности, муьков, сервитутов, вакуфных и казенных земель, каждая из которых принадлежала определенному сословию и имела свое предназначение. Аграрная реформа, несмотря на сопротивления крупных землевладельцев, ограничивает права на некоторые формы собственности, причем появляется новая форма собственности – казенные земли, источником пополнения которой являлись изъятые земли, которые в последующем предназначались для наделения земель за «заслуги и верную службу царской власти».

Кидирниязов Д.С.

БЕЛГРАДСКИЙ МИРНЫЙ ДОГОВОР 1739 Г. И ЕГО ПОСЛЕДСТВИЯ

После ухода в середине 30-х гг. XVIII в. из Северного Кавказа персидских и крымских войск обстановка в регионе стала временно стабильной.

Однако российско-османские противоречия на Кавказе после Гянджинского договора вновь приобрели особую остроту. Вопреки своим обязательствам по мирному трактату 1735 г., Персия в 1736 г. заключила сепаратный мир с Портой. Таким образом, надежными союзниками России в регионе в борьбе с османами были местные владетели (тарковский шамхал, адыгские князья и др.). Российский посланник в Порте докладывал в Петербург: «Кабарды уступать нельзя, и этим отворить двери татарам в Дагестан»¹.

¹ Кабардино-русские Отношения в XVI – XVIII вв. М. 1957. (Далее – КРО). Т. 2. С. 202.

Следует отметить, что неоднократные вторжения крымцев на территорию Северного Кавказа и вопрос о Кабарде стал одним из непосредственных поводов к российско-османской войне 1735-1739 гг. Главной задачей для России в этой войне было обеспечение безопасности своих южных границ, и получение возможности выхода к Черному морю. В октябре 1735 г. российское войско было направлено в сторону Крымского ханства. Войска подошли к границе ханства, разбили союзных Крыму ногайцев и расположились на землях запорожских казаков¹.

События осени 1735 г. стали для России фактическим началом войны с султанской Турцией, формально она была объявлена весной 1736 г. В манифесте, отправленном в Стамбул 12 апреля 1736 г., говорилось об объявлении войны. В ответ Порты решила двинуть свои войска в Кабарду. В мае 1736 г. крымский хан выступил в поход с 60-тысячным войском и артиллерией².

Между тем принятыми российскими властями мерами удалось прекратить междоусобицы между кабардинскими владельцами. Вскоре российское правительство обратилось к адыгским князьям с предложением: «собрався с своими военными людьми и совокупясь с отправленными... на кубанскую сторону з донскими казаками, старшиною Иваном Краснощековым, шли на Кубань и на тамошних татар и протчих турецких подданных нападения чинили, и оных до того не допускали, чтобы они при осаде от наших войск Азова не мешались»³. Кабардинские конные отряды активно участвовали в российско-османской войне на стороне России во взятии крепости Азов, в военных действиях на Кубани⁴.

В 1736 г. мощный отряд «военных людей более 10000 человек» ногайской конницы с их мурзой Солтан-улы на Кубани перекрыл путь наступавшим российским войскам⁵. Однако ногайцы

¹ АВПРИ. Ф. Азиатские дела. Оп. 103. Д. 3. 1724-1735 гг. Л. 26.

² РГВИА. Ф. ВУА. Оп. 1. Д. 45. Л. 47; Сб. РИО. 1892. Т. 80. С. 80.

³ АВПРИ. Ф. Кабардинские дела. Оп. 115. Д. 1. 1736 г. Л. 9 об.

⁴ Гутов Р.Х. Кабарда и Балкария в XVIII веке и их взаимоотношения с Россией. Нальчик, 1999. С. 462.

⁵ История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. М., 1988. С. 430.

в кровопролитной битве были побеждены объединенными войсками русских, кабардинцев и калмыков¹.

После поражения ногайцев российское командование начало вести с ними переговоры, чтобы те перешли в подданство России. Пока велись переговоры, к ногайцам подошел в помощь крупный отряд крымцев. Получив подкрепление, ногайцы прервали все переговоры, заняв враждебную позицию к российским, кабардинским и калмыцким войскам. Таким образом, о дальнейшем продвижении российских войск к Азову нельзя было и думать.

Старшина Д. Ефремов предложил кабардинскому князю М. Кургокину неожиданно напасть с тыла на ногайцев и начать штурм их укреплений. План был нереален и потому сам собой отпал. Адыгские владетели М. Кургокин и К. Атажукин «вызвались уладить дело без крови»². Предпринятые ими дипломатические усилия закончились благополучно: ногайцы «в подданство Ея Императорского Величества склонились и выдали в качестве заложников – 500 всадников из самых знатных мурз»³.

Затем, в результате совместных действий 25-тыс. войска калмыцкого хана Дондук-Омбо, адыгских отрядов и донских казаков, 10 тыс. семей ногайцев Малого Ногай приняли подданство России⁴.

В 1736 г. кабардинский князь Эльмурза Черкасский во главе отрядов адыгов и казаков несколько раз ходил походом на Кубань, где «оставшихся на Кубани татар (ногайцев – Д.К.) разорили и их конские табуны все взяты были»⁵.

Между тем весной 1737 г. на Кабарду османы бросили отряды ногайского мурзы Мусы и наврузовских ногайцев. В это вре-

¹ РГВИА. Ф. ВУА. Оп. 1. Д. 47. Л. 13. 15-16; Кипкеева З.Б. Северный Кавказ в Российской империи: народы, миграции, территории. Ставрополь, 2008. С. 13.

² История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. С. 430.

³ РГВИА. Ф. ВУА. Оп. 1. Д. 47. Л. 15-16.

⁴ Бутков П.Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 год. В 3-х частях. СПб., 1869. Ч. 1. С. 184-185, 191, 201-202.

⁵ Бутков П.Г. Указ. соч. Ч. 1. С. 202; Мальбахов Б.К., Эльмесов А.М. Средневековая Кабарда. Нальчик, 1994. С. 217.

мя здесь вспыхнула чума (моровое поветрие). Охваченные чумой и не надеясь на помощь России, ко всему ещё подтачиваемые междоусобицей, адыги оборонялись все лето и осень 1737 года.¹

В 1738 г. кабардинцы участвовали в закубанских походах российских войск. В ходе военной операции на Кубани адыгские князья М. Кургокин и Кара-Мурза Алеев «с весны 1738 г. сдерживали натиск крупной ногайской Орды»². После того как к ним на помощь подошло калмыцкое войско во главе с тайшой³ Дондук-Омбо, все союзники «кучно следовали на Кубань [и] Муссу-Мурзу и абазинских черкас завоевали»⁴.

В 1739 г. адыгский отряд во главе с владетелем А. Кайтукиным нанес крупное поражение на берегу Лабы вторгшимся из Крымского ханства войскам султана Казы-Гирея⁵. Летом того же года крымцы совершили ответное нападение на Кабарду. Они захватили в плен более 500 человек, угнали 7 тыс. крупного рогатого скота и 200 тыс. овец⁶.

Важно отметить, что российско-османская война 1735-1739 гг. совпала по времени с подготовкой и осуществлением похода иранского шаха Надира в Индию, Афганистан и Центральную Азию. Трудности, переживаемые Портой, обостренные длительными войнами, были использованы дипломатией западных держав, чтобы добиться её сближения с шахским Ираном. Несмотря на противодействие российской дипломатии в Стамбуле, в сентябре 1736 г. между Персией и Портой был заключен Эрзерумский мирный договор, невыгодный для России⁷. П.Г. Бутков правильно отмечал, что этот мир «Надира с Портой обманул ожидания России»⁸. Возвращая Надир-шаху прежние персидские владения на Южном Кавказе, османы добились нейтрализации Гянджинского мирного договора 1735 г., предусматривавшего ирано-

¹ КРО. Т. 1. С. 90-93, 95-96.

² КРО. Т. 2. С. 96-97; Очерки истории Карачаево-Черкесии. Ставрополь, 1967. Т. 1. С. 271.

³ Тайша – калмыцкий правитель.

⁴ АВПРИ. Ф. Кабардинские дела. Оп. 115. Д. 1. 1738 г. Л. 15.

⁵ Гугов Р.Х. Указ. соч. С. 462.

⁶ АВПРИ. Ф. Кабардинские дела. Оп. 115. Д. 1. 1739 г. Л. 15.

⁷ Сб. РИО. 1892. Т. 80. С. 80.

⁸ Бутков П.Г. Указ. соч. Ч. 1. С. 135.

российское взаимодействие в борьбе против экспансии султанской Турции.

Между тем, обезопасив накануне похода в Индию западные границы, Надир-шах старался этими мерами оставить в тылу усмиренный Кавказ. Задачу покорения Дагестана шах возложил на своего брата Ибрагим-хана. Ценой крупных потерь Ибрагим-хану в конце 1737 г. удалось вытеснить дагестанцев из Кахетии. Однако весной 1738 г. восстали 6 джаро-белоканских «вольных» обществ под руководством влиятельных старшин Ибрагима Дивана и Халила. Вскоре к восставшим присоединились сын Сурхай-хана Казикумухского Муртузали и сын Мухаммед-бека Цахурского. Кроме того, на помощь повстанцам из Дагестана пришло 20-тысячное войско. Попытка персов расколоть восставших подкупом их предводителей закончилась безуспешно¹.

Узнав об этом, Надир-шах в августе 1738 г. направил грозное письмо кайтагскому уцмию Ахмед-хану. В нем подчеркивалось, что дагестанцы, обязанные подчиняться ему, стали отходить от него и попали под влияние Сурхай-хана, за что будут строго наказаны. С возвращением в Дагестан Надир-шах предупреждал Ахмед-хана, что он будет жестоко преследовать восставших «до пределов аваров и черкесов, чтобы об этом сохранить память до конца света в горах Эльбруса»².

Ибрагим-хан, убедившись в неподкупности дагестанцев, решил покорить джарские общества. Он во главе 38-тыс. войска летом 1738 г. вступил на территорию Джаро-Белокан. Ибрагим-хан в сражениях с джарцами был убит³.

Следует отметить, что после поражения похода под руководством Ибрагим-хана в Джаро-Белоканы освободительная борьба против владычества персов охватила многие районы Дагестана. Особенно упорной она была в Дербенте и Табасаране. В конце 1738 г. сын Сурхай-хана Казикумухского – Муртузали, захватил Кубу, где на престоле был утвержден дядя Сурхай-хана – Карат-бек⁴.

¹ Сотавов Н.А. Северный Кавказ в русско-иранских и русско-турецких отношениях в XVIII в. М., 1991. С. 97.

² Сотавов Н.А. Крах «Грозы Вселенной». Махачкала., 2000. С. 124.

³ Хроника войн Джары в XVIII столетии. Баку, 1935. С. 29.

⁴ ЦГА РД. Ф. 379. Оп. 1. Д. 17. Л. 142.

Однако российское правительство не сумело воспользоваться изменением ситуации в регионе. 18 (29 сентября) 1739 г. между Россией и Турцией был заключен Белградский мирный договор. Надо заметить, что поспешное заключение этого мирного трактата заключалось в том, что российское правительство ожидало предстоящей войны со Швецией, а также по причине обострения отношений с шахским Ираном.

По условиям Белградского мирного договора, Россия не получила главного – выхода к Черному морю¹.

По условиям трактата, Кабарда была признана независимой, «нейтральной»². Согласно статье 6 договора обе державы обязывались не вмешиваться во внутренние дела Кабарды³. Важно отметить, что превращение Кабарды в «буферную зону» между Османской империей и Крымским ханством, с одной стороны, и Россией - с другой, не соответствовало интересам ни России, ни Кабарды. Фактически последняя становилась беззащитной перед лицом крымско-османской агрессии.

Следует указать, что в кавказской политике Российского государства Белградский договор 1739 г. сыграл отрицательную роль. Этот трактат не сгладил, а, наоборот, обострил отношения между Петербургом и Стамбулом по кабардинским и крымским вопросам⁴. Было ясно, что борьба за регион будет продолжена. Последствия мирного трактата 1739 г. не заставили себя долго ждать. Порта не собиралась выполнять его условия и активизировала борьбу за подчинение края. Участились набеги крымцев на Северо-Западный Кавказ⁵.

Возвращение Ирану по Рештскому (1732 г.) и Гянджинскому (1735 г.) договорам Прикаспийских областей, с условием, что шах не допустит завоевание этих территорий Османской империи-

¹ История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. С. 433.

² ПЗС. Собр. I. Т. 10. № 7900. С. 899-904.

³ РГВИА. Ф. ВУА. Оп. 1. Д. 47. Л. 220; История многовекового содружества. Нальчик, 2007. С. 132.

⁴ Маркова О.П. Россия, Закавказье и международные отношения в XVIII веке. М., 1966. С. 50.

⁵ Очерки истории российского Северного Кавказа второй половины XVI – середины XIX века. Славянск – на – Кубани, 2010. С. 96.

ей, а также соглашение на объявление Кабарды независимой, «нейтральной», по Белградскому мирному трактату 1739 г. с Турцией, вовсе не означали отказа российского правительства от продолжения своей восточной политики, ослабления её интереса к Кавказу.

Необходимо отметить, что ситуация в регионе после Гянджинского и Белградского мирных трактатов несколько стабилизировалась. Российско-персидские отношения до похода Ага-Мухаммед-хана на Грузию были если не мирными, то, во всяком случае, не враждебными, ибо общее положение шахского Ирана не позволяло ему бросить вызов России, а Петербург, постоянно оглядываясь на Стамбул, хотел иметь в лице Персии союзника или, по крайней мере, нейтральную сторону при возникновении новых российско-османских войн. Поэтому Россия стремилась соблюдать осторожность не только в восточной части Южного Кавказа, но и в Дагестане.

Таким образом, удержанию Петербургом своих позиций на Северном Кавказе сравнительно небольшими силами способствовала сложившаяся на юге международная обстановка и соотношение сил в крае. В этих условиях активно действовала в регионе и российская дипломатия, что особенно заметно стало с приходом к власти в 1741 г. Елизаветы Петровны.

Кузьмина В.М.

К ВОПРОСУ ФОРМИРОВАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ИДЕОЛОГИИ И ЦЕННОСТЕЙ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА В 1930- Е ГОДЫ (НА ПРИМЕРЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ТВОРЧЕСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ ЦЕНТРАЛЬНОГО ЧЕРНОЗЕМЬЯ)

Культурное строительство после Октябрьской революции 1917 года началось в условиях войны, разрухи и голода. Поскольку молодая советская республика еще не имела кадров для работы в русле культурного строительства, то опорой в этом деле

на первом этапе должны были стать представители «буржуазной» интеллигенции. Но условия, в которых необходимо было проводить культурное строительство, были очень трудными: это голод, разруха, начало гражданской, братоубийственной войны; это мятежи и крестьянские восстания; это начало красного и белого террора. Именно в этих условиях интеллигенции предстояло сделать выбор: поддержать всю политику Советской власти или только частичные мероприятия в области культурного строительства; отказаться от какого-либо сотрудничества, открыто противодействовать мероприятиям большевиков или эмигрировать на запад.

Проблема нравственного выбора не могла быть решена в одночасье, и поэтому внутренние колебания сопровождали «старую» интеллигенцию на протяжении первых лет строительства Советской власти. Среди старой интеллигенции произошел раскол: часть поддержала мероприятия большевиков, часть заняла враждебную позицию, значительное число интеллигентов не сразу определило свою позицию и колебалось, им предстояло сделать свой выбор.

Многие интеллигенты, враждебно принявшие Октябрьскую революцию, уже весной 1918 года соглашались на профессиональное сотрудничество с Советской властью. Наиболее многочисленной оказалась группа интеллигенции, занявшая позицию невмешательства в политику. Это объяснялось следующими обстоятельствами. С одной стороны, большая часть интеллигенции в прошлом не поддерживала политику самодержавия, стремилась к изменению существующего строя, активно участвуя в революционном движении. С другой, она испытывала страх перед революционным народом, и не могла понять сущности Советской власти, начавшихся социалистических преобразований. Жизнь заставляла их сотрудничать с властью, и это часто определяло их дальнейшую судьбу - превращение в лояльного к власти советского служащего или путь в эмиграцию. О своей поддержке большевиков и их программы сразу заявили лишь отдельные представители российской интеллигенции. Данное размежевание в среде деятелей культуры и искусства было характерно не только для столичной интеллигенции, оказавшейся в эпицентре событий, но и для провинциальной интеллигенции, которая не сразу,

но все же оказалась свидетелем драматических событий Гражданской войны, деятельности властей в период захвата территории Центрального Черноземья Добровольческой армией Деникина, жесткой политики «военного коммунизма» и т.д.

Последовательная политика Советской власти в области культурного строительства позволила той части интеллигенции, которая поддержала новую власть и той части, которая не отказалась участвовать в отдельных мероприятиях, активно пропагандировать социально-экономические мероприятия путем организации митингов-концертов, встреч, организации клубной и кружковой работы, как в городе, так и на селе, проведении концертов, выставок, литературных вечеров.

Выполняя постановления РКП(б), представители интеллигенции «старой школы», чтобы найти другие пути просвещения крестьянства (как малограмотного и безграмотного слоя населения) стали создавать в селах театры и кружки. В результате их работы, театр начал пользоваться успехом у сельского жителя. Это было связано с тем, что для крестьян драматический театр был новинкой культурной жизни, к тому же они сами принимали непосредственное участие в постановке спектаклей. В результате совместной работы общение актеров и зрителей было очень тесным, поскольку в деревнях не было сцены, и зрители являлись как бы активными участниками всего происходящего. Возросший интерес к театру привел к необходимости созыва губернского съезда по вопросам о рабоче-крестьянском театре. Как сообщила газета «Волна», 12-13 апреля 1919 года, в Курске открылся такой съезд. Прибыло свыше 60 делегатов, представлявших театральных деятелей всей губернии.

Работники культуры смогли обучать простых крестьян музыке, игре в драмкружках, декламированию. Наладить хороший контакт с населением им помогли их знания, высокий уровень культуры, опыт работы и желание трудиться ради культурного просвещения крестьянских масс. Артисты, музыканты шли в деревни и села работать простыми организаторами кружков, работали в избах-читальнях, и все это делали не только по велению партии, но и по зову души. Н. Бердяев назвал это «ощущением вины интеллигенции перед народом»[2,с.104], в результате которого они искупали свою вину всеми доступными для нее сред-

ствами. Так, например, Ястребовский драмкружок (Ст. Оскол, 1917 год), драмкружок «Объединение» (С. Ново-Деревенское Львовского уезда, 1918 г.), театральный кружок в С. Становое (Тимский уезд, 1919 г.) возглавлялся представителями творческой интеллигенции, и, несмотря на то что цена на билеты колебалась от 10 до 100 рублей, «театры приносили доход, и граждане интересовались спектаклями...».

Работая среди сельских жителей, представители творческой элиты становились свидетелями антисоветских выступлений крестьян и левых эсеров в 1918 году в Львовском уезде, крупных вооруженных восстаний в 1919 году в Дмитриевском уезде, и акций протеста против ужесточения политики «военного коммунизма»[6с.13]. «Буржуазные» деятели культуры наглядно видели, что у крестьян также стояла проблема выбора, только средства ее решения были очень жестокими. Все это сближало интеллигенцию и крестьянство, поскольку именно у образованных и культурных людей крестьяне искали ответы на многие сложные жизненные вопросы.

Большое значение имело сотрудничество так называемых буржуазных деятелей культуры и представителей формирующейся советской интеллигенции. Так, в «Курском союзе поэтов» совместно творили представители старшего поколения (Л. Г. Чеминов, В. Е. Иванилов, П. М. Карпов) и молодые поэты (Е. А. Благинина, Г. Рейсберг, Е. Станиславская и др.). Дореволюционные художники (Г.А. Шуклин, Н.П. Сильвестров, М.П. Якименко-Забуга) активно обучали и в определенной мере поддерживали молодых художников в их творчестве, направленном на создание агитационных плакатов, декораций, оформлении агитпоездов и пр. Лучшие представители музыкальной интеллигенции, приехавшие из Москвы и Петрограда, вместе с молодыми курскими музыкантами создавали творческие коллективы. Так, известный дирижер Мариинского театра М. М. Амотняк организовал в Курске симфонический оркестр; Г. Л. Болычевцев (выпускник Московской консерватории) вместе с семьей создал музыкальную коммуну в селе Нижний Теребуж Щигровского уезда. Представители дореволюционной интеллигенции принимали участие в проведении первомайских и октябрьских праздников, в организации различных агитационных кампаний (25 лет РКП(б), День Леса,

Двухнедельник книг), и антирелигиозных мероприятий («Комсомольское рождество», «Комсомольская пасха»)[3,с.76], а также митингов-лекций, митингов-концертов.

Энтузиасты-подвижники открыли народные консерватории в Харькове, Севастополе, Витебске, Минске, Гомеле, Ташкенте, Верном (ныне Алма-Ата), Бухаре, Самарканде, Фергане. Прототипом для них послужила Народная консерватория, которая была организована в Москве в 1906 году (один из ее организаторов — С. И. Танеев) для распространения музыкальной культуры среди рабочих, железнодорожников, служащих. Воодушевленные открывшимися возможностями просветительства музыканты пишут для неподготовленных учащихся программы обучения, перестраивая традиционную систему педагогики. В Курской губернии продолжается творческая работа и в музыкальной коммуне Г. Л. Болычевцева. В середине 20-х годов в селе Теребуж Щигровского уезда семьей Болычевцевых были созданы музыкальная студия и музыкальная школа I и II ступеней, был дан осенью 1927 года абонементный цикл из пяти исторических концертов-лекций, куда вошли произведения Гайдна, Рамо, Моцарта, Бетховена, Скрябина, Шуберта, Мендельсона, Шумана, Шопена, Прокофьева[7,с.185].

Реализация культурной политики в СССР, основанной на коммунистических идеях социального равенства, принесла в конце 1930-х годов ликвидацию неграмотности среди широких слоев населения, увеличение числа учебных заведений, создала государственную систему распространения среди масс образцов мировой и отечественной культуры. Но именно в этот период произошло искажение фундаментальных понятий культуры. Так, в искусстве народность стала трактоваться как необходимость буквальной общедоступности произведений искусства. Партийность начали понимать как прямой перевод политических тезисов и идеалов на художественный язык. Все это создало у творческой интеллигенции впечатление, что сама культурная революция является только одним из способов классовой борьбы, перенесенной в область искусства. А. В. Луначарский, видя все это, писал: «Вместо первоначального, несколько упрощенного, при всей своей мощи, революционного энтузиазма, наступает время выработки новой, пролетарской и общественной этики»[5,с.340].

Советская власть взяла под свой контроль все виды искусства и всю творческую деятельность интеллигенции. Если в 1920-е годы существовало множество различных общественных организаций в сфере культуры (краеведческие общества, писательские кружки, объединения художников, артистов), то в конце 1920-х – начале 1930-х годов по всей стране начинается постепенное, но энергичное наступление со стороны властных структур на свободу и организационную «разношерстность», самостоятельность творческой интеллигенции. Под руководством и контролем Коммунистической партии создаются единые жестко централизованные организации: Союз советских писателей, Союз художников, Союз театральных деятелей и т.д. Все творческие организации пошли по пути признания социалистического реализма как единственно верного метода в искусстве.

Но необходимо было также контролировать и идейные воззрения представителей творческой интеллигенции, а для этого существовал аппарат НКВД. За период с 1930–1940 гг. по данным «Книги памяти жертв политических репрессий»[4,с.14], в Курской области из рядов интеллигенции было расстреляно 416 человек, отправлено в лагеря – 19, в ссылку – 18. Среди них – Е. С. Гуревич (музыкант, арестован в 1937г.), Д. Д. Милит-Додик (артист цирка и эстрады, арестован в 1935), А. В. Агрипович (артистка эстрады, арестована в 1936г.) и др[1,с.3-7]. В основном обвинения к артистам сводились к следующему: недовольство мероприятиями советской власти, отношение к внутрипартийной борьбе (убийство Кирова), устройство платных концертов и выступлений в свою пользу[1,с.30-35]. Работали чекисты определенным образом: допрашивали огромное количество свидетелей, которые, в свою очередь, называли все новые фамилии, и затем, после вынесения приговора по обвинению одних, они принимались за новые дела по обвинению бывших свидетелей.

Среди арестованных в июне 1938 года УГБ УНКВД по Курской области в Старом Осколе был А. С. Тимофеев-Горский, режиссер местного театра. В ходе следствия чекисты «установили», что в Старооскольском драматическом театре сформировалась и активно действовала контрреволюционная организация, возглавляемая директором театра Н. Г. Белоконом. В вину актеров Славского, Мазурова, Каракина ставилось то, что они «путем бесед с

колхозниками и рабочими совхозов, вели агитацию на дискредитацию руководителей ВКП(б) и советское правительство»[1,с.244]. В ходе допросов, под моральным давлением и физическим воздействием следователей, представители творческой интеллигенции не выдерживали и признавали свою вину – участие в надуманных заговорщических организациях, надеясь тем самым облегчить свою участь. Но их ожидания не оправдались.

Система работы партийно-государственных органов с творческой интеллигенцией не ограничивалась политическими репрессиями со стороны НКВД, была также работа на уровне кадровой политики, на уровне материальной заинтересованности и моральных стимулов. Рассматривая деятельность кадров как основной рычаг реализации политических целей, партия уделяла основное внимание таким направлениям идейно-политического уровня кадров, как усиление воспитательной роли партии через коммунистов или комсомольцев (например, во все деревни и села были направлены комсомольцы для организации работы культурно-просветительского влияния интеллигенции на сознание деревенских жителей), подбор и расстановка кадров руководителей, забота об условиях труда (многочисленные комиссии, осматривавшие помещение драмтеатра, а затем выделение средств на его ремонт или реконструкцию).

В 1920–1930-е годы сформировался механизм контроля над культурой, который функционировал вплоть до конца 1980-х годов. Но создание крепкой централизованной государственной системы управления всеми сферами жизни, в том числе культурой, относится к середине 1930-х годов. Под руководством и контролем партии создаются единые, жестко централизованные организации: союзы писателей, художников, театральных деятелей. И тем не менее, несмотря на все сложности политического, идеологического и социального характера, творческая интеллигенция продолжала выполнять свой долг по формированию ценностей нового советского общества.

Список литературы

1. Архив УФСБ по Курской области. Д.1462. Л. 3–150.

2. Бердяев Н. Истоки и смысл русского коммунизма. – М., 1999.
3. Из истории Курской областной комсомольской организации / Гл. ред. Шаров В. Е.–Курск, 1972.
4. Книга памяти жертв политических репрессий Курской области. – Курск, 1996.
5. Кораблев И. Ю., Федосов И. А., Борисов Д. С. История СССР. – М., 1989.
6. Михеев В. И. Соппротивление Курского крестьянства политике большевиков в 1918 – 1933 гг. Автореф. дисс. ...докт. ист. наук. – Курск, 1998.
7. Курский край: культура и культурно-историческое наследие. – Курск, 2002.

Лачинова Г.А.

ИСТОРИЯ РУССКО-КАВКАЗСКИХ ОТНОШЕНИЙ С X ПО XIV ВЕК.

Установление тесных экономических, политических и культурных связей русского народа с народами Северного Кавказа произошло в глубокой древности и неразрывно связано с историей образования Древнерусского государства. В X веке Киевская Русь занимала огромную территорию от Балтики до Черного моря и являлась одним из крупнейших государств средневековой Европы, которое играло важную роль в политической, экономической, культурной жизни восточных славян[1.]. Успешные походы русских войск в Византию, заключение выгодных мирных договоров продемонстрировали возрастающую военную мощь молодого государства. Утверждение христианства, переход к более развитому феодальному социально-политическому строю привели к новому этапу развития взаимоотношений Киевской Руси с ближайшими государствами. Стремление киевских князей к расширению территориальных границ и к установлению кон-

троля над новыми путями, обратили их взоры на Восток и Кавказ. Именно к этому периоду относятся первые контакты Киевского княжества с северокавказскими племенами, которые зафиксированы в русских летописях и в трудах арабских историков.

Первые упоминания в летописях о проникновении русских войск на Кавказ приходится на 913 год, когда они достигли берегов Каспийского моря. В 943 году русские войска, под предводительством киевского князя Игоря, осуществили поход в Закавказье. Руссы взяли город Дербент, затем через Ширван, разгромив здесь войска ширваншаха, по реке Куре поднялись вверх и захватили крупнейший в то время город Закавказья – Берда[2.]. По мнению А. П. Новосельцева, из Берда руссы ушли на Северный Кавказ, через Дарьяльский проход, бывший во владении союзного им аланского царя[3.]. Этот поход стал первой крупной совместной военно-политической акцией руссов и аланов[4.](в Новгородской летописи упоминание об аланах – ясах встречается и в 965 году)

Разгром русским князем Святославом Хазарского каганата (968-969) имел важнейшие последствия для народов Северного Кавказа и Киевской Руси. Конец Хазарии означал объединение в едином государстве, Киевской Руси, большей части восточнославянских племен. Во время похода были сокрушены и зависимые от каганата земли болгар, бургасов, ясов и касогов. Власть хазар была сокрушена не только в центре Хазарии, но и на ее окраинах. Конец Хазарии означал свободу проезда славянских купцов в Каспийское море, Хорезм и Закавказье. Русь открыла себе свободную дорогу на Восток. Торговые связи Руси с Востоком укрепились, благодаря устранению посредников Хазарии.

Победа князя Святослава освободила аланов-ясов и касогов от хазарского господства и способствовала укреплению влияния древней Руси в регионе. С этого времени, вплоть до монголо-татарского нашествия, Аланское царство занимало доминирующее политическое положение в Центральном Предкавказье. Поход князя Святослава, по мнению В. А. Кузнецова, - последнее крупное событие в жизни Алании в X веке.

Взаимоотношения русских поселенцев с местными народами, несмотря на отдельные локальные войны, свойственные тому времени, оставались добрососедскими: между ними не прекра-

щались взаимные торговые связи, и нередко они вместе выступали против чужеземных захватчиков. Так, по сообщению хроники «Тарихи Дагестан», против арабских захватчиков выступили не только дагестанцы, но и русские, которые пришли к ним на помощь. Когда стало известно о наступлении арабов, говорится в хронике, то горцы собрались «вместе, сопровождаемые войсками Русь, которые всегда поровну делили с ними добро и зло»[7.]. Труды турецкого историка Мюнеджим-баши сообщают нам и о новых совместных походах руссов с аланами-ясами и сарирцами (Сарир-Авария, раннефеодальное государство на территории Дагестана в X веке)[6.] на прикаспийские города. В 1030 г. руссы и аланы совершили новый военный поход на Ширван. В 1032 г. сарирцы, аланы и руссы, заключив соглашение, вновь нападают на Ширван. Там, а также в других местах они убили свыше 10 000 человек и оставались в стране десять дней, копая землю и извлекая деньги и имущество, которое спрятали там жители города. Союзники, возвращающиеся с богатой добычей, на пути попали в засаду, организованную Ширваншахом, подкупившим лезгин и табасаранцев, откуда спасся лишь небольшой отряд, включая и правителя алан[5.]. В следующем 1033 г. «руссы и аланы вознамерились отомстить» и снова двинулись на Дербент.

В IX-XIII веках с развитием торговли контакты восточнославянского и кавказских регионов стали регулярными, что естественно способствовало увеличению численности русского населения на Кавказе. Основными торговыми магистралями в то время были водные системы Днепра, Дона и Волги, которые вели в Киев и Новгород. Особо следует отметить роль Волго-Каспийского пути в налаживании русско-кавказских отношений. Использование его русским купечеством не прекращалось течение многих столетий, в том числе и в период господства здесь золотоордынских ханов. Безусловно, это предполагало хорошее знакомство славян с побережьем Каспия, включая и устье Терека. Проникновение первых казачьих групп на Северный Кавказ, также связано с Волго-Каспийской магистралью.

В мирное же время простые люди разных племен и наречий, земледельцы и скотоводы общались друг с другом, осваивали производственный опыт соседей, обменивали продукты своего труда. Соседи горцы знакомились с русским высокоразвитым, по

тому времени, ремесленным производством, изучали их более высокую сельскохозяйственную культуру. Сюда же приезжали купцы из дальних стран Закавказья и Средней Азии, и здесь, на бойких ярмарках, русские люди встречались со своими ближайшими соседями – ясами и косогами. Русские купцы привозили для продажи меха, оружие и изделия из металла. Особенно большой спрос был на русские меха[8.]. В обмен на свои товары купцы покупали дорогие камни, бисер, особенно зеленого цвета, золотые и серебряные изделия, кольца, бляхи для украшения одежды и конской сбруи, а также бумажные ткани, пряности и вино.

Помимо торгово-экономических связей взаимоотношения русского народа с народами Кавказа скреплялись и родственными узами. Так, в 1107 году князя Владимир Мономах, Давид и Олег на съезде с двумя половецкими ханами взяли у них дочерей замуж за своих сыновей. Старший же сын Владимира Мономаха, князь Ярополк, посланный отцом в 1116 году против половцев, «жену полони себя ясыню», т.е. осетинку, дочь ясского князя Свана, названную после крещения Еленой. Князь Святополк был женат на дочери половецкого хана Тугоркана, а князь Изяслав Мстиславович женился на царской дочери из «Обез»[9.]. Русские летописи сообщают и о женитьбе князя Всеволода Юрьевича, брата Андрея Боголюбского, на осетинке Марии.

Связи русских с народами Кавказа прерываются в период монголо-татарского нашествия. Однако в XIII-XIV веках народы Кавказа и Руси боролись каждый на своей территории против общего врага – монголо-татарских захватчиков. Монголам удалось расстроить военный союз половцев и аланов, разбить их поодиночке, однако половецко-русский союз им расстроить не удалось: старое кочевое и полукочевое население южнорусских степей совместно с русскими принимало участие в неудачной для союзников битве на Калке в 1223 году[10.].

Походы через Северный Кавказ, рейды во внутренние его районы, неоднократные столкновения на территории Предкавказья войск Золотой Орды пагубным образом отразилось на экономике, культуре, социальном развитии хозяйственной деятельности этих народов. Низменные земледельческие районы целиком были превращены в монголо-татарские кочевья.

В результате опустошительных нашествий монголо-татарских орд и связанных с этим перемещений коренного оседлого населения в значительной степени изменилась и политическая карта Северного Кавказа. Одни этнические общности и государственные образования распались, другие в силу ряда внутренних и внешних причин возвысились, и, что особенно характерно, увеличилась численность самоуправляющихся союзов сельских общин.

В это время связи русских с народами Кавказа продолжались, правда уже в другом виде. Так, в своем путешествии венецианец Марко Поло встретил при дворе хана Золотой Орды Хубилая, алан и 10-тысячный отряд русских воинов под предводительством русского князя Григория. Во время обязательных поездок в Орду и ко двору великого хана русские князья, митрополиты и архиереи вместе со своими свитами посещали самые отдаленные части новоявленной империи завоевателей. В летнее время Золотая Орда постоянно перекочевывала с места на место, оказываясь то у Каспийского, то у Азовского, то у Черного морей. А в 1319 году, например, Орда даже стояла за Тереком, поблизости от аланского города Дедякова: здесь в ставке хана Узбека, трагически погиб непокорный русский князь Михаил Тверской. Арабский путешественник Аль-Омари сообщал о том, что у золотоордынского хана Узбека в составе войска находились черкесы, русские и ясы[10.]. Уже одно упоминание русских вместе с черкесами и ясами наводит на мысль о том, что, возможно, здесь речь идет о каком-то домонгольском населении Приазовья и Северного Кавказа, ибо такой этнический состав отмечен на территории бывшего Тмутараканского княжества еще в половецкое время. Однако, возможно, что здесь русские названы как покоренный монголами народ вместе с другими зависимыми народами Северного Кавказа вынужденный в порядке отбывания вассальной повинности нести воинскую службу в войсках золотоордынских ханов.

О том, что русские и северокавказские народы платили завоевателям «дань кровью» подтверждено множеством письменных свидетельств, как европейских, так и арабских путешественников и дипломатов. Выведенные из родных мест русские поселенцы, а также исконные жители Приазовья описаны европей-

скими послами, побывавшими в Золотой Орде. В частности, посол Людовика IX, Вильям Рубрук, проезжая по нижнему течению Дона оставил запись о своих впечатлениях: «Повсюду среди татар разбросаны поселения руссов. Они превратились в закаленных воинов. Средства для жизни добывают войной, охотой, рыбной ловлей и огородничеством. Для защиты от холода и непогоды они строят землянки и постройки из хвороста. Своим женам и дочерям они не отказывают в богатых подарках и нарядах. Все пути передвижения обслуживаются руссами и на переправах рек – повсюду «русы». Далее Рубрук возмущается тем, что отдельные шайки руссов и алан по 20 человек и более нападают на богатых путешественников и грабят их.

Ясно, что такие «связи» не могли упрочить некогда крепкие взаимовыгодные русско-кавказские отношения, и потребовалось более двухсот пятидесяти лет, прежде чем открылись новые возможности для восстановления утраченных торгово-экономических и культурных связей. Этот этап в истории русско-кавказских отношений связан, в первую очередь, с падением монголо-татарского ига и образованием Русского централизованного государства с центром в Москве.

Литература:

1. Толочко П. П. Древняя Русь. – Киев, 1987.
2. Греков Б. Д. Киевская Русь. – М., 1953.
3. Пашуто В. Т. Внешняя политика Древней Руси. – М., 1968.
4. Кузнецов В. А. Алания в X-XIII вв. – Орджоникидзе, 1971.
5. Повесть временных лет. - «Хрестоматия по древней русской литературе». – М., 1962.
6. История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. /Под ред. Б. Б. Пиотровского. – М., 1988.
7. Минорский В. Ф. История Ширвана и Дербента в X-XI веках. – М., 1963.
8. Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Т. 1. – М., 1960.
9. История Северо-Осетинской АССР. – М., 1959.

10. Заседателева Л. Б. Терские казаки (середина XVI- начало XX в.). историко-этнографические очерки. – М., 1974.

Магомедов М.Б., Лахитова П.М.

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ СОЦИАЛЬНО- ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРЕДПОСЫЛОК ВОЗНИКНОВЕНИЯ БОРЬБЫ ГОРЦЕВ ДАГЕСТАНА И ЧЕЧНИ В 20-50-Х ГОДАХ XIX ВЕКА

Наряду с карательными экспедициями для «покорения» горцев Дагестана и Чечни использовались и другие методы принуждения. План «покорения Кавказа» правительство Российской империи сводило к захвату стратегических пунктов, запиравших выходы в плодородные долины, к оттеснению горцев в районы, где без пашни и зимних пастбищ было невозможно нормальное ведение хозяйства. Одним из таких методов «усмирения» была экономическая блокада «непокорных». Администрация официальных властей по тем или иным причинам запрещала последним вести торговлю в подвластных ей районах Дагестана и Чечни. Еще в 1812 году генерал Хатунцев предписывал Аслан-хану Кюринскому «ни под каким видом» не позволять продажу горцам Самурской долины «всяких жизненных потребностей, так как сие средство есть важнейшее к обузданию сих народов». Особенно широко и планомерно экономическая блокада стала культивироваться с 1818 года, когда началась интенсивная деятельность по окончательному покорению Кавказа. Прибывших по торговым делам в те или иные подвластные администрации Российской империи районы горцев задерживали, конфисковывали товар, который передавался в пользу казны. Так, в рапорте Телавского коменданта капитана Питерса от 19 июля 1820 года командующему войсками в Грузии генералу Вельяминову говорится о продаже в городе Телави товаров, конфискованных у андийцев, на общую сумму семьсот семьдесят рублей 10 копеек[1].

В 1821 году Ермолов предписал губернатору Грузии «сделать немедленно надлежащие распоряжения, чтобы бурки, выделяемые андийцами и другими горцами, отнюдь не были впускаемы для продажи в Грузии; в случае тайного привоза оные, конфисковать их и доносить мне»[2]. Аналогичные предписания Ермоловым были направлены начальникам Джаро-Белоканской области, Ахалцихского пашалыка, Армянской области, Дагестанскому военно-окружному начальнику, управляющему мусульманскими провинциями и управляющему Имеретии[3]. В том же 1821 году командующий войсками в Грузии в свою очередь обратился к местным властям с категорическими требованиями, чтобы дидойцев, когда они «по коммерции или другим надобностям будут приезжать в Кахетию, то арестовать и содержать под строгим караулом, равно и приходящие от них караваны конфисковать в пользу казны»[4]. Эти распоряжения выполнялись пунктуально. 10 дидойцев, приехавших по торговым делам в Кахетию были арестованы и припротожены в Телавскую крепость[5].

Хотя в документах XIX века нередки заявления о необходимости содействовать экономическому развитию края, единственной сколько-нибудь серьезной попыткой перейти от деклараций к делу не наблюдается. Более того, экономическая блокада горцев Дагестана приобретала системный характер. В 1822 году Ермолов, «желая наказать» аварцев и андийцев, предписал управляющему гражданской частью на Кавказе генералу Вельяминову «сделать распоряжение, чтобы никто из народов сих... в управляемых вами провинциях и ханстве Карабагском впредь до повеления принимаем не был, чтобы аварцы и андийцы... были под арестом задержаны; товары, им принадлежащие, конфискованы», сверх того, армянским и еврейским купцам «под опасением строжайшей ответственности» запретить всякую торговлю в горах[6].

В подвластных администрации Российской империи районах Дагестана, особенно в тех, где население выражало недовольство колониальной политикой официальных властей, местные власти запрещали жителям вести торговлю за пределами своего общества или ханства без специальных билетов за подписью своих правителей. Так, генерал Вельяминов в письме Зухум-Кади Акушинскому от 5 июня 1821 года, требовал, «чтобы аварцев, не

имеющих билетов за подписью Сурхай-хана, никто к себе не принимал, а тем более не позволил бы в своем обществе...» торговать. «Если кто-нибудь из непокорных аварцев будет найден в обществе с акушинцами, то как аварцы, так и акушинцы, с которыми (Аварцы. – Авторы.) будут находиться, будут арестованы и подвергнутся строгому по законам взысканию»[7].

Строгий контроль за соблюдением экономической блокады «непокорных» осуществлялся и в последующее время. Так, генерал Вельяминов писал, «что акушинцы, выезжающие по билетам главного своего кади во многие наши города, имея с аварцами связи, кои сделались теперь непозволительными, провозят их с собою без печати Сурхай-хана аварского и дают им случай иметь вместе же с акушинцами торговлю в российских городах. В отвращение сего... неужгодно будет сделать распоряжение, чтобы было строго наблюдаемо за проезжающими в наши города акушинцами, и если между ними окажутся аварцы, то как их, равно и акушинцев, провезших с собою аварцев, без означенных билетов арестовывать и поступать по законам»[8]. Эти распоряжения выполнялись повсеместно, и примеров этому в источниках достаточно много[9].

Экономическая блокада имперских властей тяжело сказывалась на повседневной жизни горцев Дагестана. Особенно не хватало в горах зерна, соли и других продуктов. Зерно и соль горцы покупали на плоскости, которая оказалась под властью имперских колонизаторов[10]. В 1828 году генерал И.Ф.Паскевич докладывал графу Нессельроде: «Аварцы, будучи народом бедным, терпящим нужду в самых первых потребностях жизни, и будучи окружены, подобными им бедными соседями, не могут доставать необходимейших для себя вещей иначе, как в областях наших и между народами, нам подвластными, обменивая оные на некоторые собственные произведения; без такого обмена и без торговли в наших владениях аварцы существовать не могут... Правительству нашему остается только твердо придерживаться сего правила (Т.е. экономической блокады горцев. – Авторы.) и оно, вероятно, достигнет цели»[11].

К 20-м годам XIX века в крае сложилась крайне неблагоприятная политическая обстановка, когда достаточно было даже незначительного побудительного шага со стороны имперских ко-

лонизаторов, чтобы возбудить всеобщее недовольство горцев, толкнуть их к объединению и открытой борьбе.

Для всестороннего выяснения причин, характера и движущих сил борьбы народов Дагестана и Чечни против местных феодалов и имперских колонизаторов необходимо уяснить социальные противоречия, которые обострились внутри дагестанского общества.

В конце XVIII-начале XIX вв. Дагестан представлял собой пеструю картину социально-экономических укладов и общественно-политических структур. Здесь имелись 24 небольших ханств и феодальных владений и более 60 вольных сельских обществ[12]. В крае господствовали феодальные отношения со значительными пережитками патриархального уклада. Сложной была социальная структура населения: от ханов, уцмиев, беков до феодально-зависимых крестьян и рабов, выполнявших роль домашней прислуги у феодальных владельцев[13]. На положении крепостных находились чагары, которые подвергались внеэкономическому принуждению, могли быть проданы, наказаны и т.д.

В начале XIX века в Дагестане были известны три формы докапиталистической ренты: отработочная, натуральная и денежная[14]. Феодалы широко пользовались системой штрафов. Нередко крестьяне, вместо установленных 3-4-х дней, отработывали барщину 6-7 дней в неделю. Кроме того, крестьяне платили около 36 видов различных податей[15]. Степень зависимости от своих феодалов крестьян (свободные и зависимые уздены, раяты, чагары) была различной[16].

В дагестанском обществе, как и во всех классовых обществах, происходила социальная борьба. Часто она выражалась в отказе платить подати, выполнять всякого рода феодальные повинности. Нередко крестьяне поднимались на открытую вооруженную борьбу против жестокой феодальной эксплуатации, но стихийные выступления крестьянских масс жестоко подавлялись[17].

Наибольшего развития «зависимые отношения» достигли в южных районах Дагестана, вследствие чего население получило специальное наименование «людей подневольных». Размеры феодальных повинностей здесь определялись, по образному определению С.К.Бушуева, «...объемом желудка феодала»[18].

К XIX веку в Приморском Дагестане значительная часть узденов уже потеряла собственные земли, попав в зависимость к крупным феодалам, отдававшим в аренду свои земли на тяжелых условиях. В предгорных и горных районах уздены еще сохраняли за собой небольшие участки пахотной земли в виде горных террас, но выплачивали подати феодалам за пользование пастбищными угодьями[19]. Поэтому крестьянство тяготилось своим бременем и стремилось освободиться от гнета светских феодалов. В большинстве селений, входивших в «Союз сельских обществ» (Телетль, Ругуджа, Тидиб, Гинта и др.) верховодили также беки, владевшие пастбищами, стадами крупнорогатого скота и овец, в их владениях было достаточно много пахотных земель и сенокосов[20].

Таким образом, трудовое крестьянство Дагестана подвергалось тяжелой эксплуатации со стороны феодалов, что вызывало многочисленные жалобы, обращенные к колониальной администрации. Однако эти обращения не приводили к улучшению его положения. На территории, подвластной администрации Российской империи, «новые хозяева» стояли на страже интересов местной аристократии и поддерживали ее притязания. Так, в 1821 году жители 17 селений подали жалобу с просьбой облегчить их подати, но безуспешно.

Частые неурожаи и тяжелое бремя податей приводили к недоеданию и голоду основной массы крестьян. Так, в 1813-1814 годах в результате голода, болезней и военных действий более трети жителей Кюринского ханства умерли или погибли. Положение усугубилось тем, что по повелению Ермолова жители ханства были обложены ежегодной податью в 3000 четв. хлеба. По мнению Х.Х.Рамазанова, именно поэтому Кюринское ханство, где тяжесть двойного гнета разорила крестьян, стало первоначальным местом возникновения освободительного движения горцев[21]. Налоги были «...настолько обременительны для местного населения, что за крестьянами Кюринского ханства постоянно числились растущие недоимки»[22]. Генерал Пестель писал, что Аслан-хан «злодейским правлением» притесняет подвластное население, собирая с него подати, а Ума-хан в случае неуплаты податей лишает подвластных недвижимого имущества[23]. Последний характеризуется в официальных источниках как человек,

имеющий влияние на окрестные народы «весьма сильное, ...представляет собой как бы повелителя Дагестана»[24].

О тяжелом положении крестьян в Кюринском ханстве свидетельствует признание Ермолова в том, что Аслан-хан в 1820 году сообщил ему о невозможности собрать подати из-за крайне тяжелого продовольственного положения в ханстве[25].

Правительство Российской империи на всех этапах своего господства неизменно поддерживало общественные верха Дагестана. Оно определяло ханам и бекам большие пожизненные «пенсии» и ежегодные жалованья, присваивало им офицерские и генеральские чины, награждало орденами и медалями, давало ценные подарки, обещало сохранить и укрепить их власть над крестьянами, тем самым создавая себе социальную опору[26]. Из официальных источников видно, что Султан-Ахмед-хан Аварский в знак «верности» получил звание генерала с ежегодным жалованьем в 5000 рублей, а Сурхаю Сиухскому и Абу-Султан-хану Аварскому в 1829 году было присвоено звание полковников с ежегодным жалованьем в 2000 рублей[27].

Феодалы правители Дагестана при активной поддержке имперских властей чинили произвол на территории своих владений. Во владении кайтагского уцмий значительная часть крестьян находилась в феодальной зависимости[28]. В условиях господства колониальной администрации здесь шел процесс превращения свободных узденей в зависимых, а зависимых в крепостных.

Таким образом, дагестанские владельцы при поддержке официальных властей еще больше усилили свою власть над подвластным населением. В 1820 году, обращаясь к кайтагцам, Ермолов сказал, что «народ должен управляться беками и кевхами, как и до сих пор»[29]. В начале декабря 1820 года с полковником Аслан-ханом был заключен особый трактат, по которому он утверждался в прежнем достоинстве – владельцем Казикумуха с причитающейся ему данью от жителей в 3000 рублей серебром[30]. В официальном документе говорится, что дагестанские ханы и владельцы находятся под защитой русского правительства. В случае невыполнения подданными своих обязанностей им угрожали могуществом русского оружия. По воле ханов без суда и следствия десятки людей высылали в Россию[31].

Относительно власти ханов в источниках встречаются разные высказывания, которые следует подразделить на деспотическую, умеренную и ничтожную. В отношении неограниченной власти ханов следует отметить, что они имели право жизни и смерти над своими подвластными и «были, – по мнению А.А.Неверовского, – всегда страшными деспотами»[32]. Власть дагестанских ханов и беков с приходом в край колонизаторов становится неограниченной, граничащей с произволом. Так, в Казикумухе подданных хана подвергали страшным пыткам за незначительные прегрешения: пытали раскаленным железом, разводили огонь на груди, на бритую голову провинившегося ставили чашу из теста и наливали в нее кипящее масло и т.д. [33]

Осуществляя колониально-административную политику в Дагестане, самодержавие Российской империи в лице местной феодальной знати создавало для себя социальную опору и поэтому поддерживало ее эксплуататорские притязания по отношению к крестьянам-горцам. Такой политикой имперских властей местные феодальные правители, указывал С.Эсадзе, воспользовались «как нельзя лучше и в короткое время сделали свою власть над подданными совершенно безграничной»[34]. Они увеличили размеры податей и повинностей, вводили новые, расширяли свои земельные владения за счет разорения крестьян. «Мы, – писал А.Руновский, – способствовали угнетению горцев со стороны их владетелей... После покорности дагестанских племен мы не изменили существенно господствующую там вредную систему управления. Установленные там порядки не только не прекратили тиранию владетелей, но предоставили им управлять народами на прежних основаниях, еще укрепили эту власть»[35].

О покровительстве над местными феодальными правителями и усилении их власти над подданными с приходом в Дагестан имперских колонизаторов свидетельствуют многочисленные факты. Генерал Пестель доносил Ермолову 17 марта 1819 года, что Аслан-хан Кюринский жестоко эксплуатирует подвластных, облагая их непосильными податями[36]. В 1821 году Ермолов в одном из своих писем шамхалу Тарковскому сообщал: «За себя и детей можешь быть спокойным. Теперь власть шамхала будет более уважаема и соседи уразумеют, что значит могущественное покровительство великого государя»[37]. Е.И.Козубский также

отмечал, что с прибытием имперских войск в Дагестан права шамхала значительно расширились: «народ стал беспрекословно исполнять все требования шамхала, зная, что русские легко могут наказать всякого ослушника воли»[38] шамхала.

Местные феодальные владельцы пользовались широкой поддержкой имперских колониальных властей, в том числе и военной, для подавления волнений подвластных жителей. Политикой официальных властей феодалы воспользовались «как нельзя лучше и в короткое время сделали свою власть над подданными совершенно безграничной»[39]. Так, Мегди-шамхал Тарковский в 1827 году обратился к генерал-адъютанту Синячину с просьбой прислать 6-тысячный отряд для наказания некоторых «неповинующихся деревень»[40].

Таким образом, утверждение колониальной администрации Российской империи в плоскостных, предгорных и некоторых горных районах Дагестана в 20-х годах XIX века сопровождалось резким ухудшением правового и экономического положения основной массы населения края. С приходом имперских войск власть местных феодальных правителей стала неограниченной. Они усилили феодальный гнет над крестьянами-горцами, на плечи которых легли все тяготы колониального гнета самодержавия Российской империи. Поэтому, естественно, идеи антифеодального и антиколониального протеста нашли благоприятную почву в среде крестьян-горцев. Первые признаки протеста проявились в Кюринском ханстве, шамхальстве Тарковском и ряде других феодальных владений Дагестана.

Чиновники официальных властей всячески поддерживали стремление местных феодалов к дальнейшему обезземеливанию и закреплению крестьян. Борьба с горцами не на жизнь, а на смерть признавалась делом, соответствующим государственным интересам Российской империи, а жестокие способы борьбы с горцами – не самоцелью, а средством для достижения определенной цели: вытеснения последних с равнины в горы и занятия их плодородных земель[41]. Так, при поддержке колониальной администрации кумыкские князья за сравнительно короткий срок завершили захват крестьянских земель. Имперское правительство также присвоило здесь много земель, которые стали собственностью казны, т.е. возникла государственная форма земельной соб-

ственности как прямое следствие колониальной политики и вмешательства самодержавия в земельно-правовые отношения в Дагестане. Имперские чиновники вынуждали крестьян бросать обжитые места, теряя землю, имущество, дома, и бежать в горы[42], где сосредотачивались силы для борьбы с колонизаторами.

Правительство Российской империи лишало неугодных ему представителей местной феодальной знати права владения крестьянскими селениями. Эти селения частью отдавались проимперски настроенным ханам и бекам, а частью обращались в собственность государственной казны. В первом случае местные феодальные владельцы, опираясь на штыки лофициальных властей, еще более жестоко угнетали зависимых крестьян. Еще тяжелее было положение селений, являвшихся собственностью государственной казны. Колониальные чиновники искусственно насаждали здесь феодально-крепостнические порядки Российской империи. Не случайно Грибоедов предупреждал: «Не навязывайте здешнему народу не соответствующих его нравам и обычаям законов, которых никто не понимает»[43].

Подати, ранее взимавшиеся с крестьян в пользу местных правителей, должны были поступать в казну Российской империи, в частности, с сел, конфискованных у прежних владельцев и переданных в собственность государственной казны. Так, в 1820 году Ермолов, после лишения власти уцмья Адиль-хана, заявил каракайтагцам, что «все доходы, кои принадлежали бывшему уцмию, как с родовых его имений, так и деревень по достоинству уцмья, плативших подати, должны отныне поступать в казну»[44].

Налоги, взимаемые в пользу империи, тяжелым бременем ложились на плечи крестьян. Феодалы увеличивали размеры податей и повинностей, расширяли свое собственное хозяйство и через это «уменьшали... пространство земель, находившихся до этого в пользовании поселян»[45]. Помимо податей, вносимых горцами в казну, они должны были по первому требованию имперских властей выставлять лошадей и подводы для перевозки грузов, нести почтовую службу. Горцев привлекали на строительство дорог, которое осуществлялось за их же счет. Об этом свидетельствуют письма Ермолова официальным лицам. Он, в частности, сообщал: «Докончены многие работы в крепостях Грозной и Внезапной. Все сие сделано малыми весьма средства-

ми и с помощью вновь покоренных народов за ничтожную цену, не требуя за сие ни гроша от казны денег»[46]. В записках К. Муравьева говорится: «Тарковская крепость... Бурная, строилась весьма малыми средствами от казны, почти за счет обывателей, которых Вельяминов... без пощады понуждал возке материалов». Он же сообщал о жестоком наказании десятка местных жителей, которые без разрешения начальства оставили работу, и ушли с подводами домой[47].

Самодержавие Российской империи еще в ходе русско-иранской войны 1804-1813 годов творило произвол в Дагестане и Закавказье. В донесении маркиза Паулуччи министру полиции от 10 марта 1812 года отмечалось: «При личном обозрении мною владений здешнего края Бакинского, Кубинского и Дербентского, встретил я многие беспорядки и злоупотребления со стороны общества нашего в оных управлениях и неудовольствия народа»[48].

Усиление гнета колониальных властей вызвало недовольство среди жителей, подвластных администрации Российской империи районов Дагестана. Под разными предлогами они отказывались вносить подати и недоимки, которые постоянно росли. Так, в 1829 году за Рутульским обществом числилось недоимок 2103 рублей, за Сюргинским – 2165 рублей[49] и т.д. Чтобы принудить эти общества, а также Ахтынское и Кубачинское к вносу податей и недоимок, генерал Граббе предлагал «при возвращении войск, откомандованных из Дагестана... на свои места, состава отряд и заарестовав в удобное время стада, принадлежащие сим обществам, сгоняемые на низменность, понудить их к взносу следующих денег и обязать строжайшею подписью о беспрекословном взносе податей на будущее время»[50], т.е. выколачивание податей и налогов осуществлялось в «лучших» традициях колониальных режимов. «Черкесы, – отмечает в этой связи А.С.Пушкин, – нас (Представителей официальных властей. – Авторы.) ненавидят, мы вытеснили их с привольных пастбищ, аулы их разорены, целые племена уничтожены»[51].

Как уже отмечалось, подати и повинности, которые должны были платить и выполнять жители подвластных администрации Российской империи районов Дагестана, разоряли их, доводили до отчаяния. Жители Ахтыпаринского, Докузпаринского и Рутульского наибств платили в казну 1 руб. 50 коп. с дыма в год и

поставляли лошадей для почтовой службы; жители Кюринского ханства вносили в казну 2500 четвертей пшеницы, 500 четвертей ячменя и 1000 червонцев деньгами, а также поставляли 60 лошадей на нужды войск[52]. Кроме того, крестьяне обязаны были перемалывать сданный хлеб и доставлять его на своих подводах до места назначения, расположенного за десятки километров. Крестьяне должны были также продавать хлеб по цене 2 руб. серебром за четверть, что было в три с лишним раза дешевле официальной цены[53]. Помимо перечисленных повинностей, на жителях ханства лежала обязанность обеспечивать войска квартирами и топливом. Например, для содержания одного экспедиционного отряда с горцев требовалось 31832 четвертей сухарей, 13530 четвертей муки, 21577 четвертей овса, 4180 четвертей крупы, 19800 ведер спирта[54] и т.д. Если учесть еще неприкрытый произвол ханов, беков и сборщиков налогов, всякие косвенные поборы и штрафы станет ясно, в каком тяжелом положении находились крестьяне[55].

Невыносимый гнет, многочисленные притеснения со стороны колониальной администрации и местных феодалов вынуждали крестьян жаловаться. Так, в 1821 году крестьяне 17 селений Кюринского ханства подали жалобы, в которых просили облегчить налоговое бремя. По признанию самого Ермолова, кюринцы были не в состоянии платить налоги из-за низких урожаев[56]. Об этом же писал барон Вреде генералу Вельяминову[57].

На жалобы и протесты местного населения колониальная администрация отвечала «успокоением» недовольных огнем и мечом. В рапорте Вельяминова Ермолову по поводу его действий в отношении жителей Чирюрта говорится, что ему понадобились «два дня... для того чтобы приготовить аул к истреблению, ибо дома оно состояли из дикого необделанного камня и, имея мало дерева, неудобно загораются»[58]. В другом случае 1823 казака генерала Вельяминова, учинив кровавый погром в крепости Внезапной, занятой дагестанскими повстанцами, 2 т. горцев продали караногайцам[59], т.е. официальные власти вели здесь и работорговлю.

Неопределенность права на владение землей приводила к систематическим захватам крестьянской пашни местными феодалами[60]. Захват земель, непосильные подати использовались для

усмирения крестьян-горцев. Однако все это не достигало желаемых результатов, напротив, толкало крестьян на борьбу за свое освобождение от феодального и колониального гнета[61]. В различных районах края происходили стихийные волнения крестьян, но они жестоко подавлялись. В рапорте генерала Пестеля Ермолову от 20 ноября 1818 года говорится, что «башлинцы скрылись в горах, но имущество забрать не успели в надежде защищаться». Дома, зерно, сено и все, что осталось от беженцев, было сожжено. Пестель писал: «При обратном моем следовании поселения, вблизи дороги лежащие и участвовавшие в содействии лезгинам, потерпят одинаковое как башлинцы разорение»[62]. Ермолов в своем ответе Пестелю сообщает, что «доволен истреблением г.Башлы», советует: «...не упускайте из виду наказать и прочее»[63].

Ермолов не только приказывал и получал рапорты, а непосредственно участвовал в грабежах, убийствах, погромах, в стирании с лица земли аулов. Так было в 1819 году в Салатавии и других местах. Войсками Российской империи был сожжен целый ряд селений в Табасаране[64] и других районах. «Смотря на сожженные сакли, вырубленные сады... горцы, — по словам Л.Н.Толстого, — испытывали чувство, которое было... сильнее ненависти»[65].

В притеснении населения подвластных колониальной администрации территории вместе с карателями официальных властей участвовали местные феодалы, за что щедро награждались правительством Российской империи. Так, 12 июля 1826 года Ермолов писал Граббе: «Хан-Магомед-беку, сыну бывшего уцмия, объявите мою благодарность и уверьте его, что усердие его к правительству не останется без должного вознаграждения»[66]. В рапорте одного из генералов сообщается, что «поручику Лейбь гвардии Казачьего полка князю Шамсудину Тарковскому жалование было назначено ему при производстве в корнеты..., требовать ему из комиссариата жалование по чину поручика, по усиленному окладу»[67], а «семейство умершего от рань... Абдул-Кази оглы... получает пенсию... мать 30 руб., жена 50 руб., дети 20 руб.»[68]. В другом документе сообщалось о том, чтобы «Юнуса Гайдарбекова Дебир оглы наградить орденом»[69]. За

верную службу Гамзат-бек и Джамав-бек получили в свое управление 7 терекемейских деревень[70].

Местные феодалы усердствовали в притеснении своих подданных. Об этом говорил даже будущий наместник официальных властей на Кавказе родной брат Александра II Михаил Романов[71].

Таковыми же методами осуществлялась завоевательная политика в Чечне. Бок о бок с колонизаторами действовали старейшины влиятельных тухумов и тайпов, которые захватили ключевые рычаги в местном управлении[72].

В рапорте Н.П.Пулло командующему войсками на Кавказской линии П.Х.Граббе говорится, что «жители Ичкеринского владения и Аргунского ущелья, угнетаемые голодом и стесненные в средствах, доходят до отчаяния, готовы сделать нападение общими силами»[73].

Произвол местных феодалов и невыносимый гнет имперских колониальных властей переполнили чашу терпения горцев. Об этом свидетельствует письмо «аварских и чеченских жителей» генералам Гурко и Клюки фон Клюгенау, в котором говорится: «Со времени появления низких ног ваших на стесненных землях и горах наших, вы всегда обманывали людей наших несправедливыми словами и подлогами, чего не прилично людям благоразумным и действительно храбрым, а в особенности великим государям.

Вы же всегда разоряли имущество наше... притеснения эти мы против желания носили на себе до сего времени, потому, во-первых, что не имели нужных инструментов и оружия и, во-вторых, что между нами находились люди глупые, которые из видов своих передавались вам... Словом, между нами и вами не остается ничего более, кроме вражды, обнаженных шашек и войны... вы же думаете, чтобы мы боялись вас и отступили назад, напротив, мы приняли присягу на имя бога, Алкорана..., чтобы упорно драться с вами до тех пор, покуда из двух сторон одна до последнего уничтожится, или покуда вы оставите места наши. Кроме бога нет защиты»[74]. И как следствие этого, мы можем вполне правомерно утверждать, что не согласны со Н.А.Смирновым, утверждающим, что «царское правительство (Российской империи. – Авторы.) сохраняло на Кавказе в полной

неприкосновенности все преимущество, в том числе освобождение от налогов, сборов и повинностей»[75].

Н.А.Добролюбов предупреждал своих соотечественников: «...едва ли нужно прибегать к чуду для того, чтобы растолковать причины... ненависти свободных горских племен к русскому владычеству. Все дело разрешается гораздо проще: во-первых, ненависть к чужому господству вообще сильна была в горских племенах, во-вторых, наше управление на Кавказе не было совершенно сообразно с местными потребностями и отношениями»[76]. Поэтому справедливо заметил М.Н.Покровский, что «взрыв» народного гнева на Кавказе – прямое следствие жестокой колониальной политики царизма (Официальных властей. – Авторы.), которая сопровождалась усилением феодального угнетения трудящихся горцев[77].

«Жестокость колониальных властей и попытка физического истребления мусульман Северного Кавказа была одной из главных причин, – по мнению П.Романовского, – объединения всех мусульман в общую организацию»[78] и, как правило, на жестокую эксплуатацию со стороны местных феодалов и имперских властей горцы сначала ответили стихийными волнениями, а затем – антифеодальным и антиколониальным движением под руководством имамов Кази-Магомеда, Гамзат-бека и Шамиля.

Подводя итог вышеизложенного, можно сделать вывод о том, что к концу 20-х-начале 30-х годов XIX века в Дагестане были налицо политические и социально-экономические предпосылки для возникновения широкой антифеодальной и антиколониальной борьбы горцев. Усиление феодального гнета, захват все большего количества общинных и частных земель, ограничение «...свободного еще населения...»[79] вызвало ожесточенное сопротивление крестьян, что явилось также следствием экспансии самодержавия Российской империи на Кавказе, в связи с чем борьбу горцев следует рассматривать как порождение неразумной политики официальных властей на Кавказе. Администрация Российской империи фактически превращалась в военно-политическую, жестко колонизаторскую структуру, которая создавала невыносимые условия для своих подданных, не считаясь с их положением.

Примечание

- [1] Движение горцев Северо-Восточного Кавказа в 20-50-х гг. XIX века: Сборник документов / Сост. В.Г.Гаджиев, Х.Х.Рамазанов. – Махачкала: Дагкнигоиздат, 1959. – С.33-34. (Далее. – ДГСВК.).
- [2] Там же. – С.38-39.
- [3] Рамазанов Х.Х. Колониальная политика царизма в Дагестане в первой половине XIX в. // Материалы сессии Даг. ФАН СССР. 4-7 октября 1956 г. – Махачкала, 1957. – С.142.
- [4] Там же. – С.143.
- [5] Акты, собранные Кавказской археографической комиссией / Под ред. А.Берже. – Т.VI. – Ч.2. – Д.15. – С.8. – С.8. (Далее. – АКАК.).
- [6] ДГСВК. – С.36-37.
- [7] АКАК. – Т.VI. – Ч.2. – Д.795. – С.448.
- [8] ДГСВК. – С.38.
- [9] См.: АКАК. – Т.VI. – Д.795. – С.448.
- [10] См.: Рамазанов Х.Х. Указ. работа. – С.25-35.
- [11] АКАК. – Т.VII. – Д.462. – С.509.
- [12] См.: Магомедов Р.М. Общественно-экономический и политический строй Дагестана в XVIII-начале XIX веков. – Махачкала, 1957. – С.366.
- [13] См.: Османов Г.Г. О социальном строе Дагестана в конце XVIII-начале XIX вв. // Уч. зап. ИИЯЛ Даг. ФАН СССР. – Т.7. – Махачкала, 1959. – С.118-119.
- [14] Очерки истории Дагестана. – Т.1. – Махачкала, 1957. – С.196.
- [15] ЦГА РД. – Ф.90. – Оп.2. – Д.30. – Л.236.
- [16] См.: Асиятилов С.Х. Историко-этнографические очерки хозяйства аварцев (XIX-первая половина XX вв.). – Махачкала, 1967. – С.159.
- [17] Хашаев Х.М., Косвен М.О. История, география и этнография Дагестана (XVIII-XIX вв.). – М., 1958. – С.232-233.
- [18] Бушуев С.К. Борьба горцев за независимость под руководством Шамиля. – М.-Л., 1939. – С.54.
- [19] См.: Хашаев Х.М. Общественный строй Дагестана в XIX веке. – М., 1961. – С.51.
- [20] Там же.

- [21] Рамазанов Х.Х. Указ. работа. – С.147.
- [22] Там же. – С.146-147.
- [23] Магомедов Р.М. Общественно-экономический и политический строй Дагестана в XVIII-начале XIX веков. – Махачкала, 1957. – С.94.
- [24] См.: АКАК. – Т.I. – С.122.
- [25] Там же. – Т.VI. – Ч.2. – Л.41.
- [26] Даниялов А.Д. О движении горцев Дагестана и Чечни под руководством Шамиля. – Махачкала, 1966. – С.11.
- [27] АКАК. – Т.VI. – Ч.2. – С.48.
- [28] Там же. – С.98.
- [29] Там же. – С.98.
- [30] Сборник сведений о кавказских горцах. – Вып.II. – Тифлиς, 1869. – С.27. (Далее. – ССКГ.).
- [31] Волконский Н.А. Трехлетие в Дагестане. 1847 г. Осада Гергебиля и взятие Салты // Кавказский сборник. – Т.VI. – Тифлиς, 1882. – С.33.
- [32] Неверовский А.А. Краткий взгляд на северный и средний Дагестан в топографическом и статистическом отношении. – СПб., 1847. – С.48.
- [33] Дубровин Н. История войны и владычества русских на Кавказе. – Т.5. – СПб., 1888. – С.604.
- [34] Эсадзе С. Историческая записка об управлении Кавказом. – Т.2.-Тифлиς, 1907. – С.185.
- [35] Руновский А. Мюридизм и газават в Дагестане по объяснению Шамиля // ВВ. – №2. – С.680.
- [36] См.: АКАК. – Т.VI. – Ч.2. – Д.15. – Л.8; Далгат Э.М. Жалобы крестьян как источник для изучения социально-экономических отношений в дагестанском ауле в конце XIX-начале XX вв. / Сб. докл. ИИЯЛ Даг. ФАН СССР. – Махачкала, 1987. – С.53-61; Гаджиев В.Г. Перечень доходов шамхалов. (Отчет источниковедческого анализа) // Там же. – С.25-38.
- [37] Рамазанов Х.Х. Указ. работа. – С.136.
- [38] Козубский Е.И. Памятная книжка Дагестанской области. – Темир-Хан-Шура, 1895. – С.829.
- [39] Гидулянов П.В. Сословно-поземельный вопрос и райятская зависимость в Дагестане. – Ч.II. – М., 1901. – С.54.
- [40] АКАК. – Т.VII. – Д.494. – С.532.

- [41] См.: Бирюков А.В. Российско-чеченские отношения в XVIII-середине XIX века // ВИ. – 1998. – №2. – С.50.
- [42] См.: ЦГВИА. – Ф.ВУА. – Д.6448. – Л.8-68.
- [43] Тресков И. Творческое содружество. – Нальчик, 1956. – С.40.
- [44] Рамазанов Х.Х. Указ. соч. – С.144.
- [45] См.: ЦГА РД. – Ф.105. – Оп.3. – Д.3. – Л.1-4.
- [46] Записки Ермолова 1798-1828 гг. / Сост. В.А.Федоров. – М.: «Высшая школа», 1991. – С.40.
- [47] См.: Записки Муравьева К. // Русский архив. – 1888. – №5. – С.313-316.
- [48] АКАК. – Т.V. – Д.33. – С.20-21.
- [49] Там же. – С.507.
- [50] ДГСВК. – С.56-57.
- [51] Пушкин А.С. Путешествие в Арзрум // Соч. – Т.IV. – М., 1936. – С.56.
- [52] ССКГ. – Вып.III. – Тифлиς, 1870. – С.15.
- [53] Там же. – С.29.
- [54] ЦГА РГр. – Ф.2.-Оп.1. – Д.6411. – Л.17.
- [55] См.: АКАК. – Т.VII. – Ч.2. – С.41.
- [56] Там же.
- [57] ДГСВК. – С.30; Казикумухские и Кюринские ханы // ССКГ. – Вып.II. – Тифлиς, 1869. – С.7.
- [58] АКАК. – Т.VI. – Ч.2. – С.541.
- [59] Мансуров Ш.М. Салатавия. – Махачкала, 1995. – С.134.
- [60] Устройство подземельного быта горских племен Северного Кавказа // ССКГ. – Вып.II. – Тифлиς, 1869. – С.7.
- [61] Магомедов Ш.М. Зарождение социал-демократических групп в Дагестане в период первой русской революции. – Махачкала, 1957.-С.8.
- [62] АКАК. – Т.VI. – Ч.2. – С.57.
- [63] Там же. – С.59.
- [64] О движении горцев под руководством Шамиля: Материалы сессии Даг. ФАН СССР. – Махачкала, 1957. – С.141. (Далее. – Материалы сессии.).
- [65] Толстой Л.Н. Хаджи-Мурат. – М., 1953. – С.52.
- [66] АКАК. – Т.VI. – Ч.2. – С.71.
- [67] ЦГА РД. – Ф.3. – Оп.1. – Д.33. – Л.33.
- [68] См.: МИДЧ. – С.190.

- [69] ЦГА РД. – Ф.3. – Оп.1. – Д.23. – Л.6.
- [70] Материалы сессии. – С.137.
- [71] Фадеев А.В. Россия и Кавказ в первой трети XIX в. – М., 1960. – С.303.
- [72] Ермолов А.П. Записки. – Т.2. – М., 1868. – С.21.
- [73] См.: АКАК. – Т.VII. – Ч.1. – С.509.
- [74] ДГСВК. – С.424-425.
- [75] Смирнов Н.А. Мюридизм на Кавказе. – М., 1963. – С.32.
- [76] Добролюбов Н.А. О значении наших последних подвигов на Кавказе // Собр. соч. – Т.4. – М., 1937. – С.143-144.
- [77] Покровский М.Н. Дипломатия и война в XIX столетии. – М., 1923. – С.123.
- [78] Романовский П. Кавказ и Кавказская война. – СПб., 1860. – С.38.
- [79] См.: Анфимов А.М. Крестьянство Северного Кавказа и Дона в период капитализма.-Ростов-на-Дону, 1990.-С.10.

Магомедов М.Б., Магомедов Б.М.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ БОРЬБЫ ГОРЦЕВ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОГО КАВКАЗА 20-50 ГОДОВ XIX ВЕКА.

После присоединения Грузии и Закавказских ханств в 1801-1813 годах покорение предгорных районов Кавказа стало для Российской империи одной из важнейших военно-политических задач. Отмечая стратегическое значение этого региона для Российской империи, К.Маркс писал: «Кавказские горы отделяют южную Россию от роскошных провинций Грузии, Мингрелии и Гурии... этим ноги гигантской империи отрезаны от туловища»[1]. Поэтому, как отмечает Р.М.Магомедов, «...проблемой стали надежные пути...»[2] в Закавказье. Однако русско-иранская (1804-1813), русско-турецкая (1806-1812) войны, где военные действия Ирана и Турции должны были стать одним из звеньев общего наступления на южные границы Российской империи, а

также война с наполеоновской Францией (1812-1813) отвлекли имперское самодержавие от активной завоевательной политики на Северном Кавказе. Восстания 1803-1812 годов в Кабарде, Балкарии, Осетии и в горных районах Грузии, вызванные сооружением новых крепостей и укрепленной линии по Военно-Грузинской дороге, свидетельствовали, насколько непрочны позиции Российской империи в регионе. Поэтому, как только в Закавказье был обеспечен мир и закончена война с наполеоновской Францией, Российская империя приступила к завоеванию предгорных и горных районов Северного Кавказа.

Важной военно-политической задачей Российской империи являлось закрепление успехов на Кавказе, достигнутых ею в русско-иранской (1804-1813) и русско-турецкой (1806-1819) войнах. Мир с Ираном и Турцией был непрочным, необходимо было обеспечить прочный тыл для защиты от посягательств Ирана и Турции в отношении Закавказья.

Русско-иранская (1826-1828) и русско-турецкая (1828-1829) войны подтвердили опасения Российской империи, и задача прочного закрепления ее позиций на Кавказе, окончательного превращения этого региона в составную часть империи стала первостепенной. Обстановка в Кавказском крае постепенно стабилизировалась. При этом международная напряженность и сложность взаимоотношений с местным населением, представляющим собой различные национальности, вынуждали проводить осторожную политику. Процесс внутреннего административного устройства края затянулся.

После Гюлистанского мирного договора (1813) с Ираном, юридически оформившего вхождение Дагестана в состав Российской империи, захватнические интересы самодержавия в этом регионе приобрели открыто экспансионистский характер, особенно после назначения в 1816 году генерала А.П.Ермолова, активного сторонника решительных мер по «усмирению горцев», главнокомандующим на Кавказе.

Результатом активизации завоевательной политики Российской империи стало закрепление успехов на Кавказе, достигнутых в русско-иранской (1804-1813), русско-турецкой (1806-1819), русско-иранской (1826-1828) и русско-турецкой (1828-1829) вой-

нах, а также закрепление результатов достигнутых в результате Гюлистанского (1813), Туркманчайского (1828) и Адрианопольского (1829) договоров, которые были заключены без представителей Дагестана, за спиной его феодальных владетелей и вольных обществ.

Эти дипломатические акты в международном плане закрепили земли Дагестана за Российской империей[3]. Это следует понимать как результат принятия Российского подданства Дагестаном в целом, хотя эти договоры носили односторонний характер. Тем не менее, вопрос принятия Российского подданства отдельными феодальными владетелями и обществами, так же как и принятие подданства Турции и Ирана – явление достаточно частое в кавказской политической жизни. Это обстоятельство довольно-таки «часто использовалось различными учеными и политиками в обоснование добровольных вхождений народов Кавказа в состав России»[4]. Стремление Российской империи установить свою власть на Кавказе встретило вооруженное сопротивление горцев, которое из отдельных стычек превратилось в Кавказскую войну, охватившую горные районы Северо-Восточного Кавказа.

Если до появления А.П.Ермолова для Кавказа были характерны оборонительные действия, то «с назначением в 1816 году на Кавказ Ермолова, – отмечал С.Эсадзе, – начинаются уже систематические действия против... горцев»[5]. Оценивая результаты политики Ермолова по отношению к горцам, С.Эсадзе писал, что «...выдвигая вперед укрепления, прорубая просеки, прокладывая дороги, отделяя покорных горцев от враждебных и нанося последним беспощадные удары, Ермолов в течение десятилетнего периода своего командования упрочил власть в Кабарде и на Кумыкской плоскости, покорил большую часть Чечни и Дагестана»[6]. Именно такие энергичные меры Ермолова, по утверждению Служивого (Дубенского Д.Н.), «вызвали в Чечне и Дагестане восстания»[7]. Находясь на путях, соединяющих страны Передней Азии со странами Северо-Востока и Поволжья, Дагестан на протяжении сотен лет стал ареной борьбы между могущественными державами.

Перенесение в 1817 году укрепленной линии с Терека на Сунжу и строительство крепостей Грозная, Внезапная и Бурная вызвали протест со стороны местного населения. По мнению Ер-

молова, это должно было обеспечить подчинение Российской империи чеченских аулов. От чеченцев Ермолов потребовал расселения на плоскости под надзор военных укреплений, прекращения нападений, уплаты податей, а также выполнения разных работ.

Для обеспечения военных операций против чеченских аулов, оказывавших сопротивление, войска Российской империи рубили лес по реке Сунже и прокладывали широкие лесные просеки. Чеченцы обратились за помощью к правителю Аварии Султан-Ахмед-хану. Он отправил к чеченцам отряд горцев во главе с Нурмагомедом. Объединенный отряд чеченцев и аварцев атаковали лагерь имперских войск у крепости Грозной, но были разбиты[8].

Как и следовало ожидать, меры по укреплению, а тем более по переносу Кавказской военной линии к подножию Кавказского хребта и попытки непосредственного подчинения горских обществ и правителей с первых же шагов вызвали сопротивление, особенно со стороны феодальной и общинно-родовой верхушки, а активные военные действия имперских войск в Чечне не могли не вызвать недовольства у феодальных правителей Дагестана, которые усматривали в этом угрозу своему суверенитету. Феодальные владетели сочли, что перенос Кавказской линии может отразиться на их ничем не ограниченных правах по эксплуатации своих народов и частично лишить их доходов от торговли, именно это обстоятельство и послужило причиной их консолидации. Так, аварский хан Султан-Ахмед-хан, его брат Гебек-хан Мехтулинский и Адиль-хан Каракайтагский заключили соглашение о совместных действиях против имперских войск. Чтобы предотвратить сплочение феодальных правителей Дагестана, в ноябре 1818 года Ермолов совершил поход в Мехтулинское ханство, нанес поражение у аула Дженгутай аварскому хану и его брату Гебек-хану. Одновременно другой отряд имперских войск под командованием генерал-майора Пестеля, действуя со стороны Дербента, захватил резиденцию Адиль-хана Башлы и подверг ее опустошительному разорению[9]. Ермолов опередил своих противников, внезапными действиями временно отвел опасность со стороны феодальных правителей Дагестана и жестокими мерами

старался запугать дагестанских владетелей, вынудить их к покорности.

Другая методика смирения «непослушных» феодалов Ермолова заключалась в том, что он ссоря их между собой, напускал их на вольные общества. Следует отметить, что Ермолов умело ослаблял силы врагов и при этом не жертвуя своими.

В 1819 году все феодальные правители Дагестана, за исключением шамхала Тарковского, заключили между собой союз для совместных действий против Ермолова[10]. В августе 1819 года горцы во главе с Султан-Ахмед-ханом выступили против строящейся недалеко от Эндирей-аула крепости Внезапной. Разъясняя действия аварского хана, Ермолов сообщил князю Волконскому, что он, «...собрав своих подвластных и возмутив многие горские народы, пригласив также к содействию чеченцев, готовится ... напасть на отряд при сел. Андреевом, лично мною командуемый... К сему присовокупить надлежит, что большая часть самого города (Эндирей-аула. – Авторы.) и почти все деревни, Андреевским владениям принадлежащие, соединяются с аварским ханом»[11]. Однако в сражении с отрядом Ермолова у селения Бавтугай горцы потерпели поражение, и Султан-Ахмед-хан с остатками своих ополченцев вынужден был отступить в горы.

Поражение под Бавтугаем привело к распаду союза дагестанских правителей. Султан-Ахмед-хан был низложен с престола, а управление ханством передано Сурхай-хану[12].

В то же время отряд имперских войск под командованием генерала Мадатова, который действовал в Южном Дагестане, вынудил табасаранских правителей покориться и сломил сопротивление Адиль-хана Каракайтагского. Резиденция Адиль-хана Башлы, жители которого успели восстановить многие строения, вновь была разрушена до основания, а Адиль-хан лишен уцмийства, владения его были переданы верноподданному самодержавия Аслан-хану Кюринскому[13].

На Кавказе Ермолов показал себя хорошим администратором и дальновидным государственным деятелем. Он не только возводил военные крепости, но и прокладывал дороги, строил больницы при местных минеральных водах, поощрял развитие торговли и промышленности. Все это способствовало общему благосостоянию края. Его особую заботу составляли русские

войска, условия их размещения и быта. В военной подготовке он избегал парадомании и ненужной муштры, требовал должного внимания и уважения к рядовым солдатам. Некоторых недоброжелателей наместника удивляло его покровительственное отношение к ссыльным декабристам. Вместе с тем Ермолов допускал порой излишнюю жестокость по отношению к местному населению. Генералы официальных властей жестоко обходились с непокорными. В 1818 году Ермолов приказал «истребить» ряд селений на плоскости, жители которых выступали против имперских властей и местных феодалов[14]. В 1819 году по указанию Ермолова с лица земли были стерты два Дженгутайских аула и селение Янги-Юрт. То же самое повторилось в 1820 году при подавлении восстания акушинцев[15]. В 1823 году до основания были разрушены «мятежные» селения Каранай и Эрпели, с тем чтобы, как выразился Ермолов, «не последовали примеру друзей»[16].

Добившись определенных успехов в плоскостной и предгорной частях Дагестана, Ермолов перенес военные действия в Чечню, где также жестоко обходился с непокорными. Так, селение Дадан-Юрт было полностью уничтожено, а жители близ расположенных аулов, опасаясь расправы, покинули обжитые места и ушли в более труднодоступные для имперских войск места[17].

«Примерно наказав» и умирив чеченцев, Ермолов вновь перенес военные действия в Дагестан. В конце 1819 года, сосредоточив войска на территории шамхальства Тарковского, он двинулся через Мехтулинское ханство против взбунтовавшихся акушинцев, «которые, – по его словам, – были виною всех беспокойств»[18]. Для умирения акушинцев Ермолов, под прикрытием удержания Кубинской провинции, сделал запрос на дополнительные силы из числа «...3-х полков пехоты и 2-х рот легкой артиллерии...»[19]. Видя явное увеличение войск официальных властей, на помощь акушинцам прибыл отряд казикумухцев во главе с сыном Сурхай-хана Казикумухского, а также койсубулинцы и жители других вольных обществ. Здесь же находился опальный Адиль-хан Каракайтагский[20]. Однако в сражениях под аулами Урма и Леваши горцы потерпели поражение. Акушинцы принудительно были приведены к присяге на верноподданство Российскому государству и обложены данью в 2 тысячи

баранов в год. Виновник «возмущения» акушинцев Магомед-Кади был смещен с должности, а его место занял Зухум-Кади[21].

Ермолов использовал изощренные методы покорения горцев. Он оставлял за ними выбор – покорность или «ужасное истребление»[22]. По утверждению С.Эсадзе, «...одна из главнейших причин, заставившая соединиться всех мусульман в общую организацию, была система, принятая Ермоловым по отношению к мусульманским провинциям...»[23].

В ходе насильственного покорения предгорных и горных районов Ермолов опирался на поддержку отдельных дагестанских правителей, которые перешли на сторону завоевателей и верно служили Российской империи. Так, в 1820 году генерал Мадатов при активном содействии отрядов милиции Аслан-хана Кюринского начал военные действия против Сурхай-хана Казикумухского. 12 июня 1820 года в сражении под селением Чираг Сурхай-хан потерпел поражение. Генерал Мадатов и Аслан-хан Кюринский заняли резиденцию Сурхай-хана – аул Кумух, а Сурхай-хан был вынужден бежать в Согратль. Правление Казикумухским ханством было передано Аслан-хану[24].

Таким образом, Российская империя в лице Ермолова и его помощников осуществляла в Дагестане и Чечне политику насильственного насаждения колониального режима и значительно продвинулась в осуществлении этой цели. По мнению Романовского, политика Ермолова и есть «начало систематической войны против горцев»[25]. В ходе военных кампаний 1816-1820 годов войскам официальных властей удалось покорить плоскостные, предгорные и некоторые горные районы Дагестана. С 1821 по 1824 годы в отдельных районах, подвластных администрации Российской империи, произошли волнения, подавление которых осуществлялось посредством карательных экспедиций. С 1824 года начался новый период «усмирения» непокорных, когда основные действия развернулись в Чечне и плоскостной части Дагестана. Согласно рескрипту Александра I Ермолову мы узнаем, что первый без особого удовлетворения примененными им к горцам репрессивными мерами, все же одобряет действия Ермолова и выражает ему «...полную благодарность...»[26].

Не выдерживают критики утверждения М.М.Блиева о том, что якобы «в районах локализации... население почти не знало

проявления царского колониализма»[27]. Более того, следует отметить, что Кавказ всегда играл заметную роль в завоевательных планах официальных властей и стремление любыми способами установить владычество Российской империи на Кавказе встречало протест со стороны горцев, выражавшийся в различных формах. В 1824 году после неоднократных карательных экспедиций имперских войск в земли чеченцев, из которых особенно жестоким по своим последствиям был поход генерала Громова 1822 года, в восточной части Чечни началось восстание во главе с узденем Бейбулатом Таймазовым. Волнения из Чечни, по свидетельству Н.А.Волконского, перекинулись на «часть кумыкских владений,... ингушские владения и, наконец, Кабарду»[28].

Колониальная политика Российской империи на Кавказе сопровождалась усилением феодального гнета трудящихся горцев и приобрела новые, более жесткие формы, чем те, которые были известны кавказским народам в предыдущем столетии. Политика Российской империи вызывала у горцев глубочайший протест, побуждая их к новым действиям и агрессии.

Восстание ширилось, набирало силу. Так, в 1825 году отряд Бейбулата захватил укрепление Амир-Аджи-Юрт. Затем повстанцы направились к укреплению Герзель-аул и блокировали его. По свидетельству Н.А.Волконского, восстание «закралось даже к кумыкам». Численность повстанцев в отрядах Бейбулата Таймазова достигла 4 тысяч человек. Волнения начались и среди ингушей, что влекло за собой угрозу укреплениям в Назрановском обществе[29]. Тот же Н.А.Волконский сообщал, что при появлении Бейбулата на Сунже «к нему стали примыкать даже осетины. Приходилось опасаться за надтеречных чеченцев, восстание которых было бы для нас крайне невыгодным, что сообщения наши с Терекком весьма бы затруднились. В Кабарде также было что-то смутно»[30].

Против Бейбулата был направлен крупный отряд имперских войск под командованием генералов Грекова и Лисаневича. Превосходство карателей в вооружении вынудило восставших снять блокаду Герзель-аула и отступить в горы. Генералы Российской империи жестоко обошлись с теми, кто поддерживал восставших и их руководителя Бейбулата. Генерал Лисаневич собрал 316 «лучших людей» селения Аксай, обезоружил многих из них[31].

В результате возникшего инцидента из-за грубого обращения имперских генералов многие «лучшие» аксаевцы были перебиты, и лишь «немногие, – как писал Ермолов, – спаслись бегством»[32]. «Между тем, – вынужден был признать Ермолов, – погибли люди совершенно невинные... В числе их были некоторые из жителей города Андрея»[33]. Жестокая расправа имперских генералов взволновала жителей кумыкской плоскости, многие из них покидали свои дома, уходили в недоступные для карателей места. В результате некоторые населенные пункты, в том числе Аксай, оказались почти безлюдными.

Не все жители сел кумыкской плоскости оставляли свои селения, некоторые, напротив, проявляли мужество и стойкость. Так, жители Эндрей-аула, готовясь к сопротивлению, обратились за помощью к чиркеевцам и койсубулинцам[34]. По свидетельству Ермолова, «в Эндрей-ауле неблагонамеренные люди готовы были произвести возмущение и, соединяясь с соседними горцами, пристать к Бейбулату. И только приближение войск к городу (с.Эндрей. – Авторы.) прекратило смятение..., а главнейшие из возмутителей бежали в горы»[35].

Жестокости, которыми сопровождалась карательные экспедиции имперских войск, порождали протест со стороны населения. За поддержку, оказанную кумыками Бейбулату во время его действий в Герзель-ауле, селение Аксай по приказу Ермолова было уничтожено, а оставшиеся в живых жители переселены на новое место под названием Таш-Кичу, где было заложено новое укрепление для наблюдения за жителями близрасположенных кумыкских и чеченских сел[36].

Повстанческое движение в Чечне ширилось, находило поддержку не только у чеченцев, но и у других горских народов Северо-Восточного Кавказа. По сообщению П.И.Ковалевского, отряды Бейбулата действовали под Грозной, где «к нему пришли на помощь лезгины, аварцы, даже ингуши и часть Кабарды»[37]. Далее П.И.Ковалевский пишет: «Усмирив кумыков и устроив прочно русские укрепления, Ермолов решил проучить Чечню»[38].

В 1826 году с этой целью в Чечню была предпринята карательная экспедиция, в ходе которой были разорены и уничтожены многие чеченские села. В результате этой экспедиции жители

Чечни, за исключением живущих по Мичику, были приведены к покорности[39], а также Ермоловым были приведены к присяге на верность Российской империи некоторые дагестанские общества[40].

Другой немаловажной причиной созревания условий для антифеодальной и антиколониальной борьбы горцев Дагестана и Чечни в 20-50-х годах XIX века было ущемление представителями официальных властей религиозных чувств и убеждений горцев-мусульман. Ислам стал для жителей Дагестана и Чечни неотъемлемой частью их духовной жизни, и малейшее ущемление религиозных убеждений воспринималось ими как величайшее оскорбление.

Имперские колонизаторы ставили перед собою цель: добиться не просто покорения Дагестана и Чечни, но и полного искоренения мусульманской религии и христианизации горцев[41]. Правоверным чинили всяческие препятствия в исполнении религиозных обрядов, особенно в совершении хаджа и т.д. В предписании генерала Вельяминова мусульманам Кавказа перечислялись меры по предотвращению поездок на поклонение в Мекку. В документах того времени есть сведения о том, что «мусульмане в течение... 1822 года не ходили на поклонение в Мекку, под опасением за неисполнение сего (Имеется в виду предписание ген. Вельяминова. – Авторы.) конфискации в казну всего принадлежащего им имущества и отсылки самих семейств в Россию»[42].

Такого рода предписания официальных властей на Кавказе местным населением расценивались, как стремление колонизаторов уничтожить мусульманскую религию и вызывали большое недовольство. Из эпистолярного материала мы узнаем, что «эти неверные – русские (Христиане. – Авторы.) окружили ныне уже нас, дагестанцев и, причем со всех сторон, держат нас как бы в осаде. Мы же сидим теперь и боимся, что распространятся они и по всем тем землям, которые населяют мусульмане – дагестанцы»[43]. Преследование ислама, всевозможные препятствия в отправлении религиозных обрядов привели к тому, что большая часть мусульманского духовенства была настроена против представителей администрации Российской империи на местах[44].

Таким образом, в начале первой половины XIX века сложились политико-правовые и религиозные предпосылки для воз-

никновения широкой народно-освободительной борьбы горцев Северо-Восточного Кавказа против колониальной политики Российской империи 20-50 годов XIX века, как последствия трактата Гюлистана (1813). Политика самодержавной Российской империи по принципу «разделяй и властвуй» порождала мощный протест свободолюбивых горцев, стремившихся отстоять свою национальную независимость.

Приложение

- [1] Маркс К. Турция и Россия-Бюджет: К.Маркс, Ф.Энгельс. Арест Делеклюза. – Дания. – Австралия. – Таймс о перспективах войны с Россией // Соч. – 2-е изд. – Т.9. – М.: Госполитиздат, 1957. – С.408.
- [2] Магомедов Р.М. Два столетия с Шамилем. – Махачкала, 1997. – С.4.
- [3] См.: Магомедов Р.М. Борьба горцев за независимость под руководством Шамиля. – Махачкала, 1991.-С.41.
- [4] См.: Аммаев М.А. Политика России на Кавказе в конце XVIII-первой четверти XIX века и Аварское ханство // Актуальные проблемы всеобщей истории. «Кавказ в геополитике великих держав»: Кафедральный сборник №1. – Махачкала, 2000. – С.18.
- [5] Эсадзе С. Историческая записка об управлении Кавказа. – Т.І. – Тифлис, 1907. – С.32.
- [6] Там же. – С.32.
- [7] Служивый (Дубенский Д.Н.). Очерки покорения Кавказа. – СПб., 1901. – С.30.
- [8] См.: Акты, собранные Кавказской археографической комиссией / Под ред. А.Берже. – Т.VІ. – Ч.2. – Д.3. – С.8. (Далее. – А КАК.).
- [9] Движение горцев Северо-Восточного Кавказа в 20-50-х гг. XIX века: Сборник документов / Сост. В.Г.Гаджиев, Х.Х.Рамазанов. – Махачкала: Дагкнигоиздат, 1959. – С. 27. (Далее. – ДГСВК.); См.: Записки А.П.Ермолова 1798-1826. – М., 1991.
- [10] Казикумухские и кюринские ханы // Сборник сведений о кавказских горцах. – Вып.ІІ. – Тифлись, 1869. – С.4.
- [11] АКАК. – Т.VІ. – Ч.2. – Д.18. – С.10.

- [12] См.: Магомедов Р.М. История Дагестана. – Махачкала, 1968. – С.255.
- [13] Магомедов Р.М. История Дагестана. – Махачкала, 1968. – С.255-256.
- [14] Рамазанов Х.Х. Колониальная политика царизма в Дагестане в I пол. XIX в. // Материалы сессии Даг. ФАН СССР. 4-7 октября 1956 года. – Махачкала, 1957. – С.140.
- [15] Бестужев-Марлинский А.А. Повести, рассказы, очерки. – Т.І. – М., 1958. – С.93.
- [16] АКАК. – TVI. – Ч.2. – С.25.
- [17] Записки Ермолова 1798-1828 гг. / Сост. В.А.Федоров. – М.: «Высшая школа», 1991. – С.238-239.
- [18] АКАК. – Т.VI. – Ч.1. – Д.621. – С.467; ДГСВК. – С.28.
- [19] ЦГВИА. – Ф.ВУА. – Д.6210. – Л.15; Документальная история. – С.465.
- [20] Записки Ермолова 1798-1828 гг. / Сост. В.А.Федоров. – М.: «Высшая школа», 1991. – С.346.
- [21] См.: Бестужев-Марлинский А.А. Соч.: В 2 т. – Т.1, 2. – М., 1958. – С.93-94.
- [22] Экштут С. Алексей Ермолов // Родина. – 1994. – №3-4. – С.31.
- [23] Эсадзе С. Историческая записка об управлении Кавказом. – Т.І. – Тифлис, 1907. – С.34.
- [24] АКАК. – Т.VI. – Ч.1. – Д.621. – С.469.
- [25] Романовский Д.И. Кавказ и Кавказская война. – СПб., 1860. – С.120.
- [26] Материалы по истории Дагестана и Чечни 1801-1838 / Под ред. Р.М.Магомедова. – Т.3. – Ч.1. – Махачкала: Даггосиздат, 1940. – С.178; См.: Россия и Северный Кавказ в XVI-XIX веках // Документальная история образования многонационального государства Российского / Ред. кол. Г.Л.Бондаревский, Г.Н.Колбая: В 4 кн. – Кн.1. – М.: НОРМА, 1998. – С.369-370.
- [27] Блиев М.М. Кавказская война: социальные истоки, сущность // ВИ. – 1983. – №2. – С. 54.
- [28] См.: Волконский Н.А. Война на восточном Кавказе с 1824 по 1834 годы // КС. – Т.Х. – Тифлис, 1886. – С.34, 47.
- [29] Там же. – С.105.
- [30] Там же.

- [31] Дубровин Н. История войны и владычества русских на Кавказе. – Т.5. – СПб., 1888. – С.356.
- [32] Записки Ермолова А.П. – С.411-412.
- [33] Там же. – С.412.
- [34] ДГСВК. – С.53.
- [35] Записки Ермолова А.П. – С.414.
- [36] АКАК. – Т.VI. – Ч.2. – Д.958. – С.464.
- [37] Ковалевский П.И. Кавказ. История завоевания Кавказа. – Т.2. – СПб., 1915. – С.158.
- [38] Там же. – С.159.
- [39] Рамазанов Х.Х. Колониальная политика царизма в Дагестане в первой половине XIX в. // Материалы сессии Даг. ФАН СССР. 4-7 октября 1956 г. – Махачкала, 1957. – С.142; АКАК. – Т.VI. – Д.224. – С.159.
- [40] АКАК. – Т.VI. – Ч.2. – С.69-70.
- [41] См.: Яндаров А.Д. Суфизм и идеология национально-освободительных движений. – Алма-Ата, 1975. – С.77.
- [42] ДГСВК. – С.41.
- [43] См.: Айтберов Т.М. Хрестоматия по истории права и государства Дагестана в XVIII-XIX вв. – Ч.II. – Махачкала, 1999. – С.15.
- [44] См.: Фадеев А.В. Россия и Кавказ первой трети XIX века. – М., 1960. – С.306.

Мамадинова М.Х., Акаев В.Х.

ЭТНОКУЛЬТУРНОЕ МНОГООБРАЗИЕ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ: ВЗАИМОСВЯЗЬ ОСОБЕННОГО И ОБЩЕГО

Северный Кавказ – регион, представляющий собой многообразие этносов, культур и религий, образовавшееся в глубокой древности в силу разных географических, социокультурных обстоятельств. Основными среди них являются благоприятные климатические условия для жизни, труда людей, ми-

грационные потоки, завоевания. Через этот перешеек между Востоком и Западом, Югом и Севером он пропускал миллионы народов, многие из которых врывались в этот регион как опустошительные вихри, другие оседали и ассимилировались с аборигенами Кавказа, перенимая их обычаи, традиции, культурные особенности.

Племена и народы, жившие в древности на Большом Кавказе, их обычаи и традиции, с определенной долей достоверности описаны в «Истории» Геродота. Немецкий ученый Браун по его описанию составил карту расположения кавказских племен, расположенных между Черным и Каспийским морями. На ней указаны многие кавказские племена и места их проживания, ими являются: сарматы, синди, дандари, керкеты, зихи, абасги, корахи, колхи, мосхи, гогары, таохи, сасперы, иберы, леги, албаны, сасаны, алародии, каспии, матиены, гелы, армяне и др. Почти все эти древние племена и сегодня живут на Кавказе, сохраняя свои языки, обычаи, культуру, религиозные верования. Они выдержали нашествие римлян, гуннов, арабов, персов, монголов, Тамерлана, различных империй, фашистской Германии, хотя испытывали многочисленные разрушения, изменившие их обычный уклад, культурные и религиозные верования.

В ходе своего историко-культурного развития им приходилось менять свои языческие верования. Многие из них приняли христианство, ислам, другие остались на своих древних верованиях. Языковое, религиозное, культурное многообразие кавказских этносов, выдержавшие испытание временем, сохранили многое в изначальной мультикультурной ситуации на Кавказе. Нужно отметить, что эти этносы, пройдя длительный исторический период развития, подвергались к определенным культурным, политическим и экономическим формам трансформации в силу их взаимодействия как между собой, так и оказавшись в орбите крупных военно-политических событий.

Многовековое существование аборигенов Кавказа укрепляло их единство, общность культуры, обычаи и традиции, которые приобретали общие черты, психологические особенности, ментальные особенности регламентирующие «поведение человека в обществе при сохранении суверенитета личности со всеми ее ин-

дивидуальными чертами»¹. Кавказец всегда отстаивал честь, достоинство, свободу, готовность к самопожертвованию во имя семьи, народа, родины. Рыцарские качества характера, сохранение достоинства, уважение старшего, строгое соблюдение этика поведения формировались у него с самого детства.

Сегодня в молодежной среде проявляются черты, расходящиеся с сущностью кавказскости, соответствующие кавказскому типу личности, а в целом и культуры, являющейся общей для всех кавказских этносов. Совершаются поступки, дискредитирующие высокую культуру кавказца, который издревле стремился к совершенству, гармоничному развитию, духовно-культурному возвышению. Не допустить культурной коррозии молодежи – важнейшая задача кавказских этносов.

На основе подобной позиции, а также на основе системы продуманных мер можно и нужно сохранить лучшие этнические и конфессиональные традиции кавказцев, осуществления постоянно действующего между ними культурного диалога. Это позволит укрепить единство народов Кавказа, формировать кавказскую идентичность, осознать себя как цивилизацию, возникшую на основе материальных и духовных ценностей, длительного, сложного, а порою и трагического исторического пути развития.

Сложившаяся социокультурная ситуация на всем Кавказе получило название «кавказской цивилизации». В кавказоведении часто применяется данный термин, выявлению сущности кавказской цивилизации в свое время были посвящены статьи А.А. Аникеева, В.Е. Давидовича, В.В. Черноуса, А.В. Лубского, А.Ю. Шадже, Э.Т. Майборода, Х.Г. Тхагапсоев, опубликованные в научном журнале². В целом эти авторы признают наличие такого феномена «кавказская цивилизация» и пытаются выявить его социально-экономические, культурные, духовные особенности, связь с востоком и западом, влияние русской культуры.

Нельзя не согласиться с Х.Г. Тхагапсоевым, полагающим, что «культурный (социокультурный) мир Кавказа в процессах своего исторического развития разработал некие черты «внут-

¹ Абдулатипов Р. Кавказская цивилизация: самобытность и целостность // Научная мысль Кавказа. – 1995- № 1. – С. 56.

² См.: Научная мысль Кавказа. – 2000. - № 2.

ренной» (сугубо кавказской) общности, которые позволяют говорить о существовании кавказской (но не евразийской) локальной цивилизации»¹.

Безусловно, составной частью кавказской цивилизации является Северный Кавказ с ее народами и культурами, которые несколько веков развиваются под влиянием славянской цивилизации, русской культуры, которая давно уже превратилась важнейший компонент социокультурного развития дагестанцев, чеченцев, ингушей, осетин, кабардинцев, балкарцев, карачаевцев, черкесов, адыгейцев, абазин, ногайцев и т.д.

Нельзя не признать тот факт, что кавказская цивилизация формировалась на основе влияния и религиозных факторов: иудаизма, христианства, ислама. Это влияние придало ей свои особенности, не являющейся гомогенной, будучи изначально мозаичной, синкретичной. Понятно, что формирование культуры кавказцев, в том числе духовной, в силу описанных выше обстоятельств, не может быть осуществлено только на одной идейной, духовной основе.

Наличие разно ориентированных и специфических векторов культурно-цивилизационного развития кавказских этносов предполагает укрепления их единства с учетом общечеловеческих, общероссийских ценностей, не отрицающих специфические этнокультурные, религиозные ценности.

Мишиева М.И.

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ПАТРИОТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ МОЛОДЕЖИ.

Изменения в российском обществе вызвали изменения и в социальном заказе общества к образовательным учреждениям. Образование ставит и, главное, решает задачи развития личности, превращаясь тем самым в действенный фактор развития обще-

¹ Тхагапсоев Х.Г. Евразийство как методологический принцип и идеологическая доктрина // Евразийский проект: кавказский вектор. – Ростов н/Д, 2005. - С. 58.

ства. В этих условиях очевидна неотложность общения проблемы воспитания патриотизма, так как патриотическое воспитание направлено на формирование и развитие личности, обладающей качествами гражданина – патриота Родины. Все основы будущего гражданина закладываются в школе.

Воспитательный процесс ориентирован на реальную жизнь, проблемы, которые решает общество, а именно обеспечить историческую преемственность поколений, сохранение, распространение и развитие национальной культуры.

Центральное место в воспитательной системе школы занимает гражданско – патриотическое воспитание: формирование гражданственности, патриотизма, трудолюбия, нравственности, формирование социально значимых ценностей, уважения к правам и свободам человека, любви к Родине, семье, окружающей природе.

Понимание патриотизма имеет глубокую теоретическую традицию, уходящую корнями вглубь веков. За последнее время все большее распространение в рамках данного направления приобретает взгляд на патриотизм как на важнейшую ценность, интегрирующую не только социальный, но и духовный, нравственный, культурный, исторический и другие компоненты.

Патриотизм – одна из наиболее значимых, непреходящих ценностей, присущих всем сферам жизни общества и государства, является важнейшим духовным достоянием личности, характеризует высший уровень ее развития и проявляется в ее активно – деятельной самореализации на благо Отечества.

Важнейшей составной частью воспитательного процесса в современной российской школе является формирование патриотизма и культуры межнациональных отношений, которые имеют огромное значение в социально – гражданском и духовном развитии личности ученика.

Многие мыслители и педагоги прошлого, раскрывая роль патриотизма в процессе личностного становления человека, указывали на их многостороннее формирующее влияние. Истинный патриотизм по своей сущности гуманистичен, включает в себя уважение к другим народам и странам, к их национальным обычаям и традициям и неразрывно связан с культурой межнациональных отношений.

Истинный патриотизм предполагает, как видно из его определения, формирование и его длительное развитие целого комплекса позитивных качеств. Основой этого развития являются духовно – нравственный и социокультурный компоненты. Патриотизм выступает в единстве духовности, гражданственности и социальной активности личности, осознающей свою нераздельности, неразрывность с Отечеством.

Патриотизм формируется в процессе обучения, социализации и воспитания школьников. Однако социальное пространство для развития патриотизма не ограничивается школьными стенами. Большую роль здесь выполняют семья и другие социальные институты общества, такие как: средства массовой информации, общественные организации, учреждения культуры и спорта, религиозные организации, учреждения здравоохранения, правоохранительные органы, военные организации, учреждения социальной защиты населения, корпоративные объединения, кровнородственные, диаспорные связи и отношения. Все это необходимо учитывать педагогам в процессе воспитания учащихся.

В последние годы вследствие кризисных явлений в социально – экономической, политической и культурной сферах общественной жизни произошел спад в процессе воспитания подрастающего поколения. Большую тревогу вызывает одно из ключевых направлений этой деятельности, связанное с созданием условий для воспитания и развития личности гражданина и патриота России, способного и готового отстаивать ее интересы. В связи с этим проблема патриотического воспитания становится одной из самых актуальных и требует новых подходов.

Воспитание патриотизма у школьников – одна из главных задач нашего дня. Патриотизм начинается с любви и уважения к тому, что завещано отцами, дедами. Нам можно гордиться не только завоеваниями науки и покорением природы, но и великой культурой. Особое значение сегодня приобретает необходимость формирования духовных начал нашего современного общества. Выбранный современным образованием курс на гуманизацию, усиление культурологической направленности на основе личностно – ориентированного подхода обучения создает условия для формирования гражданственности, патриотизма, развития личности каждого школьника. Глубокое знакомство с историей и

литературой родного края способствует воспитанию истинного гражданина.

Формированию чувства патриотизма у учащихся помогают беседы, чтением книг о мужестве и героизме людей. Знакомство и дружба с воинами, с бывшими фронтовиками. Перед нами, филологами. Проблема духовно – нравственного и патриотического воспитания стоит особо остро. Ведь мы имеем очень сильное оружие – это слово, художественная речь, книга. А «Книга, - по словам А. Герцена, - это духовное завещание одного поколения другому, совет умирающего старца юноше, начинающему жить, приказ, передаваемый часовым, отправляющимся на отдых человеку, заступающему на его место».

Исторический опыт становления и развития нашего Отечества указывает на то. Что важнейшим средством формирования гражданского общества, укрепления единства Российской Федерации является патриотическое воспитание граждан. Однако распад Советского Союза, происшедшие в России изменения, вызванные переходом из одной экономической формации в другую, привели к деградации сложившейся системы патриотического воспитания. В сознание людей стали проникать безыдейность, эгоцентризм, цинизм, агрессивность.

Характеризуя создавшееся в стране положение, В.В.Путин говорит, что «утратив патриотизм, связанные с ним национальную гордость и достоинство, мы потеряем себя как народ, способный на великие свершения». В столь опасной ситуации происходит постепенное формирование нового – российского патриотизма, в котором должны гармонически сочетаться традиции героического прошлого и сегодняшние реалии жизни с учетом перспектив развития социума в обозримом будущем.

Вопрос о патриотизме становится сегодня особенно актуальным, ибо без патриотизма вообще не может быть никакого духовного становления личности. Личность – это человек, развившийся в лоне истории и культуры своего народа.

Человек вне патриотизма – это и человек вне истории, вне духовного бытия, т.е. человек, лишенный человеческих свойств.

ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ МУСУЛЬМАНСКОЙ КОНФЕССИОНАЛЬНОЙ ШКОЛЫ В ДАГЕСТАНЕ В 20-Е ГОДЫ ХХВ.

Развитие новой системы школьного образования в Дагестане в 20-е годы происходило в идейной борьбе с традиционной мусульманской конфессиональной системой образования.

Трудности и лишения, выпавшие на долю народов горного края в годы интервенции и Гражданской войны, не могли не сказаться на сети и общей численности обучающихся в примечетских школах. По свидетельствам очевидцев число примечетских школ в Дагестане к началу 20-х годов по сравнению с дореволюционным уменьшилось. К сожалению, в виду отсутствия налаженного учета мы не в состоянии подкрепить свою мысль цифровыми выкладками о количестве мусульманских школ.

Несмотря на принятие Советским правительством декрета об отделении церкви от государства и школы от церкви, оно, исходя из сложной общественно-политической ситуации в национальных регионах страны, вынуждена была в первые годы советской власти идти на определенные уступки в вопросе организации конфессионального образования в районах с мусульманским населением. Декрет ЦИК и СНК СССР «О разрешении преподавания мусульманского вероучения в регионах с мусульманским составом населения» (октябрь 1923г.) определял возможным «Разрешить в пределах Туркестанской, Киргизской республик и автономных образований Кавказа с включением его частей с мусульманским населением, открытие частных школ для преподавания мусульманского вероучения, достигшим совершеннолетия по шариату (блюгат).

Допустить в Татарской, Башкирской и Крымской автономных республиках, а также остальных частях СССР с мусульманским населением организацию группового преподавания того же вероучения вне стен общеобразовательных школ и курсов (в ме-

четях и частных домах) лицам, достигшим совершеннолетия по шариату (блугат) и имеющим, кроме того, образование в объеме не менее трех отделений (классов) школы I ступени».¹

Широко известно обращение В.И. Ленина члену реввоенсовету Кавказского фронта Г.К. Орджоникидзе от 2 апреля 1920г.: «Еще раз прошу действовать осторожно и обязательно проявлять максимум доброжелательности к мусульманам, особенно при вступлении в Дагестан. Всячески демонстрируйте и притом самым торжественным образом симпатии к мусульманам, их автономии, независимость и прочее».²

Такое лояльное отношение новой власти ко всему связанному исламом, в том числе к мусульманским конфессиональным учебным заведениям и религиозность подавляющей части населения обеспечили благоприятные условия для увеличения их сети и контингента обучающихся.

Несмотря на серьезные экономические трудности, лишения, переживаемые горцами в первые годы советской власти, в Дагестане наблюдался устойчивый рост конфессиональных учебных заведений. Так, по данным на ноябрь 1923г. в Хасавюртовском округе насчитывалось 26 примечетских школ, в которых обучалось 1997 детей.³ В 1925г. в Даргинском округе имелось 67 традиционных религиозных школ, в которых обучалось 1643 детей. Помимо примечетских школ, обучением Корану и догмам ислама в округе было охвачено 960 детей.⁴ На 1 октября 1925г. в Андийском округе проживало 53539 человек. Советских школ здесь было 4, а религиозных 47.⁵ Такой быстрый рост мусульманских конфессиональных школ являлось следствием высокой религиозности местного населения.

¹ Сулаев И.Х. Мусульманское духовенство Дагестана и Советская власть: борьба и сотрудничество (1917-1921 гг.). Махачкала, 2004. С. 176.

² Революционные комитеты Дагестана. Сб. документов и материалов. Махачкала, 1960. С. 49.

³ Красный Дагестан. 1923, 15 ноября.

⁴ Гаджиев А.С. Роль русского народа в исторических судьбах народов Дагестана. Махачкала, 1964. Указ. соч. С. 163.

⁵ Резолюция первого совещания и материалы по агитпропработе. Махачкала, 1925. С. 17.

Этому способствовала и определенная поддержка конфессиональных учебных заведений, оказываемая органами власти республики на местах. В постановлении Петровского ревкома от 4 апреля 1920г. «Об освобождении школьных зданий от воинских частей и их ремонте» в ряду других отмечалось необходимость: «Обратить самое серьезное внимание на мусульманское училище и принять меры, чтобы училище продолжало свой учебный год».¹ Юго-Восточное бюро РКП(б) 27 мая 1924г. разослало циркуляр областным партийным организациям, в котором предлагалось «не чинить препятствий групповому преподаванию мусульманского вероучения в мечетях детям, окончившим светскую школу I ступени или же достигшим 14-летнего возраста, с тем, чтобы такое преподавание происходило во внеучебное время».²

А.А. Тахо-Годи, говоря о распространенности мусульманских конфессиональных учебных заведений в Дагестане в первой половине 20-х годов, отмечал: «Основной массовой школой была школа Корана, которую мог «открыть» каждый прошедший Коран. «Открытие» это заключалось в том, что арабист объявлял, что принимает детей и приступает к обучению Корану. Таких «отцов Корана» в каждом ауле было по крайней мере по одному, а в больших аулах – почти в каждом квартале, т.е. примерно с полдюжины в ауле. У каждого «отца» набиралось 30-40 детей. Считалось обязанностью мусульманина - ребенка в 7 лет посылать изучать Коран».³

На первом республиканском совещании по агитработе (1925г.) отмечалось, что в 554 зарегистрированных примечетских школах и медресе Дагестана обучался 11631 учащийся⁴, что значительно превышало показатель 1913г. (6727 учащихся).

Мусульманские конфессиональные учебные заведения пользовались широкой популярностью среди местного дагестанского населения. Это вынуждены были неоднократно констати-

¹ Революционные комитеты Дагестана. Сб. документов и материалов. С. 297.

² ЦГА РД. Ф. 1п. Оп. 1. Д. 521. Л.22.

³ В борьбе за советскую школу в Дагестане. // Научное наследие А.А. Тахо-Годи. Книги, статьи, доклады, выступления, письма. Махачкала, 2007. Ч. 2. С. 241.

⁴ Резолюция первого совещания и материалы по агитпропработе. С. 17.

ровать властные структуры в своих решениях, партийно-государственные руководители в своих выступлениях на страницах периодических изданий. В резолюции Хасавюртовской окружной партийной конференции от 13 ноября 1923г. указывалось: «Отсутствие хорошо поставленных школ в округе и материальная необеспеченность как школ, так и учительства способствуют развитию в округе духовных школ. Духовные школы растут в два раза скорее, чем советские школы, что и развивает влияние духовенства в аулах».¹

А.А. Тахо-Годи в статье «Борьба за советскую школу в Дагестане», опубликованной в журнале «Просвещение национальностей» (1931, № 1) отмечал: «Еще в 1925г. на совещании по народному образованию ставился вопрос о преподавании Корана в школе и настроение значительных слоев населения было за преподавание Корана. Среди населения вопрос этот будировался теми же самыми отхожниками от арабизма, чтобы создать себе, таким образом, источник пропитания. Некоторые работники народного образования стояли за преподавание Корана в советской школе, предлагая таким образом укрепить престиж школы среди населения и увеличить посещаемость аульских школ. Чуть ли не к этому времени относятся разговоры и о том, чтобы «советизировать» и коранские школы, реформируя их путем введения в них светских предметов, и таким образом укрепить эти школы вместо того, чтобы подрывать почву для их дальнейшего роста, отрывая от коранской школы учителя и перевоспитывая его».²

Комиссия Народного Комиссариата РКИ РСФСР, обследовавшая в августе 1924г. деятельность Наркомпроса ДАССР, отметила, что «Советская власть не рискнула ликвидировать мечетскую школу, армия духовенства была слишком сильна, к тому же заменить мечетскую школу было нечем. Наркомпрос не имел средств, чтобы построить школу и содержать ее книгами. Таким образом, остается существовать и медресе и мектеб».³

Финансирование мусульманских конфессиональных школ после установления советской власти оставалось неизменным.

¹ ЦГА РД. Ф. 1п. Оп. 1. Д. 431. Л.142-143.

² А.А. Тахо-Годи. Указ. соч. С. 240-241.

³ Красный Дагестан. 1927, 26 мая.

Они продолжали функционировать на средства от закята (10% отчисления от ежегодных доходов верующих) и средств, выделяемых родителями учащихся этих школ в качестве оплаты за обучение.

Во второй половине 20-х годов существенно изменилось отношение директивных органов власти к носителям традиционной арабоязычной культуры, в том числе и мусульманским конфессиональным учебным заведениям. Обеспокоенный состоянием образования в республике и влиянием на его развитие мусульманского духовенства ЦК РКП(б) в июне 1925г. специально заслушал отчет о деятельности дагестанской областной партийной организации и обратился с письмом к коммунистам республики. В письме говорилось: «Отмечая огромное влияние на население Дагестана духовенства, которое в дальнейшем может превратиться в оплот и базу мусульманского движения на всем Северном Кавказе и в Закавказье, ЦК полагает необходимым обкому и в дальнейшей работе серьезно учесть этот момент. Продолжая использовать разногласия среди духовенства, одновременно иметь в виду необходимость усиления работы по борьбе с духовенством за влияние на массы не с помощью антирелигиозной пропаганды, а на основе советской и общественной работы по улучшению материального положения крестьян».¹

С учетом «рекомендаций», содержащихся в письме, властные структуры Дагестана усилили борьбу за ослабление влияния мусульманского духовенства и традиционного конфессионального образования. Так, в докладе заместителя Председателя СНК ДАССР К. Мамедбекова на объединенном пленуме Дагобкома ВКП(б) и Контрольной Комиссии (февраль 1928г.) указывалось: «1925г. мы можем считать переломным годом, с этого момента мы перешли в наступление на мусульманское духовенство».

В настоящее время в ауле наблюдается ослабление влияния духовенства. Этот процесс совершается параллельно, в тесной зависимости от усиления социалистического сектора нашего хозяйства, особенно с развитием и углублением кооперативной рабо-

¹ Какагасанов Г.И. Религиозные мусульманские (примечетские) школы Дагестана. // Ислам и исламская культура в Дагестане. М., 2001. С. 131-132.

ты. Несмотря на это, духовенство все же остается сосредоточием антипартийной и антисоветской силы, и только с этой точки зрения мы его должны рассматривать. На пленуме в качестве одной из важнейших в области культурно-просветительной работы выдвинута задача изживания конфессиональных учебных заведений (мектеб, медресе)».¹

26 октября 1926г. обком партии утвердил инструкцию Наркомпроса ДАССР «О регулировании преподавания мусульманского вероучения». Преподавание этого вероучения допускалось только в религиозных школах. Все такие школы должны были зарегистрироваться. На преподавателей этих школ накладывался налог как на лиц свободных профессий. Посещение религиозных школ разрешалось детям, достигшим 12 лет.²

Параллельно с этим были осуществлены меры по ослаблению экономической базы мечетей и других учреждений культа. 23 января 1927г. ЦИК и СНК ДАССР приняли постановление «О национализации вакуфного имущества», которое определило: «Все вакуфные имущества, находящиеся во владении, пользовании и распоряжении различных религиозных установлений Дагестана (мечети, медресе и пр.), объявить национальным достоянием.

В целях тщательного учета и обследования как уже выявленного, так еще и не выявленного вакуфного имущества и реализации такового – ОИК-М создать комиссию в составе: председателя окрисполкома и двух членов – завокротделом и председателем АОВ, каковыми закончить работу в 3-х месячный со дня опубликования настоящего постановления срок, руководствуясь при этом следующим:

а) имущество, имеющее историко-художественное значение, подлежит передаче Народному Комиссариату просвещения.

б) имущество простого материального характера подлежит передаче как в непосредственную эксплуатацию АОВ, так и через

¹ Культурное строительство в Дагестанской АССР. 1918-1941 гг. Сб. документов. Т. 1. С. 264-266.

² Даниялов Г.Д. Социалистические преобразования в Дагестане (1920 – 1941гг.). Махачкала, 1960. С. 504.

последние малоземельным и безземельным трудовым хозяйствам сельских обществ по месту нахождения вакуфов».¹

Однако реализация этого решения встретила значительное противодействие духовенства и части местного населения. В ряде округов развернулась агитация против кресткомов и изъятия вакуфного имущества. Наибольшей активностью она отличалась в Буйнакском, Кюринском, Самурском и некоторых других округах. В сводках Дагестанского отдела ОГПУ за февраль-сентябрь 1927г. «О состоянии религиозной обстановки в отдельных округах и районах республики» сообщалось: «Работа по взятию на учет вакуфного имущества в Гунибском округе протекает при весьма неблагоприятных условиях. Имеются случаи в выражении недовольства и нареканий со стороны части населения, заинтересованных в оставлении вакуфа в прежнем состоянии (при мечетях).

Отмечаются случаи сокрытия со стороны духовенства объектов вакуфа, непредставления книг записи вакуфа представителям власти, а также отказ от проведения учета со стороны сельских властей.²

В аналогичной сводке Дагестанского отдела ОГПУ за январь-октябрь 1928г. отмечалось: «В феврале 1928г. с инспекторской проверкой в сел. Гогатль Андийского округа прибыл инструктор окружного исполкома Халидов З. При проверке кресткома он обнаружил скрытые участки земли 123 мерки пшеницы, как вакуфное имущество и участков на 25 мерок пшеницы, принадлежащей мечети. Всего же было скрыто 245 мерок зерна».

Председатель кресткома сел. Зибиркали Абдуразак Гаджиев и секретарь кресткома Будудибиров Умаша на складе заявили следующее: «Чем сдавать вакуфное имущество в крестком, лучше скрывать его от учета».³

Несмотря на недовольство части местного населения, вакуфное имущество было изъято. Оно повсеместно передавалось в распоряжение комитетов крестьянской взаимопомощи, которые

¹ Власть и мусульманская религия в Дагестане (ноябрь 1917 г. – декабрь 1991 г.). Документы и материалы. Махачкала, 2007. С. 51-52.

² Там же. С. 53

³ Там же. С. 62.

использовали его для помощи маломощным крестьянским хозяйствам. По данным на конец 1933г. по Дагестану было изъято вакуфного имущества: 12059 дес. пахотной земли, 125 дес. садов, 154,5 дес. леса, 2032 головы крупного рогатого скота, 2354 овцы, 24 пчелиных улья, 15218,5 мерок зерна, 503 бурки, 2124 ковра, 139 котлов, а также 143 мельницы и 151 дом.¹

Это не могло не сказаться на сети конфессиональных школ и охвате обучением ими детей. В 1926/1927 учебном году число медресе в округах Дагестана уменьшилось на - 26%, учащихся – на 19%, примечетских школ – на 13%, а учащихся в них на – 9%.²

На VIII съезде Советов Дагестана в апреле 1927г. было отмечено: «Соппротивление арабского духовенства и арабско-религиозной школы надломилось и пошло на убыль. Число религиозных школ сокращается». ³ Тем не менее, властные структуры, их функционеры считали необходимым дальнейшее усиление административного нажима на мусульманскую конфессиональную школу. В своем выступлении на Вседагестанском съезде Советов председатель ЦИК ДАССР Н. Самурский (апрель 1927г.) заявил: «Мы не можем примириться с контрреволюционной агитацией некоторой части реакционно настроенного духовенства. Мы не можем допустить, чтобы в дальнейшем культурном развитии нашего хозяйства нам мешало духовенство. Нам нужно вырвать у духовенства последние зубы, чтобы оно не могло произвести ни звука». ⁴

Согласно данным, приведенным на объединенном пленуме Дагестанского обкома и Контрольной Комиссии ВКП(б) (февраль 1928г.), к началу 1928г. в Дагестане существовала следующая сеть религиозных мусульманских школ: медресе – 20, примечетских школ – 75 и «коранических школ» - 185, всего 280 школ. В

¹ Искендеров Г.А. Роль кресткомов в восстановлении и развитии сельского хозяйства Дагестана (1921-1935 гг.).//Вопросы истории Дагестана и Северного Кавказа (советский период). Вып. 1. С. 68.

² ЦГА РД. Ф. 1п. Оп. 1. Д. 1137. Л.3.

³ ЦГА РД. Ф. р-37. Оп. 19. Д. 104. Л. 40.

⁴ Власть и мусульманская религия в Дагестане (ноябрь 1917г. – декабрь 1991г.). Документы и материалы. С. 55.

Дербентском округе, например, насчитывалось 15 религиозных школ, в Кайтаго-Табасаранском – 54, в Аварском – 27.¹

Незначительно изменилась картина численности конфессиональных школ, духовенства в республике и в 1929г. Она была охарактеризована на X Дагестанской партийной конференции (апрель 1929г.) в докладе М. Далгат «О задачах культурного строительства в Дагестане» и в выступлениях делегатов. Сеть мусульманских религиозных учебных заведений в 1929г. выглядела так: по всем округам было взято на учет 25 медресе с 900 учащимися, 84 примечетских школ, в которых обучалось 399 учащихся, и 137 «коранических школ». Всего в 426 мусульманских школах обучалось 4570 учащихся.²

В этот период мусульманские конфессиональные учебные заведения в республике функционировали под угрозой закрытия и административного преследования. Для подтверждения сказанного сошлемся на пример, приведенный в информационной сводке Дагестанского отдела ОГПУ, представленной секретарю Дагобкома ВКП (б) А.И. Муравьеву от 18 июня 1929г.: «В сел. Кикунни Гунибского кантона мулла Абдул-Халик Гаджиев, бывший участник банды Гоцинского помимо служения в мечети обучает детей Корану, имея до 20 учеников в возрасте до 10 лет, за что получает плату по 7 мерок кукурузы. Такое обучение Гаджиев производит уже 4-й год и по сравнению с прошлым годом число учащихся увеличилось на 5 человек. Характерно то обстоятельство, что имея двух сыновей (Абдул-Басыра 12 лет и Омара – 13 лет) указанный мулла обучает их в советской школе, причем оба сына по очереди посещают советские школы, а на другой день помогают отцу обучать детей Корану. Данное явление происходит с согласия учителя советской школы Магомедова Яхьи, учебного-арабиста, каковой факт известен инспектору ОНО Гунибского кантона, но мер не принимается».³

К началу 30-х годов усиление административного насилия и прямой запрет привели к прекращению деятельности религиоз-

¹ Каймаразов Г.Ш. Образование и наука в Дагестане в XX веке. Махачкала, 2007. С. 124.

² Там же.

³ Власть и мусульманская религия в Дагестане (ноябрь 1917г. – декабрь 1991г.). Документы и материалы. С. 71.

ных школ в Дагестане. Лишь отдельные представители мусульманского духовенства, остававшиеся на свободе, рискуя быть подвергнутыми административным преследованиям и репрессиям, продолжали свою деятельность, набирали небольшие группы детей и тайно обучали их Корану на дому.

Мукаева Т.Ш.

МЕСТО И РОЛЬ ЖЕНЩИН В СФЕРЕ КУЛЬТУРЫ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ РАЗВИТИЯ ЧЕЧЕНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ.

Чеченский народ имеет трудную историю, тяжелую судьбу. И чеченская женщина на всех исторических этапах ее развития брала на себя в равной с мужчиной степени ответственность за нее. Вот почему активная жизненная позиция - это характерная черта и современной чеченской женщины.

Традиционно у чеченцев женщины пользовались большей свободой, чем у соседних кавказских народов: не только незамужние девушки, но и замужние женщины не прятались в присутствии мужчины, и хотя женщина обязана была уступать дорогу мужчине, но и тот со своей стороны должен был демонстрировать уважение к ней. Вопреки установившемуся стереотипу «угнетенной женщины востока», женщины в чеченском обществе играли активную роль и в досоветские, и в советские времена.

В последние годы резко активизировалось участие женщин в общественно-политической, экономической, социальной, духовной и культурной жизни и увеличилась доля женщин в общем количестве населения республики. Создание демократического, правового, светского государства невозможно без участия женщин, и мы в своей работе постарались ещё раз это сделать на примере Республики.

Интересен тот факт, что в Чечне с недавних пор появился новый праздник – День чеченской женщины. Он отмечается в республике ежегодно в третье воскресенье сентября. Учрежден

праздник был. в соответствии с указом главы Чеченской республики Рамзана Кадырова в 2009 г. «в целях усиления роли **чеченской женщины** в жизни общества».¹

Следует отметить, что женщины республики успешно работают на благо Чечни, это известные в республике женщины - журналисты, актрисы театра и эстрады. Женщины заняты во всех сферах жизнедеятельности республики: образовании, культуре, промышленности и в бизнесе. Они выполняют наряду с мужчинами такой же объем работы, нередко занимают руководящие посты.

Среди деятелей искусства и культуры необходимо отметить имена таких известных чеченок как народная поэтесса Чечено-Ингушской АССР Раиса Ахматова (1928 – 1992 гг.) и народная артистка России Марьям Айдамирова (1926-1992 гг.), Заслуженный деятель искусств Чеченской Республики Анжелика Зубайраева,² воспитавшая многих современных молодых исполнителей чеченской эстрадной песни. Вообще много талантливых чеченок занимаются песенным искусством, эстрадой, внося тем самым огромный вклад в сохранение традиционной чеченской культуры и развитие современного искусства.

Например Мака Межиева - талантливая исполнительница, как народных, так и эстрадных песен, Малика Юнусова, Раиса Кагерманова, Тамара Дадашева, Хажижат Абуева, Марем Ташаева — народная артистка Чеченской Республики и Республики Ингушетия, Аймани Айдамирова, Таус Мусаева - Заслуженная артистка Чеченской Республики и многие другие.

Представительницами редкой для чеченского менталитета «женской профессии» являются Фатима Хамидовна Даудова и Зарета Муртазалиева. Они – профессиональные художники. Говорят, что войны ломают людей искусства, что для творчества нужна спокойная обстановка. Но, по словам Фатимы, именно то, что произошло с чеченским народом в последние десятилетия, и подтолкнуло ее к тому, чтобы совершенствоваться: «Мне хоте-

¹ Эльбуздакаева Т.У. Культура Чечни: XX век. Грозный, 2012. С.360.

² Анжелика Зубайраева [Электронный ресурс]// URL: <http://www.mkchr.com/main.mhtml?Part=31&PubID=706> (дата обращения 19.02.2009).

лось своими картинами показать миру, что чеченцы не такие, как говорят о них в военных сводках по телевидению... Мы очень талантливые».¹ Именно любовь к своему краю, родным и близким, потребность отразить на холсте их жизнь, страдания и мечты – явилась определяющей в личности Фатимы Даудовой.

В большинстве картин Ф. Даудовой, посвященных Грозному (цикл «Мертвый город»), прослеживается неукротимое желание чеченского народа вернуть утраченные красоту и гармонию. Ее искусство документально и современно, но в тоже время в каждом образе переданы грани традиционного чеченского художественного творчества.

На наш взгляд, именно искусство, творческие люди в Чечне могут помочь «реанимировать искалеченные войной души людей» и не только чеченского народа, но и всех народов нашей многонациональной России. Культура сегодня, как никогда, играет важную роль в процессе восстановления мирной жизни.

Никакие силовые, экономические и социальные меры не могли быть достаточными для решения этой задачи, без усилий по восстановлению культурной сферы, и прежде всего, собственно чеченской культуры.

Художественное творчество и другие формы культурной деятельности обладают одним из важнейших свойств, которые не смогут заменить никакие политические и другие меры. Речь идет об изживании травмы войны через художественные образы.

Помимо сферы искусства активное участие чеченские женщины принимают и в развитии народного образования и здравоохранения. Их доля в этих социальнозначимых сферах общественной жизни в годы военного конфликта и после него значительно возросла. Достаточно обратить внимание на преподавательский состав одного из самых крупных учебных заведений не только Чечни, но и Российской Федерации, - Гудермесского педагогического колледжа.

Возглавляет это учебное заведение Умарова Аза Ахмедовна. Ее заместителями являются Кагерманова Айгюль Мухтаровна,

¹ Фатима Даудова[Электронный ресурс]// URL: <http://checheninfo.ru/15277-fatima-daudova.html> (Дата обращения 06.06.2013).

Эдилсултанова Таус Алиевна, Абдрахманова Раиса Шараниевна, Юнусова Сацаит Абубакировна. Преподавательский коллектив также представлен в основном женщинами: это Элита Шариповна Таусиева, Аминат Дукваховна Мустапаева, Зайна Атнановна Яшадова, Анжела Салмановна Османова, Айшат Магомедовна Цагалаева, Луиза Тапаевна Алханова, Шайман Борзалиевна Микиева, Хава Мамаевна Лолуева, Малика Хамидовна Бошхаджиева, Людмила Ивановна Романенко, Медни Сайд-Эмиевна Кахарова, Кистаман Магомедовна Иноркаева, Сижан Сайдалиевна Эпендиева, Лариса Магомедовна Юсупова, Кайпа Кораевна Касумова, Марина Гарсиевна Садыкова, Малика Мовладиевна Тайсумова и др.¹

В настоящее время Гудермесский педагогический колледж является образовательным центром, позволяющим молодежи города и районов Чеченской Республики получить качественное образование, не покидая пределы родного края.

В последние годы в республике ежегодно проводятся конкурсы на звание «Учитель года», в которых часто побеждают представительницы слабого пола. Например, 24 апреля 2010 г. В Чеченской Республике были названы победители первого республиканского конкурса «Учитель чеченского языка – 2010». В финальный тур конкурса вышли 11 преподавателей родного языка из разных районов ЧР.²

По итогам конкурса лучшим учителем чеченского языка признана Луиза Элиханова из Ачхой-Мартановского района. Второе и третье места заняли Луиза Исраилова (Шалинский район) и Буку Бамбатгереева (Курчалоевский район) соответственно.

В 2012 г. на конкурсе учитель года первое место было присуждено учительнице гимназии № 8 из села Ножай-Юрт Мелх-Азни Товдархановой.

25 мая 2013 г. в Грозном определились лучшие учителя года в Чеченской Республике. На церемонии были названы победите-

¹ Администрация и кадры [Электронный ресурс]// URL: <http://gums-college.ru/college>(дата обращения 05.06.2013).

² Подвели итоги конкурса [Электронный ресурс]// URL: <http://www.vainahkrg.kz/e/334567-v-chechenskoy-respublike-vyibrali-luchshego-prep> (дата обращения 05.06.2013)

ли и призеры в пяти республиканских конкурсах. Среди молодых педагогов жюри отдало предпочтение учительнице английского языка из СОШ села Чишки Фатиме Датаевой.

Немало женщин-педагогов и в высших учебных заведения Чечни. Например, проректором по научно-организационной работе Чеченского государственного университета является Мазаева Тамара Адамовна. Еще в декабре 1993 года была приглашена в качестве министра культуры в правительство Джохара Дудаева. В сентябре 1994 года подала в отставку, уехала в Санкт-Петербург, где продолжила работу над изданием книг и альбомов по искусству.

После войны она вернулась в родную республику и с 2008 года работает в Чеченском государственном университете сначала на должности профессора по кафедре истории мировой культуры и музееведения, затем в качестве заведующей вновь созданной кафедры культурологи, а с 2010 года - проректором по научно-организационной работе. Ею опубликовано 4 монографии, 3 учебных пособия и более 50 статей.¹

В Чеченском Государственном Педагогическом институте, готовящем специалистов по самым востребованным профессиям, многие факультеты и кафедры возглавляют женщины. Так деканом гуманитарного факультета является Хава Бакуевна Навразова, профессор, доктор филологических наук, заслуженный учитель Чеченской Республики, отличник народного образования РФ, известный в республике специалист в области лингвистики.

Учебно-воспитательный процесс на факультете осуществляют 6 кафедр: русского языка и методики его преподавания (заведующий кафедрой - Раиса Амхадовна Буралова, доцент, кандидат филологических наук); литературы и методики ее преподавания (заведующий кафедрой - Тамара Билаловна Джамбекова, профессор, кандидат филологических наук); теории и методики обучения иностранным языкам (заведующий кафедрой - Асет Шамсудиновна Давлетукаева, доцент, кандидат филологических

¹ Музаева Т.А. [Электронный ресурс]/ Сайт «Чеченский государственный университет»// URL: <http://www.chesu.ru/prorektors/sciencepro.html> (дата обращения 04.06.2013)

наук); чеченской филологии (заведующий кафедрой - Хава Бакуевна Навразова, профессор, доктор филологических наук).

Факультет педагогики и психологии возглавляет Исаева Марьям Абдурахмановна, доцент, кандидат педагогических наук, кафедрой методики начального образования ЧГПИ заведует Алиева Сацита Адамовна, факультет искусств того же института возглавляет Базаева Фатима Умаровна, доцент, кандидат педагогических наук. Деканом факультета естествознания института является кандидат биологических наук, доцент Магомадова Раиса Сайпудиновна. На факультете три кафедры: биологии и МП (зав.кафедрой к.б.н., доцент Абдурзакова А.С.); химии и МП (зав. кафедрой д.х.м., профессор Хасбулатова З.С.); экологии и БЖ (зав.кафедрой к.г.н., доцент Мантаев Х.З.).¹

Как это ни удивительно, особенно для кавказской республики, но даже в таком, казалось «мужском» вузе, как Грозненский государственный нефтяной технический университет им. академика М.Д. Миллионщикова, много женщин-педагогов. Мало того, они возглавляют ведущие факультеты этого университета. Так деканом геолого-промышленного факультета ГГНТУ является кандидат геолого-минералогических наук, профессор Лемка Ибрагимовна Оздоева, нефтетехнологический факультет, один из старейших факультетов вуза, возглавляет д.т.н., профессор Любовь Ширваниевна Махмудова, факультет автоматизации и прикладной информатики (ФАПИ) - к.ф-м.н., профессор Эсмира Докуевна Алисултанова.²

Несомненно, война в значительной степени изменила положение женщины в Чечне, изменила ее социальный и семейный статус. Одни из них стали опорой для семьи, взяв на себя роль мужчины, другие - приобрели деловые качества, ценные для всего чеченского и российского общества. Это женщины-депутаты, женщины-правозащитники, женщины-благотворители, сотрудницы сферы образования, сферы культуры. Как выразилась Ната-

¹ Факультеты [Электронный ресурс]/ Сайт «Чеченский государственный педагогический институт»// URL: <http://www.chgpi.ru> (дата обращения 01.06.2013)

² [Электронный ресурс]/ Сайт «Грозненский государственный нефтяной технический университет им. академика М.Д. Миллионщикова»// URL: <http://www.gsoi.ru/departments> (дата обращения 04.06.2013).

ля Нестеренко, война «подтолкнула их к новому рождению. Чеченская женщина из-за войны переродилась в совершенно другую женщину».¹ Возможно, такая характеристика является спорной, но роль чеченской женщины в преодолении последствий долгого кризиса, в которой оказалась республика на протяжении ряда лет, безусловно, значительно.

Женщины Чеченской Республики в современных процессах восстановления, оптимизации деятельности учреждений образования и культуры играют важную, едва ли не определяющую роль, внося весомый вклад в их развитие, передачу и ретрансляции национальных и общечеловеческих культурных ценностей и знаний, формируя ценностные установки и профессионализм будущих поколений нашей республики.

Нагиева М.К.

О КУЛЬТУРНЫХ ВЗАИМОСВЯЗЯХ ДАГЕСТАНА С РЕСПУБЛИКАМИ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА В 1921–1990 ГГ. XX В. (ОБЗОР ДОКУМЕНТОВ ИЗ ФОНДОВ ЦГА РД И МАТЕРИАЛОВ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ)

Народы Дагестана и Северного Кавказа издавна имели между собой экономические и культурные контакты. Схожесть социально-экономического развития, географических условий еще более способствует взаимовлиянию в культурной сфере братских народов. При изучении выявленных документальных источников в Центральном государственном архиве Республики Дагестан за период с 1921 по 1990 гг. прослеживаются некоторые пути разви-

¹ Нестеренко Н. 10 лет с начала войны. Судьба чеченской семьи [Электронный ресурс]// <http://www.svobodanews.ru/content/transcript/1821119.html> (дата обращения 03.06.2013).

тия и укрепления дружественных, культурных связей между народами Дагестана и Северного Кавказа.

Наибольшую ценность для изучения обозначенной темы представляют многие фонды ЦГА РД: Ф. 1-п. (Дагобком ВКП (б), КПСС), Ф. р-23 (Министерство здравоохранения), Ф. р-168 (Совет Министров ДАССР), Ф. р-34 (Министерство просвещения) и многие другие. В фондах ЦГА РД встречается большое количество документов партийных, советских органов, разнообразная переписка между различными министерствами и ведомствами, письма и телеграммы, отчеты, информационные сводки, статистические таблицы и т.д., освещающие взаимоотношения и взаимосвязи Дагестана с республиками Северного Кавказа в культурной сфере. Интересные сведения встречаются также в опубликованных сборниках документов и материалов, а также в центральной и местной периодической печати, которые были использованы автором для написания данной статьи.

После установления Советской власти в Дагестане, как и на всем Северном Кавказе, началась огромная работа по культурному строительству. Важное место во всей государственной политике в области культурного строительства занимали вопросы народного образования, развития школьной сети, повышения общей культуры населения ¹. Несмотря на все мероприятия, которые проводились в этой сфере органами власти, должного эффекта в первые годы советской власти не достигало. Это было связано в первую очередь с нехваткой необходимой литературы и учебных пособий, без чего очень трудно было вести эффективную работу. Но, несмотря на все сложности, работа в этой сфере постепенно налаживалась. Так, в 1922 г. в республику были отправлены следующие журналы: «Вестник агитации и пропаганды», «Коммунистическая литература», «Возрождающаяся Кабарда и Балкария», очерки «Борьба горцев за революцию» и т.д. В последующие годы количество присылаемой литературы в республику постепенно увеличилось ².

¹ Роль Красной Армии хозяйственном и культурном строительстве на Северном Кавказе и в Дагестане в 1920–1922 гг. 1968. С. 58–61.

² ЦГА РД. Ф. 1-п. Оп. 1. Д. 131, 377, 378, 475; Культурное строительство в Северной Осетии (1917-1941 гг.). Сб. документов и материалов. 1974. Т. 1. Орджоникидзе. С. 372–374.

Одним из важнейших вопросов, тесно связанных с осуществлением культурной революции, было раскрепощение горянок. За первое десятилетие активно велась работа по ликвидации неграмотности среди женщин. Определенная работа велась по вовлечению женщин-горянок в культурное строительство в республике¹. В 1925 г. в Ростове-на-Дону Северо-Кавказским крайкомом ВКП (б) открылись партийные курсы горянок. Открытие курсов приковало к себе внимание многих работниц. На открытие курсов приехали горянки из Кабарды, Чечни, Осетии, Карачаево-Черкессии, Ингушетии. К 1927 г. в Дагестане действовало 12 саклей горянок, в деревне работали 3954 делегатки, из них горянок – 3241. К 1928 г. число саклей увеличилось до 17.

Фонды государственного архива РД располагают многими документальными источниками, освещающими работу, проводимую по подготовке кадров и повышения квалификации на различных краевых курсах, среди них: Донская областная совпартшкола; краевые юридические курсы. В 1924 г. для подготовки горцев работников национальной печати, при редакции газеты «Советский Юг» были открыты 3-месячные курсы, куда было направлено 4 человека: осетин, ингуш, кабардинец и дагестанец, после окончания этих курсов они работали журналистами в местных газетах и т.д.².

К 1930 годам отчетливо стало проявляться, что дальнейшее развитие культуры в республике тормозилось из-за недостатка кадров интеллигенции с высшим образованием. До 30-х гг. подготовка специалистов с высшим образованием решалась двумя путями. Во-первых, это регулярная отправка в ранее отсталые районы специалистов с высшим и средним специальным образованием. Большая часть из которых, были русские и представители других народностей страны. В исследуемые годы существова-

¹ Великий Октябрь и раскрепощение женщин Северного Кавказа и Закавказья. 1917-1936 гг. Сборник документов и материалов. 1979. М. С. 372–374.

² ЦГА РД. Ф. ЦГА РД. Ф. 1-п. Оп. 1. Д. 394. Л. 44; Д. 395. Лл. 88. 144; Д. 476. Лл. 57, 68, 80; Ф. р-127. Оп. 24. Д. 85. Л. 14; Ф. 1-п. Оп. 1. Д. 1462. Лл. 25–26; Д. 3547. Л. 99; Д. 3086. Лл. 128–131; 135–137; 186–187; Д. 3558. Лл. 131, 149–152. Культурное строительство в Северной Осетии (1917–1941 гг.). Сб. документов и материалов. Т. 1. С. 376.

ла также практика по подбору преподавателей в различные учебные заведения страны¹. И, во-вторых, ежегодно выделялось определенное количество мест в центральных вузах страны, в том числе и Северного Кавказа для студентов и аспирантов из Дагестана².

Горский педагогический институт, основанный в 1920 г. в г. Владикавказе к 1930 г. подвергся полной реконструкции, наблюдались определенные количественные и качественные достижения. За 10 лет своего существования институт окреп, вырос в большое культурно-просветительное и научное учреждение, играющее огромную роль в народнохозяйственном и культурном строительстве горских народов Северного Кавказа. Научно-преподавательский состав института к этому времени достиг 64 человека, в его составе уже имелась прослойка научных работников из горцев, это 2 профессора, 4 доцента, преподаватели и 1 ассистент. Научно-преподавательский персонал института вел большую научную работу по изучению истории горских народов и горских областей, флоры, фауны, производительных сил, фольклора, этнографии, археологии и т.п. С 1930/31 учебного года предполагалось открытие отделения дагестанских языков и культуры; с 1931 – 1934 гг. отделения чечено-ингушского языка и секцию кабардино-балкарского языка и культуры; а с 1932 – 1933 гг. общегорское социально-экономическое отделение и секции тюркских языков (карачаевского, балкарского, туркменского, ногойского и др.)³. В документах выше указанных фондов госархива дается достаточное освещение о реорганизации Горского сельскохозяйственного институт, открытого в 1918 г. в соответствии с декретом Совнаркома Терской республики от 5 декабря 1918 г. в г. Владикавказе. В 1921 г. он был переименован в Горский политехнический институт, а в 1923 г. в Горский сельскохозяйственный. В документальных материалах можно встретить инте-

¹ Там же. Ф. 1-п. Оп. 1. Д. 1440. Лл. 4–5; Д. 1786. Л. 2; Д. 3087. Лл. 13–14.

² Там же. Ф. 1-п. Оп. 1. Д. 1405. Л. 13; Д. 1787. Л. 4; 2697. Лл. 124–125; Д. 3549. Лл. 71, 83; Д. 3084. Л. 298; Д. 33475. Л. 42; Д. 3083. Лл. 383–384, 385–386.

³ Культурное строительство в Северной Осетии (1917–1941 гг.). Сб. док. и мат. Т. 1. С. 194–195, 202.

ресную информацию об организации высших учебных заведений в Дагестане¹, о слиянии землеустроительных отделений Ингушского и Новочеркасского техникумов с Дагестанским землеустроительным техникумом и о дальнейшей его работе².

Следует также отметить, что работа в культурно-просветительной сфере развернулась после установления советской власти. Большая помощь в этой области была оказана Северокавказскими республиками. Ряд документов Фонда 1-п. (Дагобком ВКП (б), КПСС) характеризуют состояние и перспективы развития в сфере культуры, по представленным материалам можно проследить общую картину с ликвидацией неграмотности республике, о деятельности культсанштурма³. Для участия в проведении культсанпохода по направлению Северокавказских краевых организаций в Дагестан прибыло более 300 чел. и на постоянную работу в школах и органах народного образования – 46 чел. Ростовский горсовет выделил республике 300 тыс. руб., 5200 учебников и методических пособий, 272 комплекта одежды и обуви для детей и разной одежды на сумму в 20600 руб., послано было в Дагестан две бригады культармейцев. Такие же бригады были посланы из Кабарды, Северной Осетии, Карачаево-Черкессии, Адыгеи⁴. Культпоход внес крупные перемены в культурные преобразования осуществлявшиеся в республике.

Несмотря на трудности и испытания, выпавшие на долю советских народов в годы войны, культурное строительство в нашей республике, как и во всей стране, хотя и замедлилось, но продолжалось.

В первые месяцы войны в Дагестане на основании приказа Наркома здравоохранения РСФСР «О создании Управления эвакогоспиталями»⁵ были организованы эвакогоспитали, которые проводили огромную работу по лечению и возвращению в строй бойцов и командиров Красной Армии. На основании этого прика-

¹ ЦГА РД. Ф. 1-п. Оп. 1. Д. 1786. Л. 2

² Там же. Ф. р-127. Оп. 24. Д. 103. Лл. 61, 87.

³ Там же. Ф. 1-п. Оп. 1. Д. 1405. Лл. 5, 8, 14; Д. 2187. Лл. 1–6; Д. 1826. Лл. 5–13; Д. 1842. Лл. 148, 156; Д. 3082. Лл. 226–233; Д. 3558. Лл. 50–51.

⁴ История Дагестана с древнейших времен до наших дней. Т. 2. Махачкала, 2005. С. 166.

⁵ ЦГА РД. Ф. р-23. Оп. 34. Д. 28. Лл. 156–157.

за народным комиссаром здравоохранения АССР и заведующим край и (обл) здравотделам в декадный срок было дано указание укомплектовать отделы эвакогоспиталей лучшими организаторами здравоохранения и высококвалифицированными специалистами. Документальные материалы архива ЦГА РД свидетельствуют о том, что работники медицинских учреждений Дагестана своей самоотверженной работой по оказанию помощи фронтовикам, раненым красноармейцам завоевали любовь и симпатии людей многих национальностей¹.

Значительная часть молодых врачей, окончивших Дагестанский медицинский институт в 1943 г. была направлена на фронт и в освобожденные районы.

В октябре 1941 г. в связи с приближением немецко-фашистских войск к г. Ростову-на-Дону Ростовская киностудия по производству хроникально-документальных фильмов была эвакуирована в г. Орджоникидзе и обслуживала Северо-Осетинскую, Чечено-Ингушскую, Кабардино-Балкарскую, Дагестанскую АССР, Краснодарский и Ставропольский края и Ростовскую область. 1 октября 1942 г. киностудия из г. Орджоникидзе была эвакуирована в г. Тбилиси. В апреле 1943 г. студия вновь возвращается в г. Орджоникидзе и возобновляет свою деятельность по выпуску журнала «Северный Кавказ» до организации в 1945 г. Северокавказской киностудии.

В послевоенные годы в средствах массовой информации, в частности в газете «Дагестанская правда» появляются сообщения о работе Северокавказской киностудии. Этой студией в 1947 г. было выпущено 10 короткометражных фильмов о Дагестане. В 1948 г. был организован корреспондентский пункт в Махачкале Северокавказской студии кинохроники, в задачу которой входила киносъемка наиболее выдающихся событий, происходящих в республике².

Развитие науки и высшего образования в Дагестане, подготовка кадров для научных учреждений и учебных заведений является важным результатом повседневного взаимного сотрудни-

¹ Там же. Ф. 1-п. Оп. 1. Д. 5686. Л. 62 и об., 147, 156–157.

² ЦГА РД. Ф. 1-п. Оп. 2. Д. 1424. Лл. 28, 48, 56. Д. 3012. Лл. 5–7.

чества между Дагестаном и братскими республиками, краями и областями.

В подготовке высококвалифицированных специалистов и научных кадров для республики большую роль сыграли институты Истории, Языкознания, Мировой литературы, Археологии, Этнографии, Народов Азии АН СССР, Ленинградский, Ростовский государственные университеты, Пятигорский, Чечено-Ингушский педагогические институты, Грозненский нефтяной институт и другие высшие учебные заведения страны¹.

Яркой страницей летописи дружбы народов стала помощь всей страны, а также всех республик и краев Северного Кавказа населению Дагестана, подвергшихся землетрясению в 1966 г. Землетрясение нанесло большой урон народному хозяйству. Были повреждены сотни населенных пунктов, разрушены больницы, школы, здания государственных учреждений. Без крова остались тысячи семей. Все население, оставшееся без крова, было обеспечено надежным жильем. Благодаря большой помощи соседних республик, краев и областей быстро и успешно ликвидировались последствия землетрясения.

Прошло немного времени со дня землетрясения в Южном Дагестане как в мае 1970 г. республика вновь подверглась сильнейшему землетрясению. Документальные материалы различных фондов государственного архива позволяют исследователям увидеть ту огромную работу, которая была проделана Северокавказскими республиками по оказанию помощи в ликвидации последствий землетрясения.

В районах велось строительство населенных пунктов, осуществлялись широкие мероприятия по строительству объектов производственной базы строительных организаций. Из республик Северного Кавказа в порядке помощи выделялись средства, строительные материалы, отправлялись рабочие на строительные объекты².

Землетрясение нанесло большой урон учреждениям культуры и образования. Были повреждены и разрушены школы, боль-

¹ Там же. Ф. 1-п. Оп. 2. Д. 2615. Лл. 7,9; Д. 2646. Л. 118.

² ЦГА РД. Ф. 1-п. Оп. 2. Д. 3222. Лл. 40,45; Д. 3220. Лл. 43, 105; Д. 3221. Лл. 29, 34; Д. 3218. Лл. 67, 162, 243.

ницы, дома культуры и т.д. В дни тяжелых испытаний рядом с дагестанцами оказались ростовчане, ставропольцы, краснодарцы, трудящиеся всех республик Северного Кавказа, Закавказья и Средней Азии. Волгоградский, Ростовский и Ставропольский проектные институты помогли составить проекты 32 населенных пунктов. Строительные тресты Краснодара, Невинномысска, Ростова, Ставрополя, Нальчика, Грозного, Орджоникидзе построили школы, пекарни и много других объектов социально-культурного значения¹.

Убедительной демонстрацией достижений культуры и искусства явились проведение Дней культуры Дагестана в республиках Северного Кавказа: в Чечено-Ингушетии, Кабардино-Балкарии, Северной-Осетии, и проведение подобных мероприятий северокавказских республик в Дагестане, проходили совместные мероприятия, посвященные 50-летию образования СССР, 100-летию со дня рождения В.И. Ленина. Эти творческие праздники показали достижения республики в области литературы, искусства, культуры, продемонстрировали дружбу народов Дагестана с народами нашей страны.

В исторических источниках Фонда Дагобкома КПСС ² встречается интересная переписка между Карачаево-Черкесским краевым музеем и Дагобкомом КПСС «О создании Музея-памятника героям обороны и освобождения Кавказа». В битве за Кавказ, охватывающий территорию от Дона до Терека и Волги, от Донских и Армавирских степей до Туапсе, Нальчика, Моздока и перевалов Главного Кавказского хребта, участвовали сотни тысяч советских воинов, части и соединения, сформированные в Азербайджане, Армении, Грузии, Дагестане, Чечено-Ингушетии, Кабардино-Балкарии, Северной Осетии, Калмыкии, Ростовской и Астраханской областях, Краснодарском и Ставропольском краях, а также части и соединения, имевших в своем составе значительное число воинов из этих республик, краев и областей. В постановлении о создании Музея-памятника отражается помощь, оказанная Дагестанским краеведческим музеем в создании этого памятника.

¹ Там же. Ф. 1-п. Оп. 2. Д. 2783. Лл. 75–76; Д. 2785. Лл. 62–67.

² ЦГА РД. Ф. 1-п. Оп. 2. Д. 3012. Лл. 5–7.

Музей-памятник героев Кавказа был создан с целью увековечения наиболее важных событий битвы за Кавказ и советских воинов – героев этого сражения. Дагестанский краеведческий музей отправил фотокопии снимков, документов, снимки Героев Советского Союза – дагестанцев, непосредственных участников битвы за Кавказ – это В. Эмирова, Р. Алиева, Н. Земцова, Х. Нурадилова, Г. Буганова, Ш. Алиева, М. Гамзатова, М. Сурмач, А. Абдуллаева и Ю. Акаева, снимок группы бойцов из бронепоезда им. М. Гаджиева – участников обороны Кавказа, фотокопия знамени обкома ВЛКСМ, пробитого пулями и осколками в боях за Кавказ, фотокопия личных вещей Героя Советского Союза В. Эмирова, фотокопия подарка трудящихся Карачаево-Черкессии в день 45-летия ДАССР в память о совместных боях на Маруханском перевале и другие ценные предметы и материалы.

В 70–80-е гг. качественные преобразования происходили в системе взаимоотношений в области культуры. Вместо небольших клубов стали строить дома и дворцы культуры – учреждения нового типа, располагавшие квалифицированными кадрами художественных, музыкальных, хореографических работников и т.д. Строительство учреждений культуры осуществлялось за счет средств, в основном, государственных капитальных вложений.

В исследуемые годы важной частью всей системы образования являлось среднее специальное и высшее образование. В 1972 г. был открыт политехнический институт. В республике работало 5 вузов и 28 средних специальных учебных заведений.

В эти годы были достигнуты ощутимые результаты и в увеличении числа обучающихся в вузах, как Дагестана, так и в соседних республиках, областях и краях ¹. Активное взаимное сотрудничество осуществляется между вузами республик Северного Кавказа и Дагестана в проведении различных научно-теоретических и практических конференций ².

Культурные и духовные запросы населения республики удовлетворялись системой очагов культуры, распространенностью и доступностью дагестанской, русской, северокавказской,

¹ ЦГА РД. Ф. 1-п. Оп. 2. Д. 3222. Л. 44; Д. 3351. Л. 43; Д. 3888. Лл. 209 – 211, Д. 4117. Л. 147. Дагестанская правда. 1988. 20 ноября.

² Там же. Ф. 1-п. Оп. 2. Д. 4450. Лл. 37–38; Д. 4907. Л. 19.

зарубежной художественной и учебной литературы, периодических изданий и через другие средства.

На начало 1981 г. в Дагестане функционировало 1194 клубных учреждения, 1031 библиотека, 10 музеев, 1145 киноустановок. Издавалась 61 газета, в том числе 6 республиканских, 19 журналов и других периодических изданий. Работали 7 профессиональных театров, 5 из них национальных, государственная филармония, ансамбль песни и танца Дагестана, заслуженный ансамбль танца «Лезгинка»¹.

В 80-е гг. в Дагестане с широким размахом проводились дни литературы и искусства между республиками и регионами страны. Частыми были взаимные гастрольные туры национальных театров, обмен радиопрограммами. Об этом убедительно свидетельствуют регулярные сообщения в республиканской прессе, в частности в газете «Дагестанская правда». Из этого источника видно, что все национальные театры республик Северного Кавказа с огромным успехом выступали на дагестанской сцене.² В исторических источниках госархива также довольно подробно освещается тема проведения дней культуры между республиками, среди выявленных нами материалов, встречается документ «О проведении дней культуры Дагестанской и Чечено-Ингушской АССР в 1977 г.», где подробно освещается план действий проведения таких мероприятий (обменных дней). Так, разрабатывались конкретные планы действий, которые предусматривали встречи различных деятелей культуры и литературы, выступления мастеров искусств, взаимный обмен выставок произведений художников, организация совместных теле- и радиопередач, показ художественных и документальных фильмов и т.д.

В средствах массовой информации достаточно активно освещались взаимоотношения в области художественного, литературного и народного творчества, музыкального искусства. Эти

¹ История Дагестана с древнейших времен до наших дней. Т. 2. М., С. 569.

²См.: Дагестанская правда. 1979. 5 июля; 1981. 5 июня, 13 сентября; 1984. 15 апреля, 18 декабря; 1985. 30 июля; 1988. 11 октября. ЦГА РД. Ф. 1-п. Оп. 2. Д. 4750. Л. 57.

мероприятия также нашли подробно освещение в средствах массовой информации¹.

Большое внимание в программных республиканских теле- и радиовещаниях занимали материалы о достижениях трудящихся в различных отраслях народного хозяйства, во всех сферах культурной жизни. Интерес телезрителей вызывали программы, специально подготовленные соседними республиками, краями и областями Северного Кавказа и других регионов для передачи дагестанским телевидением².

В 1980 г. Дагестан отмечал 60-летие со дня образования. Юбилею республики были посвящены многочисленные праздничные мероприятия. Состоялось торжественное заседание Дагобкома КПСС и ВС ДАССР, в котором приняли участие гости из республик, краев и областей Северного Кавказа и Закавказья. О проведении юбилейных мероприятиях было широко отмечено местными средствами массовой информации³.

Доброй традицией стали регулярно проводимые зональные художественные выставки «Советский Юг»⁴, где свое искусство демонстрировали творческие коллективы художников всех республик Северного Кавказа.

О взаимосвязях и сотрудничестве Дагестанского государственного университета им. В.И. Ленина с вузами страны, в том числе и Северного Кавказа, научно-исследовательскими институтами АН СССР можно проследить из архивных источников Фонда Дагобкома КПСС, Министерства просвещения и ряда других. В создании и укреплении материально-технической базы университета большую помощь оказало Министерство высшего и среднего специального образования СССР. В первый год функционирования университету было выделено 170 тыс. руб., в том числе

¹ См.: ЦГА РД. Ф. 1-п. Оп. 2. Д. 4450. Л. 102; Дагестанская правда. 1976. 17 ноября, 3 декабря; 1979. 19 сентября; 1980. 31 декабря; 1985. 20 октября; 1986. 17 апреля; 1990. 20 июня.

² См.: Дагестанская правда. 1970. 8 февраля; 1982. 24 июля; 1985. 16 августа; ЦГА РД. Ф. 1-п. Оп. 2. Д. 3300. Л. 44; Д. 4117. Л. 37; Д. 4907. Л. 106.

³ Дагестанская правда. 1980. 31 декабря.

⁴ См.: ЦГА РД. Ф. 1-п. Оп. 2. Д. 4405. Лл. 15 – 16; Дагестанская правда. 1984. 4 октября; 1986. 30 августа.

30 тыс. руб. поступило от Главснаба на новое учебное оборудование.

Университет осуществлял подготовку кандидатов наук для соседних республик Северного Кавказа. Так, за время с 1962 по 1977 гг. для Чечено-Ингушской АССР через аспирантуру и соискательство было подготовлено 38 кандидатов наук, Карачаево-Черкесской и Адыгейской автономным областям по 2 человека и по одному человеку для Северо-Осетинской и Калмыцкой АССР.

Во второй половине 1976 г. отделение гуманитарных наук Северокавказского научного центра высшей школы (СКНЦ ВШ) совместно с институтом истории АН СССР скоординировало в масштабе Северо-Кавказского региона научную работу историков по написанию многотомной «Истории народов Северного Кавказа с древнейших времен до наших дней».

Между научными учреждениями Северного Кавказа продолжали прослеживаться тесные взаимосвязи. О плодотворном сотрудничестве между учеными республик Северного Кавказа, о координационной работе Северокавказского научного центра высшей школы (СКНЦ ВШ) и Дагестанского филиала АН СССР также прослеживается в различных фондах Центрального государственного архива¹. В 1986 г. был принят Генеральный договор о творческом и научно-техническом содружестве между СКНЦ ВШ и Дагестанским филиалом АН СССР на 1986 – 1990 гг. Он подразумевал существенное расширение объемов совместных исследований и разработок вузовской и отраслевой науки, повышение их народнохозяйственной задачи, направленной на ускорение экономического и социального развития региона.

Установлены магистральные пути совместной работы по проблемам физики, геофизики, геологии, биологии, геохимии, экономики, генетики, истории, филологии, культуры на период до 2010 г... Ученые Дагестанского филиала АН СССР активно трудились над осуществлением плана Генерального договора.

Ввод в научный оборот источников Центрального государственного архива РД позволяет дополнить и расширить наши знания по истории взаимоотношений в области культуры между

¹ См.: ЦГА РД. Ф. 1-п. Оп. 2. Д. 5380. Лл. 42–49; Дагестанская правда. 1986. 25 сентября.

республиками Северного Кавказа и Дагестана. Они охватывают широкий и разносторонний круг вопросов по проблеме в целом и ее отдельным аспектам, которые требуют более тщательного изучения и критического анализа.

Одаев Т.Х.

ГОСУДАРСТВЕННО-КОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ: ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВАНИЯ

Политико-правовые основания государственно-конфессиональных отношений определяются взаимодействием власти и религий зафиксированные в статьях 14, 17, 19, 28, 29 и 59 Конституции Российской Федерации. Так, статья 14 утверждает, что Российская Федерация представляет собой светское государство, а потому никакая религия не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной, утверждается норма о том, что религиозные объединения отделены от государства и равны перед законом¹.

Гарантируемая государством свобода совести и свобода вероисповедания, предоставляет гражданину право исповедовать индивидуально или совместно с другими любую религию или не исповедовать никакой, свободно выбирать, иметь и распространять религиозные и иные убеждения и действовать в соответствии с ними.

В 1997 г. в России был принят Федеральный закон «О свободе совести и о религиозных объединениях» основанный на Декларации ООН о ликвидации нетерпимости, об установлении равноправия и толерантности людьми разных вероисповеданий. В Закон Российской Федерации «Об образовании» четко определяются светский характер государственных и муниципальных образовательных учреждений и органов управления образованием. Тем не менее, религиозным объединениям, юридически зарегистри-

¹ Конституция Российской Федерации. – Ростов-на-Дону, 1998. – С. 7.

стрированным в РФ, представлено право выступать в качестве учредителей негосударственного образовательного заведения.

Современное международное и российское законодательства запрещают распространение деструктивного отношения к религии, одновременно предписывают религиозным организациям или отдельным верующим терпимо относиться к инакомыслящим людям. Важно отметить, что в современном мире не может быть иного приемлемого и эффективного регулятора отношений между церковью и государством, конфессиями, религиозными объединениями и отдельными верующими, кроме как правового.

Такие отношения необходимы и для российского общества, состоящего из людей различных этносов, вероисповеданий, что характеризует его как поликонфессиональное и полиэтническое. Этническая и религиозная многоспектральность нашего общества создает неповторимый колорит Российской Федерации. Исходя из цивилизационных особенностей формирования российской религиозности и духовности, русская церковь исторически обращена к восточному православному христианству. Вместе с в России активно функционируют мусульмане, немало сделавшие для ее развития.

Сегодня очевидна необходимость консолидации всех сфер жизнедеятельности государства и религиозных конфессий, которая должна быть нацелена на сохранение традиционных ценностей всех представителей нашего государства. Также необходимо умело синтезировать традиционные национальные и религиозные особенности с основными правами и свободами в условиях глобализации.

Все россияне, независимо от этнической или религиозной принадлежности, выступают за совмещение традиционных ценностей российской цивилизации с базовыми правами и свободами, гарантируемыми демократическим законодательством. Опросы подтверждают, что большинством граждан нашего государства, будь то верующие или неверующие, негативно воспринимается не только модель советского атеизма, но также и идея оцерквления государства. Хотя и присутствует понимание объективной ценности идей любого вероисповедания.

Формирование новой модели государственно-конфессиональных отношений возможно при учете позитивного опыта, накопленного столетиями существования и взаимодействия в России православия, ислама, буддизма, иудаизма и т.д. В современной науке существуют различные подходы интерпретации государственно-конфессиональных отношений: радикально-либеральные, либеральные, консервативные, консервативно-протекционистские. Каждый из подходов по-разному определяют суть этого взаимодействия, что становится причиной формирования различных настроений и следствий этого процесса. Кроме этих внутренних движений Россия в ходе строительства гражданского общества испытывает внешнее вмешательство различных сил, направленных на ее ослабление.

Задавая определенные параметры действий обществу, вероучение ориентировано на соблюдение статуса нормативно-ценностного соответствия общечеловеческим гуманистическим ценностям. Формирование единых ценностей, являясь целью достижения государственно-конфессионального взаимодействия, объединяет человечество идеей спасения по эту и по ту сторону бытия. Религия, формируя всеобщее социокультурное единство человечества, при отсутствии должного уровня государственно-правовой политики может стать причиной локальных или глобальных катаклизмов.

Государственная власть функционирует в сфере взаимоотношений людей. Религия формирует рефлексивную культуру человека, поэтому в сфере взаимодействия внутреннего и внешнего миров, рефлексивной и социальной культуры человечества, важно правовое регулирование взаимодействия светских и духовных процессов.

В современной цивилизации наблюдаются длительные или короткие этапы социальной интеграции государственной и религиозной власти, то в современную эпоху глобализации, единой сети электронной связи, когда сказанное здесь и сейчас становится достоянием всего человечества, когда создаются надгосударственные организации, востребовано формирование проектов, объединяющих людей на уровне всеобщих связей. Эта ситуация требует введение новых структурных бюрократических единиц,

что предполагает также эволюцию в сфере правовой и духовной политики.

Духовно-нравственная трансформация российского общества, востребованная в интересах самосохранения, требует нового типа реформирования отношений государственной политики и религиозной деятельности. А в условиях актуализирующейся национальной политики в полиэтническом обществе возникает необходимость учета поликонфессионального характера российского общества. В связи с этим актуализируется проблема успешного развития светского государства, представленное защищенным религиозным и национальным многообразием.

Итак, государство, гарантируя равенство прав и свобод человека, запрещает любые формы ограничения прав граждан по любым признакам. Современное международное и российское законодательство не только запрещают распространение деструктивного отношения к религии, но и предписывают самим религиозным организациям или отдельным верующим терпимо относиться к иномыслящим людям.

Одной из важных проблем современности является трансформация общества из состояния индивидуализма и конформизма в развитое гражданское общество, в котором успешно сложились цивилизованные отношения между государством и религией. Но сам процесс формирования гражданского общества должен способствовать демократическому обновлению нашей страны, что предполагает достижения консенсуса в вопросах мировоззренческих, в первую очередь, в духовно-нравственных и социально-культурных.

Российское государство, будучи особым цивилизационным образованием, основываясь на правовой политике, обусловленной фундаментальными человеческими ценностями, на политике приоритетного партнерства в сфере государственно-конфессиональных отношений, сможет найти новое самоопределение в системе глобализирующегося мира. Основания такому взаимодействию заложены в правовой сфере российской государственной политики.

Пирова Р.Н.

ВЛИЯНИЕ ГЮЛИСТАНСКОГО МИРНОГО ДОГОВОРА НА РАЗВИТИЕ СОЦИАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ ДАГЕСТАНЦЕВ АЗЕРБАЙДЖАНЦЕВ В СОСТАВЕ РОССИИ.

Известно, что после присоединения края к России местные владетели (шамхал, уцмий, ханы, старшие князья и др.) в своей внешней политике стали подчиняться власти высшей администрации на Кавказе в лице военного командования. Каждый из дагестанских владетелей, утверждаясь на высокий пост и занимая его, обычно принимал присягу на верность российскому престолу в городах Кизляре или Дербенте. Как отмечал П.В.Гидулянов, от ханов требовалось, «во-первых, более тщательное отношение к принятым на себя по договорам обязательствам, во-вторых, ханыпринявшие русское подданство, обязаны были: 1) платить определенную дань часто естественными произведениями; 2) давать в залог верности аманатов; 3) нести различные натуральные повинности вроде выставки арб на нужды войск и прочие.[3.с.20] В залог верности дагестанские владетели обычно представляли своих аманатов в аманатный двор в Дербенте. Этим способом для сохранения верности подданству со стороны местной знати больше всех пользовался генерал Л.М.Ермолов. При нем в тюрьмах томилось и гибло немало заложников.[ч.л.2]

А.Н. Ермолов считал, что о судьбе аманата Дербентский комендант не должен «доносить государю императору», так как ему 'высочайше предоставлена «власть казнить смертью изменников России»

Такие акции применялись русским командованием на Кавказе и в отношении других владений и зависящих от них сельских обществ. Первоначально царская администрация на Кавказе занимала позицию невмешательства во внутренние дела местных феодальных правителей, хотя и не желала их чрезмерного усиления«Этой политикой невмешательства во внутреннее управление, - отмечал П.В.Гидулянов, ханы воспользовались как нельзя

лучше и в короткое время сделали свою власть над подданными совершеннобезграничной». [3.с.53]

Кавказская администрация представляла местным правителям всевозможные привилегии и щедро наградила .

Так, в «высочайшей императорской грамоте», выданной в 1799 г. кадию Табасарана Рустему, выражается высочайшее благоволение, а «за усердное служение царской империи присваивается ему чин 4-го класса с жалованьем по 1500 рублей в год». В этой грамоте Рустем-кади назван «любезноверным преданнейшим Табасаранской области владетелем». Сыну его, Абдуллабеку, был присвоен чин полковника. В 1799 г. рескриптом Павла I Шейх-Али-хану был пожалован чин 3-го класса, а позднее, в 1806 г., наиб Дербента Али-Пенах-бек был возведен «в майорский чин».[5с.123]

Царская администрация на Кавказе заботилась о чинах и жалованье не только правителей, но и их потомков. Иными словами, всевозможными знаками внимания царская администрация, разумеется, не бескорыстно, старалась укрепить власть феодалов, их экономические и политические позиции на местах. «Покровительствовать туземной аристократии, конечно, мы вынуждены для того, чтобы через влиятельных в народе лиц держать и самый народ в повиновении, - писал граф Д.Л.Милюткин графу П.И.Евдокимову в 1857 г.

Все же по инициативе той же русской власти на Кавказе в административно-политическом устройстве феодальных владений постепенно происходили определенные изменения, которые, в конечном счете привели к полной ликвидации власти крупных феодальных правителей на местах. Ограничивая права этих владетелей, царская администрация шаг за шагом укрепляла свои; позиции на местах. Это ясно изложил в своем письме, адресованном графу П.И.Евдокимову.

Царская администрация, поддерживая власть местных правителей, не желала ее чрезмерного роста. Когда кайтагский уцмий обратился к русской администрации с просьбой помочь ему оградить «свое владение от возмутителей порядка и беспорядков, происходящих якобы от родственников и других беков», а также «завладеть Сара-Башлами», командование на Кавказе встретило это неодобрительно.

В своей прокламации к «каракайтагскому народу» от 26 января 1820 г. генерал Ермолов указал, что «уцмием никто быть не может без утверждения императора, и сею достоинства не иначе достигнуть можно, как отличною верностью, большими трудами и усердною службою».

Одновременно был навсегда ликвидирован сам титул «уцмий». Одновременно с упразднением титула «уцмий» подлежали конфискации в пользу государства и все «доходы, кои принадлежали бывшему уцмию, как сродовых его имений, так и с деревень, по достоинству уцмия плативших ему - подать». Были изъяты в пользу казны и имения тех беков, которые присоединились к уцмию Адиль-хану. Многие селения, подвластные уцмию, согласно распоряжению А.Н.Ермолова в это время переходят в ведение казны, а управление к особому приставу, подчинявшемуся, в свою очередь, дербентскому коменданту [2с.65]

Еще раньше, в 1806 г., при Ших-Али-хане, изменившем царскому престолу, также был упразднен титул дербентского хана. Управление ханством, за исключением самого Дербента, было передано Мех-тингамхалу Тарковскому. По этому поводу Гудович писал шамхалу, что ему пожаловано в «непосредственное владение со всеми доходами Дербентское ханство, не менее обширное, как и ваше Тарковское владение, все милостивейше при этом утвердив вас и ханом Дербентским, столь знатное присоединение к вам селений Дербентских умножило вместе с тем, и в большом количестве, и доходы ваши»¹³. В 1815 г. за участие «в антирусской борьбе вместе с Шихали-ханом табасаранские владельцы были отстранены от власти, а управление Табасараном до 1823 г. было возложено на коменданта». В 1823 г. А.П.Ермолов в строгом тоне писал кадию Абдуразаку: «Извольте быть мне приятелем или прятаться в горах с мошенником Абдуллой». Правда, правление кадия со временем было восстановлено. С 1845 по 1851 г. Северным Табасараном управляли кадий Шахмардан и Исмаил-бек Марагинский. В 1851 г. кадием Северного Табасарана был утвержден капитан Айди-бек Рустам.

Одновременно царская администрация в Дагестане целенаправленно проводила политику переориентации на иную социальную силу сословие беков, выдвигая последних на авансцену местного управления и рассматривая их как основную для

себя опору. Лишая уцмий Адиль-хана власти, А.П.Ермолов в своей прокламаций к каракайтагскому народу подчеркивал, что «народ должен управляться беками и кевхами, как до сих пор. Беки должны иметь участие в управлении тех деревень, кои имеют они по наследству или получают от правительства в вознаграждение заслуг. Это противопоставление правителей и беков, т.е. представителей одного и того же сословия, проводилось неотступно и дало свои результаты. Только с образованием округов в Дагестане (1861-1867 гг.) беки были лишены, причем лишь частично, административной власти падраями, но, как мы увидим ниже, в полной мере сохранили свои бывшие права на феодальную ренту, а также на всевозможные штрафы.

С ликвидацией ханств в Дагестане, особенно в пореформенный период, был упразднен (частично) и институт нукеров: «Сей класс людей совершенно бесполезен и только употребляется иногда для пополнения полицейских служб при магальных наибах»

Таким как было отмечено выше политика царского правительства с конца XVIII-начала XIX в. была направлена на ограничение власти феодальных правителей Дагестана, завершился процесс ликвидации политической самостоятельности" феодальных владетелей в Дагестане и образование централизованной системы управления. В результате впервые установилась единая система административного управления, что способствовало устранению не только политической, но и экономической раздробленности Дагестана.

Вторую ступень на феодальной лестнице общества азербайджанцев Южного Дагестана после правителей занимали беки (бегги). Беки как владетелей уделов сохраняли, хотя и не всегда, определенную вассальную зависимость от правителя. Они «обязаны были беспрекословно исполнять приказания уцмий, относящиеся к воинской повинности: являлись на службу ему во время войны па копе или пешие, вместе со своими подвластными». Надо сказать, что все правители чуть ли не с рождения носили свои титулы. Как мы уже отмечали, кайтагский уцмий и табасаранский кадий наделяли членов своих домов населенными и ненаселенными землями с правом наследственного владения и управления. Что касается Дербентского ханства, то здесь, в отличие от других владений, порядок пожалования беков землей с правом передачи

по наследству, как правило, не практиковался. Титул бека был либо родовым, либо пожалованным ханом. Следовательно, беками иногда именовались и лица небесского происхождения, но назначенные ханами для управления отдельными, его землями или магалами.

Итак, в Дербентском ханстве существовало несколько видов временных и пожалованных земель, но большинство из них можно было отобрать по желанию хана.

После присоединения Дагестана к России помимо наследственных владений беки стали расширять свою недвижимость и за счет земель, пожалованных высшим начальством на Кавказе.

Более того, в этот период в Дагестане, как и на всем Кавказе, стали складываться такие ситуации, При которых беки из тиулдаров временных держателей земельных владений (условная и временная формы) относительно легко превращаются в постоянных владельцев, во владельцев с правом передачи по наследству. В таком изменении дела о собственности немаловажной была и роль царской администрации (сословно-поземельных комиссий и др.), которая проявляла нередко удивительную неосведомленность в вопросах истории земельно-правовых отношений в Дагестане.

При разборе сословных отношений много толков у высшего начальства на Кавказе вызвал вопрос о происхождении и правах беков, особенно тех, титул которым был пожалован.

Беки, получив уделы от более крупных владетелей (хана, уцмия, кадия), либо поселялись в них на постоянное жительство, либо, находясь в резиденции правителя, изредка наезжали туда, чаще всего во время сбора податей, суда над раятами и т.д. Резиденция бека, а также кадия или хана обычно называлась «капу» (ворота, вход)

В своих уделах, как мы уже отмечали, беки пользовались неограниченной властью над крестьянами: чинили суд и расправу, налагали на крестьян в свою пользу штрафы и даже «могли казнить смертью»

В Дербентском владении, в частности в самом городе Дербенте присоединения его к России и упразднения ханства существовало рабство. Основным источником рабства были междоусобные войны феодалов и их набеги на соседние области, кото-

рые сопровождались захватом людей в Л плен и имущества. Число рабов-кулов пополнялось за счет людей, обманом вывезенных из своих родных мест. Имели место и факты, когда отдельные должники, будучи tie в состоянии возратить свой долг хозяину, попадали в кабалу, в пожизненное рабство.

Рабский труд применялся в Дербенте как в ремесленном производстве и строительном деле, так и в сельском хозяйстве. Богатые горожане, главным образом купцы, держали рабов и в качестве прислуги.

С присоединением Дагестана к России и строительством здесь крепостей, контролирующих и торговые пути, работорговля в крас совершенно прекратилась!

Основную часть азербайджанского населения изучаемого района составляли феодально-зависимые крестьяне раяты (араб, «раййят», или «неджберы»)

Раяты были обязаны платить своим феодалам многочисленные нодати и нести повинности. По своему социальному положению раят мало чем отличался от крепостного крестьянина. Он также подвергался прямому внеэкономическому принуждению, судился судом феодала, хотя формально лично считался свободным.- В-частности, хан или бек не мог продать своего раята, но имел право в любое время удалить неугодного с насиженного места, переселить в другое место в пределах своего владения. Раят мог по своей воле уйти к другому владельцу, но феодал такой поступок считал незаконным и за это отбирал «все его имение, движимое и недвижимое, а потом высылает его с семейством из своей деревни»

Что касается Табасарана, то здесь, судя по данным Сословно-поземельных комиссий, раят вовсе «не мог уходить из своего селения без позволения своего бека, сам же бек никогда не выгонял-раята, по так его притеснял, если был им недоволен, что сам раят убегал, и недвижимое имение такогораята поступало в пользу бека.

В правовом положении раятов Кайтаге и Табасаране особой разницы не существовало. И там и гут ранг находился во власти своего феодального владельца и практически не имел права само-

вольно покидать своего поселения. Переселение же по воле правителя, несомненно, практиковалось, и нередко. Ханы Дербента, уцумий Кайтага и другие владельцы считали себя вправе переводить крестьян-раят туда, откуда они извлекали больше выгоды. Этим нравом они пользовались также для наказания непокорных.

Азербайджанское крестьянство в социальном отношении не представляло собой однородной массы. Оно состояло из богатых и бедных. К привилегированной прослойке относились и представители сельской администрации и духовенства. Старшины селений (кедхуда, кевха), ахунды, муллы, сеиды, ханская, бекская прислуга, нукеры и другие от феодальных налогов освобождались. Социальная дифференциация особенно усиливается с развитием капиталистических отношений в городе и деревне.

Примечание

1. АКАК т. II 1968 с. 776
2. АКАК т. VI. ч. II с. 65
3. Гидулянов, П. В. Социально-поземельный вопрос и раятская зависимость в Дагестане // Этнографическое обозрение 1901 № 1 с. 20
4. ЦТА РГ ф. 2 оп. 1 д. 9173 № 2
5. Козубский Е. Ч. История города Дербента. Темир-Хан Шура 1906 с. 123

Разаков Р. Ч.-М., Абдуразаков А. О., Разаков Ш. Р.

НАРОДЫ ДАГЕСТАНА: ПРОИСХОЖДЕНИЕ, ЯЗЫК, РАССЕЛЕНИЕ.

Издревле в Дагестане проживает большое количество народов и причем, на сравнительно маленькой территории, что позволили им не только сформировать общие культурные и исторические ценности, при сохранении индивидуальных особенностей, но и создать устойчивые традиции веротерпимости и межнационального согласия.

Согласно конституции Дагестана 14 языков народов Дагестана имеют статус государственного языка. В их число вошли аварский, даргинский, кумыкский, лезгинский, лакский, агульский, рутульский, табасаранский, татский, цахурский и чеченский языки, ногайский, русский, азербайджанский.

Коренные народы Дагестана относят кавкасионному антропологическому типу балкано-кавказской расы.

Рассматривая проблему происхождения кавкасионского типа, академик В. П. Алексеев отметил: «Теоретические споры вокруг проблемы происхождения этого типа привели к более или менее однозначному решению вопроса о его древности: он формировался автохтонно в составе местного населения центрального предгорного Кавказского хребта не позже, чем в эпоху бронзы, а может быть, и в более раннее время».

Сложная этническая пестрота и многоязычие Дагестана издавна привлекали внимание исследователей, которые предлагали подчас фантастические гипотезы, искавшие в Дагестане конгломерат остатков древних народов, но почти все они не выдержали строгой научной критики.

Наиболее живучей оказалась гипотеза о естественно-географической причине многоязычия. Ещё арабский учёный и путешественник Масуди (X в.) о территории к северу от Ширвана писал: *«Эта гора имеет долины, ущелья и проходы, в которых живут племена не знающие друг друга ввиду крутизны и недоступности гор, поднимающихся к небу, обилия лесов и зарослей, потоков, низвергающихся каскадами, огромных скал и камней»*... далее упоминаются лакзы, табасаранцы, хайдаки, сарирцы, дидо. Итак причина их разобщённости и «незнания друг друга» – это горная изоляция. Это объяснение настолько самоочевидно, что выглядит аксиомой – следовательно, не требует особых доказательств.

Взгляд этот не лишён основания. Ведь, и в самом деле, в горных странах мира часто проявляются этнокультурные и языковые различия.

Однако такое общее объяснение удовлетворяло не всех. Известный этнограф Л. И. Лавров писал: «Из 44 языков Кавказа 29 приходится на Дагестан... а 15 – на всю остальную территорию Кавказа, где тоже ведь есть и крутые и недоступные горы, и по-

токи с водопадами, и все другие признаки горной изоляции. Так в них ли только дело?»

Так или иначе, сегодня на территории Дагестана проживают народы, которые говорят на языках относящихся к четырём основным языковым группам.

К нахско-дагестанской группе северокавказской языковой семьи относятся языки следующих народов :

Аварцы (авар. маġарулал – горец) – самый многочисленный из коренных народов современного Дагестана.

Аварцы в большинстве своем компактно проживают в горной части территории Дагестана (в бассейнах рек Аварского Койсу, Андийского Койсу и Кара-Койсу, а также в некоторых низменных районах, частности Кизлярском, Хасавюртовском, Кизилюртовском и др. районах).

Издrevле Аварцы проживают на территории современного Азербайджана (Белоканском и Закатальском районах), где их численность по переписи 1999 года составляла 50.9 тысяч человек.

Значительная по численности диаспора аварцев проживает на территории Турции, по некоторым подсчетам их количество достигло свыше 53 тыс.чел. Небольшие островки потомков аварцев зафиксированы также в Сирии и Иордании. Общая численность согласно переписи 2010 года – 912 тыс. чел.

Андо-цезские народы Дагестана. Первые свидетельства о племенах на северных склонах Главного Кавказского хребта относятся к первым векам нашей эры. Племена андо-цезов были известны античным авторам под общим названием «дидуры» (от груз. «большой», «огромный»). В арабских и грузинских средневековых источниках народы западного Дагестана, в том числе, известны также под общим названием дудания, дидо, дидоэти.

а) Андийские народы.

Андийцы (андии, самоназвание андал, гванал) – этноним по крупному аулу Анди (Ботлихский район).

Андийцы говорят верхнеандийском и нижнеандийском диалекте андийского языка. Исторически андийцы проживают на южных отрогах Андийского хребта вдоль левых притоков Андийского Койсу. Живут в селах Чанко, Анди, Кванхидатли, Гунха, Ашали, Гагатли, Зило, Муни, Ортоколо, Рушуха, Джугут и а

также в селах Риквани Ботлихского района, в селе Новогагатли Хасавюртовского района и посёлке Андийский г. Хасавюрт.

Ахвахцы (самоназвание ашвадо) – традиционное место обитания северо-западная часть Дагестана: в сёлах Кудиябросо, Цвакилколо, Изано, Кванкери, Тадмагитль, Лологанитль Ахвахского района и в Шамильском районе селах Тлянуб, Цекоб, Ратлуб. Много ахвахцев-переселенцев проживает в Кизилюртовском, Хасавюртовском, Бабаюртовском и Кизлярском районах.

Около 2 тысяч ахвахцев проживает в селе Охах Закатальского района в Азербайджане.

Каратинцы – говорят на каратинском языке. Живут в Ахвахском районе в сёлах Карата, Анчих, Арчо, Верхнее Инхело, Маштада, Рацитль, Рачабулда. В Ботлихском районе в селе Нижнее Инхело. В Хасавюртовском районе в сёлах Сивух, Кирпичкутан.

Тиндинцы (тиндалы, идери, идарии, идарал). Хотя обычно считается, что в этом языке нет диалектов, некоторые лингвисты всё же выделяют два диалекта: собственно тиндинский и ангидинско-акнадский. Преимущественно проживают на территории Цумадинского района, в селах Тинди, Эчеда, Ангида, Тисси, и др., а также на территории Кизилюртовского района в селах Акнада и Ангида.

Багулалы (багвалалы, багвалин(ы) (богатыри). Живут в Западном Дагестане в селах Цумадинского района Хуштада, Чало, Талитель, Тленхори, Тлондода, Кванода, Гимерсо, в селах Ахвахского района Тлибишо, Тлисси и частично в селах Хасавюртовского района Кокрек и Муцалаул.

Чамалалы или чамалинцы (от слова члама – сушеный абрикос). Чамалинцы говорят на двух диалектах: гакваринском и гигатлинском исходящих из названия населенных пунктов. Компактно чамалинцы проживают в Цумадинском районе в селах Гигатли, Нижнее Гавкари Агвали, Цумада, Гадири, в селе Кенхи Чеченской Республики, а также на прикаспийской низменности в селах Цветковка и Ясная Поляна Кизлярского района,.

Годоберинцы (годоб. гьибдиди)- население Западного Дагестана, проживают в селах Верхний и Нижний Годобери, Зибирхали и Беледи Ботлихского района и в селении Теречное Хасавюртовского района.

Ботлихцы (буйхади) – население Западного Дагестана. Большинство проживает в сёлах Ботлих, Миарсо, Анхо и Ашино Ботлихского района и в селении Батлахатли Цумадинского района.

б) Цезские народы

Дидойцы (дидои, дидо) или цезы (самоназвание *ცუნტალ* (цунтинцы) – орлы) – проживают в Цунтинском районе. В сочинениях античных авторов Плиния Старшего (I век) и Клавдия Птолемея (II век) дидойцы (дидури) упоминаются как племя на Кавказе. Около тысячи человек проживают на территории Грузии.

Бежтинцы (капучинцы, самоназвание бежта, Хуанал (хъванал от слова хъвани – конь, лошадь, т.е. коневоды) – проживают в сёлах Бежта, Хашархота, Тлядал и окружающих их хуторах Бежтинского участка. Часть бежтинцев проживает в Грузии, другая часть переселилась в Бабаюртовский район (селения Качалай, Караузек, 40 лет Октября, Ахайотар, Ачичунгур и Каратюбе) и Кизлярский район (селения Заречное, Рыбалка, Вперед).

Гунзибцы (гъунзаль, хунзалис, энзеби, унзо) – в основном проживают в Цунтинском районе в сёлах Гунзиб, Нахада, Гарбутль, Гьело, Родор, Тодор, Нов.Нахада, Нов.Гарбутль и частично в селении Стальское в Кизилюртовском районе. Также живут в Грузии (0,35 тыс.).

Гинухцы – проживают в селении Гинух Цунтинского района и в селе Монастырское Кизлярского района.

Хваршины (акъилько, атлилько) – проживают в сёлах Хварши, Хонох, Верхнее и Нижнее Инхоквари, Сантлада, Квантлада, Цумадинского района и в сёлах Первомайское и Октябрьское Хасавюртовского района.

Закавказские аварцы – термином «закавказские аварцы» обозначаются обитатели территории бывшего Закатальского округа Российской империи, которые числятся аварцами и говорят на аварском языке, а также те, которые, являясь потомками аварцев, хотя и лишились ныне языка предков, но сами себя продолжают считать аварцами.

В VI-VIII вв. территория Закатальского округа входила в состав государства Сарир. В конце IX – X вв. земли закавказских аварцев входят в состав княжества Кахетия, которое, в свою оче-

редь, оказалось в XII в. включенным в состав единого Грузинского царства.

Возрождение государственности на территории Закатальского округа произошло во 2-й половине XIII в. Речь идет о крошечном по территории мусульманском государстве, занимавшем верхнюю часть Джарского ущелья и прилегающие земли, покрытые густыми лесами.

Арчинцы (аршиштиб, авар. рочисел, лакск. арчи). Арчинцы уникальный в некотором роде народ, так как по языку они относятся к лезгинской ветви, но по статистическим переписям причисляются к аварцам, так как, проживая рядом с аварцами, Арчинцы видят себя в культурном отношении очень близкими к аварцам.

Живут в бассейне реки Хатар, в селах Арчиб, Алчинуб, Кубатль, Хилих, Кесериб, Хитаб, Калиб Чародинского района.

Даргинцы – второй по численности дагестанский этнос. В народном представлении самоназвание даргинцев связано с словом «дарк» – нутро, внутренность. Даргинцы понятие «Дарго» понимают как «родину даргинцев», а «дарган» как самоназвание как даргинского народа. По этому поводу П. К. Услар замечает, что слово «Дарго» (Даргва) не есть лингвистическое понятие (т. е. не относится к языку). Это общее название для нескольких бывших округов, которое, «быть может, происходит от «дарг» – внутренность, в противоположность внешнему: «либилла Даргва» – «все Дарго».

Значительная часть даргинцев традиционно проживают на территории Внутреннего Дагестана. На территории Акушинского, Дахадаевского, Кайтагского, Левашинского и Сергокалинского района даргинцы составляют от 75 до 100 % населения. Значительная доля даргинцев составляет в Карабудахкентском и Каякентском районе.

Даргинцы проживают также и в Турции и в Сирии.

Как и другие языки народов Дагестана даргинский язык имеет множество диалектов: акушинский, кайтагский, цудахарский, кубачинский, урахинский, чирагский и т.д.

Общая численность согласно переписи 2010 года – 589 тыс.

Кайта́гцы (кайтаги, хайдакцы; самоназвание – хайдакъан, хайдакъанти) – этническая группа даргинцев, иногда рассматриваются как самостоятельный народ.

Живут в основном в предгорьях на юге и в центре Кайтагского района Дагестана, часть на равнине и в городах. Численность свыше 20 тыс. чел.

Кубачинцы (самоназв – арбукан) – особый субэтнос даргинцев. В истории кубачинцы (турец. «кольчужники») известны с XI в, как зирихгераны с VI века (перс. «панциродельцы»). На чамалинском языке слово «куба» переводится, как металл или железо, «чи» – человек.

Живут на территории Дахадаевского района в селах Кубачи, Сулевкент и др. (численность более 7 тыс., чел., оценка).

Лезгины (самоназвание: лезги) – входят в число коренных народов, которые традиционно проживают в южной части Дагестана и на северо-востоке Республики Азербайджан.

Значительная часть лезгины проживают на территории Ахтынского, Дербентского, Докузпаринского, Курахского, Магарамкентского, Сулейман-Стальского, Хивского районах, и на низменности на территории Хасавюртовского района. Издревле лезгины проживают на территории Хачмасского, Кусарского, Кубинского, Кабалинского, Огузского, Исмаиллинского, Шекинского и Кахского района Азербайджана. Согласно различных экспертных оценок численность лезгин в Азербайджане составляет (250 тыс. чел.).

Лезгин разделяют на три основных наречия: кюринское, самурское и кубинское. Выделяют так же самостоятельные говоры: курушский, гилиярский, фийский и гелхенский. Общая численность лезгин согласно переписи 2010 года составляет 473 тыс.

Удины (самоназвание уди, ути) – относится к одному из древнейших народов Дагестана упоминаемых Геродотом в своем труде «История» (V в.до н. э.)..

Первые упоминания об удилах дошли до нас в связи их участием в Марафонской битве (греко-персидская война, 490 г.до н. э.), автор указывает так же на то, что солдаты утиев воевали в составе персидской армии.

Удинский язык относится к лезгинской подгруппе языков Дагестана и делится на диалекты : ниджский и огузский (варташенский).

Удинский язык как многие языки народов Дагестана используется только в быту. Официальным языком для удин, является язык той страны, в которой они проживают.

В настоящее время единственным местом компактного проживания являются сёла Нидж и Огуз (Варташен) в Азербайджане и село Зинобиани (переселенцы из Варташена в 1922 году) в Грузии.

Сегодня удины, проживающие на канонической территории Армянской церкви (в Армении и Нагорном Карабахе), являются верующими ААЦ. Удины Азербайджана, где по политическим причинам невозможна деятельность Армянской церкви, перешли под начало Русской православной церкви, имеющей в Азербайджане свою епархию.

Общая численность – около 10 000 человек.

Лакцы (лаки), самоназвание лаккучу. Согласно сведениям грузинских авторов лакцов именовали (леки), а греко-латинские авторы - леги и гелы.

Лакский язык имеет диалекты: кумухский, вицхинский, шаднинский, вихлинский, аракульский, бартхинский (балхарский), вачи-кулинский.

Лакцы исторически проживают традиционно проживают на территории центральной части Горного Дагестана в Лакском и Кулинском районах, а также в селах Балхар, Уллучара, Цуликана, Аракул, Шадни, Шалиб, Советское, Верхний Катрух и в Новолакском районе. Общая численность согласно переписи 2010 года – 178 тыс.

Табасараны или табасаранцы (самоназвание – табасаран).

Табасаранский язык относится к одному из самых сложных языков в мире и занесён в книгу рекордов Гиннеса, по сложности стоит после языков североамериканских индейцев.

В современном табасаранском языке существует три диалекта: нитрихский, сувакский, галинский (этегский), каждый из которых объединяет группу говоров. Исторически проживают в Табасаранском, Хивском, Дербентском районах и в г.Дербенте. Общая численность согласно переписи 2010 года – 146 тыс.

Чеченцы (самоназвание – нóхчо) – вайнахский народ, основное население Чечни. В Армянской географии VII в. чеченцы упоминаются как племя нахчаматьянов. Говорят на одном из нахских языков.

Территория расселения ченцев в Дагестане (Хасавюртовский, Новолакский, Казбековский, Бабаюртовский и Кизилюртовский районы).

Проблема происхождения и наиболее раннего этапа истории чеченцев остаётся окончательно не выясненной и дискуссионной. Не исключено массовое передвижение протовайнахских племён из Закавказья на север Кавказа, но время, причины и обстоятельства этой миграции, признаваемой рядом учёных, остаются на уровне предположений и гипотез.

Общая численность согласно переписи 2010 года – 1431 тыс.

Аккíнцы (ауховцы, самоназвание – (аьккхий) – этническая группа чеченцев. Говорят на аккинском диалекте Чеченского языка.

Относительно происхождения аккинцев известный историк и этнограф Умалат Лаудаев пишет: «Ауховцы получили название - аьккхий от того, что, проживая ранее в Аргунском округе, составляли тейп из аккинской фамилии. Скудные земли, принадлежащие этому тейпу, заставили половину этой фамилии переселиться в Аух. Сами же они для себя, как и для чеченцев, удержали название первобытной фамилии Аккий, то есть выходцев из Акки.»

Первые письменные источники свидетельствуют об аккинцах, (ауховцах) – обитателях Терско-Сулакского междуречья – с начала нашей эры. Так, известный древнеримский историк и государственный деятель Плиний Старший в книге «Естественной истории» в числе других северокавказских племен называет и «аккисов», твердо сопоставляемых исследователями с современными аккинцами.

Проживают в Новолакском, Хасавюртовском, Бабаюртовском и Казбековском районах республики. Согласно материалам переписи 2009 года, в Дагестане зафиксировано 115 тысяч чеченцев.

Рутульцы (самоназвание – мыхIабыр). Этноним «рутулы» связан с наименованием наиболее многочисленного селения –

Рутул, самоназвание *мыхIад*, а язык рутулов – *махIабишды чIел*. До сих пор остаётся невыясненным вопрос происхождения самого термина «рутул», которое на языке рутулов называется *мыхIад*.

Упоминание о рутулах встречается в поэме Клавдия Рутилия Намациана «О возвращении своем из Рима в Галлию», где можно прочесть такие слова: «...И, как Вергилий поэт, правнук Рутульских царей». Сам Рутилий являлся сыном рутульского царя Волуза.

Рутульский язык имеет диалекты: рутульский, лучекский, шиназско-мюхрекский, ихрекский, борчинско-хновский.

Проживают в Рутульском, Денрбентском, Бабаюртовском и Кизлярском районах, а также северо-восточном Азербайджане (Шекинский район) 24,3 тыс. (0,9 %, 2002 г.) Общая численность согласно переписи 2010 года – 35 тыс.

Агулы (агульцы, самоназвание *агъулар*). Различают диалекты: тпигский (собственно агульский), керенский (ричинский), кошанский (кушанский), буркиханский (гекхюнский) и фитинский (представлен в одном ауле). Проживают в Агульском, Курахском и Дербентском районах. Общая численность согласно переписи 2010 года – 34 тыс.

Цахуры (самоназвание – *йыхъбы, цIаIхбы*) – коренной народ Дагестана, проживающий на юге Дагестана и северо-западе Азербайджана. Название народа происходит от селения Цахур в Дагестане.

Язык делится на 3 диалекта: цахурско-сувагильский, гельмецко-курдульский и сапучинский (сабунджинский).

Проживают в Рутульском районе Дагестана, в Закатальском (Загаталском) и Кахском (Гахском) районах Азербайджана.

Общая численность согласно переписи 2010 года – 12 тыс.

Шахдагские народы – относятся к лезгинской группе нахско-дагестанской языковой семьи. В нее входят 5 народа: хыналыгцы, будухи, джекцы, гапутлинцы и крызы – жители горных селений Будуг, Крыз и Хыналыг в Азербайджане.

На языках относящихся к тюркской группе алтайской языковой семьи в Дагестане говорят:

Кумыки (самоназвание: Къумукълар) один из народов Дагестана. Кумыкский язык, принадлежит к кыпчакской группе тюркских языков.

Среди диалектов кумыкского языка выделяются кайтагский, буйнакский и хасавюртовский, причём два последних легли в основу литературного кумыкского языка.

По проблеме происхождения кумыков среди ученых нет единства: одни считают, что Прикаспийскую низменность издревле населяли тюркские племена, такие как кангары, камы, кимаки, кумуки, агачеры. Вероятно, среди них были и предки кумыков.

По мнению других, кумыки стали тюрками не сразу. Со второй половины II века, особенно с конца IV века н.э., тюркоязычные племена, начали проникать в пределы степного и частично предгорных районов. Естественно, местные племена имели политические и экономические связи с тюркоязычными пришельцами. Эти контакты, в конце концов, привели к тому, что межплеменным языком стал тюркский.

Во II-IV вв. н.э. происходит этническая концентрация предков кумыков – различных тюркских племен на землях севернее Дербента, и их взаимодействие с ираноязычным и кавказоязычным населением.

Этот период, пользуясь терминологией Л.Н.Гумилева, можно назвать инкубационным периодом, в течение которого происходило формирование протокумыкского этноса как новой этносоциальной системы.

Традиционно кумыки проживают на прикаспийской низменности и предгорных районах Дагестана. Компактно проживают также в Северной Осетии (Моздокский район – сс. Кизляр и Предгорное) и Чечне – сс. Виноградное (Бамматюрт) и Брагуны (Борагъанюрт). Общая численность согласно переписи 2010 года – 505 тыс.

Азербайджанцы (азерб. *azərbaycanlılar*) – тюркоязычный народ.

Азербайджанский язык, относится к огузской ветви тюркских языков при этом в нем наблюдается значительное влияние арабского и персидского языков.

Известный дагестанский учёный С.Ш. Гаджиева пишет, что «азербайджанцы, как народ, сложились в результате длительного исторического развития, постепенной консолидации местных древних племён (албанцев, удинов, каспиев, талышей и др.) с пришлыми в разные периоды тюрко-язычными племенами – гуннами, огузами, кыпчаками и т.д.»

Азербайджанцы помимо Азербайджана составляют значительную часть населения северо-западного Ирана. Компактно азербайджанцы проживают и на территории Дагестана, Грузии и Турции. Общая численность в Дагестане согласно переписи 2010 года – 130 тыс.

Ногайцы (самоназвание ногъай) – тюркоязычный народ. Говорят на ногайском языке, который относится к кыпчакской группе (кыпчакско-ногайской подгруппе) тюркских языков.

Ногайцы потомки Ногайской Орды (Мангытский юрт) – кочевого государства, образовавшегося в результате распада Золотой Орды под ударами армии Тамерлана (1391). Её основная территория находилась в степях между Волгой и Уралом (Яиком), а политический центр – в районе Сарайчика (на реке Урал). После распада Ногайской Орды часть ногайцев перекочевала в Османскую империю, часть вошла в состав Российского царства, часть откочевала в Казахское ханство.

В настоящее время ногайцы проживают в основном на Северном Кавказе – в Дагестане (Ногайский, Тарумовский, Кизлярский и Бабаюртовский районы, а также посёлок Сулак в составе городского округа Махачкала), Ставропольском крае (Нефтекумский район), Карачаево-Черкесии (Ногайский район) и Чечне (север Шелковского района) – а также в Астраханской области. Ногайцы проживают также в Турции и Румынии.

Общая численность согласно переписи 2010 года – 103 тыс.

На языках славянской группы индоевропейской языковой семьи в Дагестане говорят:

Русские (включая терских казаков) – восточнославянский народ.

Разговаривают на русском языке восточной подгруппы славянской группы индоевропейской языковой семьи.

Производное от «русь». Существует несколько версий происхождения этого этнонима. Согласно Г. Вернадскому, термин

«русь» является заимствованным из аланского языка VIII века, где «рухс» обозначает «светлый» (например, «рухс-аланы», они же «роксоланы»).

Большинство русских проживает в России. Русские также составляют значительную долю населения Украины, Белоруссии, Казахстана, Узбекистана, Латвии, Киргизии, Эстонии, Литвы, Молдавии, Приднестровья, Туркменистана.

В Дагестане русские проживают в Тарумовском и Кизлярском районе, а также в городах.

Общая численность в Дагестане согласно переписи 2010 года – 104 тысяч.

В Дагестане проживают также и народы говорящие на языках иранской группы: горские евреи (таты-иудаисты) и Таты .

Таты – этноним «тат» (варианты названий – кавказские персы, закавказские персы) имеет тюркское происхождение.

В качестве самоназвания термин «тат», «тати» используется большинством татского населения Южного Дагестана и Азербайджана .

Говорят на татский язык наряду с фарси, относится к юго-западной группе иранских языков.

Появление персов в Закавказье связывают с экспансией Ахеменидов (558-330 г. до н. э.).

Численность всего: 20 тыс. чел. В России проживает 1500 (2010), из них в Дагестане 430 чел, в Азербайджане -10 922.

Верующие – мусульмане-шииты, незначительное количество суннитов.

Горские евреи (таты-иудаисты (самоназвание – жугьур [джуһур])- субэтническая группа евреев Восточного Кавказа.

Говорят на диалектах татского языка иранской ветви индоевропейской семьи (в совокупности называемых также еврейско-иранским языком).

О происхождении татов-иудаистов сложилась версия, согласно которой следует несколько выводов:

1) предки татов-иудаистов имеют израильянское происхождение;

2) первоначально татский язык не являлся их родным языком;

3) они были переселены на Кавказ из Ирана, как гонимые иноверцы и пришли в Дагестан иудеями;

В середине XIX века горские евреи поселяются за пределами первоначальной этнической территории: Буйнакске, Махачкале, Андрей-ауле и Хасавюрте.

В России проживает более 20 тыс. чел. (2006, оценка), в том числе в Москве – 10 тыс. чел., в районе Кавказских Минеральных Вод (Пятигорск) – 7 тыс. чел., в Дагестане – ок. 10 тыс. чел.

Рашитханова С.Т.

ГЮЛИСТАНСКИЙ МИРНЫЙ ДОГОВОР 1813Г

Одним из событий к которому будет привлечено внимание историков в 2013 году, является подписание 12 октября 1813 года Гюлистанского мирного договора между Россией и Ираном. Актуальным обращение к этой теме представляется и потому, череда войн (1804-1813гг. с Ираном, 1806-1812гг. с Турцией, 1806-1809гг. со Швецией, 1812г с Францией) на Россию обрушивается одномоментно. Войны и мирные договоры принадлежат к основным вехам внешней политики любой страны, они составляют основной костяк международных отношений, по которому можно легко восстанавливать, соотносить общий ход событий и конкретные внешнеполитические акции, становятся понятными, объяснимыми и мотивированными только в связи с этими основными вехами. Изучение истории внешней политики и международных связей нашей страны имеет важное значение для понимания всей истории нашего Отечества, для правильной оценки особенностей исторического развития России и её места в мире. Иммануил Кант понимал историю, как «путь человечества» к созданию государственных форм. Дипломатия в подлинном смысле появляется с развитием государства. История войн и мирных договоров наглядно показывает, что Россия к 1813 году выработала разнообразные формы дипломатической практики при заклю-

чении международно-правовых соглашений: договоров о мире, перемирии, разделе территорий, установлении границ, об их демаркации, о государственном размежевании, а также о контрибуциях, данях и иных видах возмещений за ущерб, нанесенный войнами. [8.с.14]

Историк, обладающий гражданской позицией, в каком регионе бы он не жил, какую бы тему ни изучал, должен стремиться уяснить, что хорошо и что плохо для России с точки зрения государственного развития. Что история отвергала и что она подтверждала? Какие закономерности исторического порядка в государственном развитии шли на пользу всей стране и народам её населявшим, и какие мешали или тормозили историческое развитие? Что вело к ухудшению её внешнеполитического положения и обострению противоречий внутри неё-между слагающими её нациями и народностями, региональными частями государства?

Народы Северного Кавказа были связаны с Россией и русским народом многовековыми узами, уходящими в древность, в средние века. На протяжении столетий они поддерживали с Россией торговые, культурные и политические отношения. В условиях постоянных нападений извне, политической раздробленности, феодальных и племенных междоусобий народы и владельцы Северного Кавказа вынуждены были искать защиты и покровительства, что содействовало развитию их внешних связей с Россией.

В XVI – XVIII вв. у народов Северного Кавказа- адыгов, кабардинцев и осетин, а также народов Дагестана, Чечни и Ингушетии - усиливалась ориентация на Россию, шел сложный и продолжительный процесс добровольного вхождения их в состав Российского государства. Правительство России заботилось прежде всего об упрочении безопасности и мощи своего государства, распространении политического влияния России на новые территории. При этом Россия не угрожала народам Северного Кавказа ни грабежами, ни угоном людей в рабство, ни опустошениями. Она не стремилась также подчинить эти народы своему непосредственному управлению и своим порядкам. Но в то же время Россия могла оказывать реальную помощь и поддержку против посягательств со сто-

роны шахского Ирана, Османской империи и Крымского ханства. На этой почве между народами Северного Кавказа и Российским государством складывалась известная близость, общность интересов, так как связи с Россией отвечали и стремлениям северокавказских народов к большей безопасности от нападений извне.[7.с.10]

В 1557 г. первыми добровольно вошли в состав России кабардинцы и другие адыгские народы. В 1588 г. российское подданство добровольно приняли перешедшие р. Терек из Чечни и Ингушетии окочане. С конца XVIв. Началось добровольное вхождение в состав России горских обществ Дагестана. Часть обществ приняла российское подданство уже к 1614г., а к 1635г. этот процесс охватил все дагестанские ханства Каспийского побережья. Ориентация ханств нередко оказывалась шаткой, непостоянной и менялась в зависимости от хода войн между Ираном и Россией. Но тем не

менее ханы все чаще обращались к России за подтверждением своих ти-тулов и прав. Особенно это проявилось во время походов Петра I против Ирана. Даже после Генджинского договора 1735г. с Ираном, по условиям которого граница России была снова на время отодвинута с юга на Терек, российское правительство продолжало поддерживать дагестанские ханства, препятствовало проходу через них османских войск в Восточное Закавказье; в результате Дагестан фактически не подчинялся Ирану.[9.с.9]

Кавказ всегда представлял собой место столкновения интересов и ожесточенной борьбы англосаксонских государств (с конца XVIII в.- Великобритания, с середины XX в.- США).

В конце 18- начале 19 веков две европейские страны противостояли друг другу. Франция «Великая империя», численность населения которой к 1811году достигла 44 млн. человек и Великобритания - владычица огромных колониальных территорий во всех частях света. Ост-Индская торговая компания вела не только торговые дела, но и через аппарат управления руководила захваченными индийскими территориями (Бенгалией, Бомбеем, Мадрасом). Силой французского оружия перекраивалась карта Европы: тысячелетняя Венецианская республика: исчезла; Голландия и Испания очутились в зависимости от Француз-

ской республики; наконец, Бонапарт ринулся на Ближний Восток, зону непосредственных интересов Британии. С конца XVIII в. усилилась колониальная экспансия Англии и Франции и их вмешательство в дела Ирана. В 1796 г в Тегеран прибыли французские представители, пытавшиеся спровоцировать шаха на войну с Россией. Англичане в 1800г. прислали из Индии своего представителя Малькольма, он в 1801г. заключил с шахом политический и торговый договор, согласно которому шах обязывался не допускать французов в Иран. Англичанам договор предоставлял льготы в области торговли. За это англичане обещали снабжать шаха оружием в случае войны. Договор этот был направлен также и против России. Иранский шах в то время считал Россию главным препятствием на пути порабощения народов Закавказья и потому искал союзников против неё.

24(12) сентября 1801г. Александр I подписал манифест о присоединении Грузии и постановление о введении в ней внутреннего управления. Российская империя в 19в. была многонациональной страной, в административном отношении европейская часть России была разделена на 47 губерний и 5 областей (Астраханская, Таврическая, Кавказская, земли Войска Донского и Войска Черноморского). Основными внешнеполитическими задачами в первой половине XIXв. была защита границ Российской империи и расширение её территории в соответствии с геополитическими, военно-стратегическими и экономическими интересами страны. В этот период продолжается добровольное присоединение или насильственное вхождение народов Северного Кавказа в состав России. В Дагестане в этот период политически раздробленные и разобщенные 10 феодальных владений и свыше 60 союзов сельских обществ не могли объединиться для своей защиты от шахского Ирана. Александр I в рескрипте на имя Кнорринга К. Ф.- главнокомандующего войсками на Кавказе, предписывал всем тем, кто хотел покровительства установить союз и дружеское согласие. Давалось повеление собрать этих владельцев на съезд, объяснить им вред междоусобий и объединить их для защиты от Ирана. В сентябре 1802 г. почти все владельцы Северо-Восточного Кавказа собрались на съезде в крепости Георги-

евск, где 26 декабря 1802 г. был подписан общий договор Таким образом, мы изучив текст Гюлистанского мирного договора 1813 года, выяснили какими внешнеполитическими причинами он был обусловлен, время и условия подписания, смогли ощутить дух эпохи.

Распад СССР вызвал образование новой исторической, историко-географической и этногосударственной ситуации на Кавказе. Грузия, Армения, Азербайджан, Дагестан – национальные окраинные районы. Соотношение сил России, Турции, Ирана, их военно-экономического потенциала менялось и кавказские государства на протяжении веков входили то в состав России, то в состав её противников на юге. Но общая тенденция была такова, что эти районы тяготели все более и более к России, пока в течение 19 и 20 веков они окончательно не вошли в её состав.

Правящие круги малых стран по периметру границ России прямо-таки «продавали» свои страны тому, кто предоставлял более выгодные условия, научились в течение веков «выторговывать» себе, своим странам известные привилегии.

В документе перечислены «высокостепенные ханы и горские владельцы» «подданство, высокое покровительство и защиту» принявшие. Статья 3 содержала предписание «защищать друг друга» в случае неприяженного нападения Персии, «составляя как бы единое тело и один народ».

На европейском континенте Россия играет важную роль, внешняя политика характеризуется как лавирование между интересами Англии и Франции. Александр I восстановил разорванные Павлом I отношения с Англией, одновременно с этим проводил политику «умиротворения» Наполеона. Однако агрессивные действия Франции на европейском континенте привели к сближению России и Англии, а затем к созданию антифранцузской коалиции (Австрия и Россия при поддержке Англии).

Российскому присутствию на Кавказе активно противился Иран, которого в его борьбе поддерживали Франция и Англия. Оба эти государства стремились не допустить усиления России на Востоке.

Противостояние России, Ирана и Турции на Кавказе вылилось в русско-иранскую войну 1804-1812гг. и русско-турецкую войну 1806-1812 годов.

Англия, союзница России (1805г.) в антинаполеоновской коалиции, не оказала помощи шаху, чем воспользовался Наполеон, пославший в Тегеран в 1806 г. свою миссию с предложением военного союза против России и Англии. Занятие русскими войсками в 1806 году Дербента, Баку, Мугани и других районов подтолкнули шаха на принятие этого предложения.

Русско-турецкая война 1806-1812 гг. была начата Турцией с целью возврата бывших владений в Северном Причерноморье и на Кавказе, а также с ростом влияния России на Балканах. После успехов Наполеона в Европе и особенно победа под Аустерлицем (1805) Порты все больше стала подпадать под влияние французской дипломатии. Посланник Бонапарта Себастиани, обещал помочь туркам вернуть себе Крым, Селим III вступил в войну с Россией. Таким образом русским войскам в Закавказье пришлось вести борьбу на два фронта. Несмотря на это русские к ноябрю 1806 г. одержали ряд побед над войсками Ирана и Турции. Русские войска в Закавказье насчитывали не более 20 тыс. чел. Но европейской выучкой, дисциплиной и организацией, боевыми порядками и тактикой ружейным и артиллерийским огнем русские превосходили шахскую конницу.

В 1807г. Иран и Турция заключили соглашение о совместном выступлении против русских войск на Кавказе. Представители шаха и султана обратились к правителям Дагестана о совместных выступлениях против России. Иран и Турция засылали своих агентов. Но воззвания шаха и султана, их усилия, направленные против России, среди владетелей Дагестана успеха не имели.

Обстановка на Кавказе, в том числе в Дагестане, складывалась не в пользу Ирана и Турции.

Население Кавказа, где шла война, враждебно относилось к шаху и его войскам и скорее готово было признать власть России, чем подвергаться грабежам и насилиям со стороны шахских властей и войск. Дагестанские горцы во время войны

неоднократно восставали против иранских завоевателей, отстаивая свою независимость.

Гюлистанский мирный договор 1813года с её южным соседом Персией-последовательно закрепил территориальные изменения, касающиеся окраинных национальных районов по периметру южных границ империи.

Гюлистанский мирный договор между Россией и Ираном. 12 октября 1813 г.[3.с.306]. От имени Всероссийской империи уполномочен подписать соглашение генерал-лейтенант, главнокомандующий войсками в Грузии и на Кавказской линии, отмеченный многими орденами и золотой шпагой с надписью «За храбрость» Николай Ртищев. Персидское государство представлял Мирза-Абдул –Хассан-хан, советник, он имел «от своего государя отличную милость, состоящую в кинжале и сабле, бриллиантами украшенных, в шалевом платье и лошадином уборе, осыпанном бриллиантами»[3.с.307]. Трактат состоял из 11 статей. Устанавливались мир, дружба и доброе согласие. Было сделано верное и подробное описание земель, деревень и ущелий, рек, гор, озер и урочищ, которые находились в действительной власти каждой стороны. В собственность Российской империи перешли ханства Карабагское и Ганжинское, Шекинское, Ширванское, Дербентское, Кубинское, Бакинское и Талышенское, весь Дагестан, Грузия, Имеретия, Гурия, Мингрелия и Абхазия, все владения и земли, находящиеся между Кавказской линией «с прикосновенными к сей последней и к Каспийскому морю землями и народами» [3.с.307]. Статья 5 содержит право купеческих и военных судов России плавать, причем ни одна другая держава не может иметь на Каспийском море военного флага. Статьи 8-10 касаются торговых отношений Персии и России, пошлин взимаемых с товаров. Таким образом, Гюлистанский мирный договор юридически оформил состоявшееся до этого вхождение Дагестана в состав России. Гюлистанский мирный договор- важный исторический документ для России, Кавказа, Дагестана. Граница на юге страны была очерчена, обеспечивалась внешняя безопасность. Все народы Кавказа могли ориентироваться на путь выхода из экономического и политического застоя.

После подписания мирного договора Россия оставалась единственной державой господствовавшей на его территории. Ни Персия, ни Турция не могли вмешиваться во внутренние дела Кавказа, не затрагивая при этом «жизненных» интересов России.

Внешнюю политику и дипломатию капиталистических стран определял колониализм. Главным средством колониальной экспансии было открытое насилие – завоевание, а дипломатия, особенно заключение неравноправных договоров, служила дополнительным орудием закабаления государств Востока. На Ближнем Востоке дипломатическая борьба отражала столкновение колониальных интересов Англии, Франции и царской России.

Внешняя политика и дипломатия феодальных монархий Востока отвечала интересам господствующих династий. В её задачи входило в известных пределах сопротивление иностранным колонизаторам и использование противоречий между колонизаторами. Характерными чертами дипломатии ряда государств Востока были: тенденции к проведению политики замкнутости, неразвитость форм и обычаев дипломатических отношений между суверенными государствами и постоянного дипломатического представительства[6.с.380]

Таким образом, мы изучив текст Гюлистанского мирного договора 1813 года, выяснили какими внешнеполитическими причинами он был обусловлен, время и условия подписания, смогли ощутить дух эпохи.

Распад СССР вызвал образование новой исторической, историко-географической и этногосударственной ситуации на Кавказе. Грузия, Армения, Азербайджан, Дагестан – национальные окраинные районы. Соотношение сил России, Турции, Ирана, их военно-экономического потенциала менялось и кавказские государства на протяжении веков входили то в состав России, то в состав её противников на юге. Но общая тенденция была такова, что эти районы тяготели все более и более к России, пока в течение 19 и 20 веков они окончательно не вошли в её состав.

Правящие круги малых стран по периметру границ России прямо- таки «продавали» свои страны тому, кто предостав-

лял более выгодные условия, научились в течение веков «выторговывать» себе, своим странам известные привилегии.

Использованная литература

1. Гасанов М.Р. История Дагестана с древнейших времен до конца XIX в.- Махачкала.: И П Джамалудинов М.А., 2011, с.197.
2. 1802г. декабря 28-Договор. Заключенный в крепости Георгиевск между дагестанскими владетелями РДО. Сборник документов М. Наука 1988.с.258.
3. Гюлистанский мирный договор. Русско-дагестанские отношения в XVIII-начале XIX в. М. Наука, 1988. С.306.
4. Всемирная история в 24 томах., том 16, Минск, Современный литератор, 1999,с.210
5. История стран Азии и Африки в новое время. Ч.1.: Учебник.—М.: Изд-во МГУ, 1989, с.266.
6. История дипломатии. Т.1. Издание второе. Под ред.В.А. Зорина, В.С. Семенова, С.Д.Сказкина, В.Ш.Хвостова, М. Издательство Полит. лит-ры, 1959.
7. История народов Северного Кавказа (конец 18в.-1917г.).- М.: Наука, 1988, с 10.
8. Похлебкин В.В. Внешняя политика Руси России и СССР за 1000 лет в именах, датах и фактах. IX-XX вв. Вып. 2. Войны и мирные договоры. Книга 1: Европа и Америка. Справочник. М. Международные отношения,1995.
9. Русско-дагестанские отношения в XVIII – в начале XIXв. Сборник документов. Отв. редактор. В.Г. Гаджиев. М. «Наука».1988.
10. Смирнов Н.А. Политика России на Кавказе в XVI-XIX веках. М. Издательство социально-экономической литературы М.1958., с.

Шахбанова М.М.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА В ОТНОШЕНИИ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ РОССИИ

Российская Федерация – полиэтническое государство, в котором проживают свыше 140 народов, в том числе, 65 малочисленных, из них 30 коренных малочисленных народов Севера, в той или иной степени сохраняющих свой традиционный хозяйственный и культурный уклад жизни¹. В отношении малочисленных народов Севера российским государством проводится политика, направленная на сохранение их традиционного уклада хозяйствования, самобытности, социокультурных ценностей. К ним можно отнести разработку и финансирование целевых программ «дети Севера», «Экономическое и социальное развитие коренных малочисленных народов Севера до 2000 года», которые должны учитывать не только экономическое и социальное, но и культурное развитие народов Севера. К сожалению, малочисленные дагестанские народы не вовлечены в политику сохранения этнокультурной самобытности и, по мнению С.В. Соколовского, «марксистская версия "антропологии спасения", утвердившаяся в стране в качестве официальной идеологии в 1920-е – 1930-е гг., способствовала оформлению своеобразного ресурсного подхода при установлении статуса различных национальных сообществ, в котором высокая численность сообщества рассматривалась как гарантия его выживания, и соответственно, малая численность – как угроза вымирания. Языковая ассимиляция и политика идентичности обычно вообще не входили в оценки динамики численности таких сообществ, поскольку демографы... были осведом-

¹ Соколова З. П. Перспективы социально-экономического и культурного развития коренных малочисленных народов Севера (концепция развития) // Расы и народы. Выпуск. 28. М., 2002. С. 61.

лены о процессах "ассимиляции" и "интеграции", не считали их важнейшими в своих прогнозах»¹.

Риторика «вымирания» малочисленных сообществ, фокусирующая внимание на численности группы, диктовала правительству принятие комплекса мер по защите малочисленных групп и создавала «естественную шкалу» для разделения всех автохтонных групп на «находящихся под угрозой вымирания» и «благополучных». Своеобразным пережитком этой логики в современном российском законодательстве является принятие 50-тысячного порога численности в ст. 1 Закона РФ «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» (1999 г.), воспроизведенного также в ст. 1 Закона РФ «Об общих принципах организации общин коренных малочисленных народов Севера, Сибири, Дальнего Востока Российской Федерации» (2000 г.) и ст. 1 Закона РФ «О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири, Дальнего Востока Российской Федерации» (2001 г.). Введение этого критерия на исходе 90-х гг. объяснялось также логикой разведения и различения понятий «коренной народ» и крупных групп автохтонного населения, хорошо интегрированных в политическую и экономическую систему страны.

В большинстве рабочих определений, используемых международными организациями (МОТ, рабочая группа по коренному населению Подкомиссии по предупреждению дискриминации и защите меньшинств Комиссии по правам человека Экономического и Социального Совета ООН, Всемирный Банк и др.) выделяются следующие признаки, которые обычно кладутся в основание отнесения конкретных групп к категории «коренных»: 1. самоидентификация; 2. недоминирующее положение; 3. преемственность с прежним населением страны; 4. связи с территориями предков; 5. особый образ жизни и экономический уклад, связанный с хозяйством присваивающего государства².

¹ Соколовский С. В. Коренные народы: от политики стратегического эссенциализма к принципу социальной справедливости // Этнографическое обозрение. 2008. № 4. С. 59 – 60.

² Соколовский С. В. Коренные народы: от политики стратегического эссенциализма к принципу социальной справедливости // Этнографическое

В 2001 – 2005 гг. операционная политика Банка в отношении коренных народов еще раз подверглась пересмотру и уточнению. Новая политика была отражена в Операционной директиве Банка 4.10 (2005 г.). В соответствии с уточненной дефиницией: «терминами "коренной народ", "коренные национальные меньшинства", "группы племен" и "официально зарегистрированные племена" определяются социальные группы, обладающие социальными и культурными особенностями, отличающими от доминирующих групп общества, что подвергает их риску оказаться в неблагоприятном положении в процессе развития. Социально-экономический статус многих подобных групп ограничивает их возможности в отношении защиты своих интересов и прав на землю и другие производственные ресурсы или участия в процессе развития и получения выгод от него»¹.

Таблица 1

Сравнение критериев, используемых в определениях коренных народов в международном праве и российском законодательстве

Критерии // Источник определения	Само-идентификация	Особый образ жизни, экономический уклад	Отличия от других групп, этнокультурная самобытность	Связь с терри-торией предков	Уязвимость, депривированность, недоминирование
Конвенция МОТ № 107 (1957)	–	– √	√	√	√
Конвенция МОТ № 169 (1989)	√	√	√	√	–
ООН (определе-	√	–	√	√	√

обозрение. 2008. № 4. С. 60 – 61, 63.

¹ Там же. С. 63.

ние Мартинеса Кобо)					
Операционное заявление Всемирного Банка 1982 г. (OMS)	—	√	√	√	—
Операционная директива Всемирного Банка 1991 г. (OD)	√	√	√	√	√
Операционная директива Всемирного Банка 2005 г. (OD)	√	√	√	√	√
Российское законодательство	√	√	√	√	√

Проблеме самоуправления и самоопределения коренных народов посвящено множество работ. Значителен и объем специальных публикаций, освещающих российский опыт решения этих проблем, как исторический, так и современный. Проблемы самоопределения и самоуправления относятся к числу наиболее значимых, и, «если говорить о ситуации с правами коренных народов, в целом, до сих пор не нашедших удовлетворительного решения проблем современного конституционного и международного права». Среди требований коренных народов к власти особое место занимает проблема права на землю, которое ею не поддерживается и причины не только в незаинтересованности правительств, политических и экономических элит в удовлетворении противоречащих их интересам требований, но и весьма устойчивые стереотипы мышления и клише, сложившиеся еще в эпоху колониализма и с тех пор мало изменившиеся¹. В этой связи попытки разработать приемлемые определения «права коренных народов» обычно приводят к утверждению о связи этих народов с землями, где они живут и трудятся «с незапамятных времен», и

¹ Соколовский С. В. Проблемы самоопределения и самоуправления коренных народов (обзор) // Этнографическое обозрение. 2001. № 2. С. 17.

непростому политическому вопросу, действительно ли они владели землей или же обладали на нее иными правами¹.

Признание определенных прав коренного населения на землю было официально провозглашено в 1989 г. с принятием 169-й Конвенции МОТ, во второй части которой речь идет о земельном праве коренных малых народов, причем особое внимание уделяется коренному населению, живущему за пределами традиционных территорий. Проблема самоопределения в случае коренных народов оказывается тесно связанной с вопросом самоуправления. Низкая плотность коренного населения на территориях традиционного расселения и обычно небольшая доля среди остального населения регионов их проживания – серьезные препятствия для государственной формы самоопределения, но они не отменяют разнообразных возможностей для внутреннего самоопределения, связанного с выбором формы правления.

В 1924 г. при правительстве России был создан Комитет содействия народам северных окраин в целях законодательной и экономической защиты интересов народов Севера. Помощь государства этим народам предполагалось продолжать до тех пор, пока каждая из малых народностей Севера «не дорастет до самостоятельности в виде самоуправляющейся хозяйственной и политической единицы». В 1925 г. был законодательно закреплён список «малых народов Севера», который впоследствии послужил основой для создания, известной в советском законодательстве новейшего времени группы из 26 народов. Эти народы объединялись в одну группу на основании следующих критериев: 1. относительно малая численность; 2. ведение традиционных отраслей хозяйства; 3. образ жизни; 4. низкий уровень социально-экономического развития. Кроме того, данные народы характеризовались известным своеобразием системы ценностей, ведущим к неприятию привносимого и навязываемого образа жизни, и относительной изоляцией от административных и экономических центров².

¹ Соколова З. П. Указ. работа. С. 97.

² Соколовский С. В. Проблемы самоопределения и самоуправления коренных народов (обзор) // Этнографическое обозрение. 2001. № 2. С. 20.

В сфере защиты прав этноменьшинств Министерством регионального развития РФ издан приказ «Об утверждении распределения субсидий бюджетам субъектов Российской Федерации на поддержку экономического и социального развития коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации в 2010 г.»¹.

Таблица 2

Распределение субсидий бюджетам субъектов Российской Федерации на поддержку экономического и социального развития коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации в 2010 г.

<i>Наименование субъекта Российской Федерации</i>	<i>Сумма млн. руб.</i>
Республика Алтай	11,5
Республика Бурятия	6,9
Республика Карелия	5,9
Республика Коми	1,1
Республика Саха (Якутия)	24,0
Республика Тыва	8,9
Республика Хакасия	1,1
Алтайский край	1,6
Забайкальский край	1,8
Камчатский край	24,0
Красноярский край	17,4
Приморский край	2,2
Хабаровский край	24,0
Амурская область	2,2
Вологодская область	0,3
Иркутская область	2,4
Кемеровская область	8,2
Ленинградская область	1,2
Магаданская область	23,2
Мурманская область	2,2
Сахалинская область	5,7

¹ Российская газета. 2010. 2 марта. № 42. С. 17.

Свердловская область	0,3
Томская область	3,8
Тюменская область	0,6
Ненецкий автономный округ	11,2
Ханты-Мансийский автономный округ – Югра	10,6
Чукотский автономный округ	24,0
Ямало-Ненецкий автономный округ	13,7
Итого:	240,000

Социально-экономическое и политическое положение малочисленных дагестанских народов. К началу демократических преобразований в стране, Республика Дагестан унаследовала от прошлого комплекс противоречий и конфликтов в сфере межэтнических отношений. Планомерная политика по переселению с гор на равнину, проводившаяся при Советской власти, привела к кардинальному изменению национального состава населения, обусловила высокую степень мозаичности и этнокультурного многообразия на низменности. Кумыки, ногайцы, чеченцы, азербайджанцы и русские оказались в местах компактного проживания в меньшинстве, что внесло заряд конфликтности, а также нарастание напряженности у представителей этих народов к переселенцам (аварцам, даргинцам, лакцам, лезгинам).

Ситуация усугублялась характерным для Дагестана высоким уровнем внешней (в страны СНГ, в том числе и в другие регионы России) и внутренней (с гор на равнину и обратно) миграцией населения, вызванной трудоизбыточностью (до 25 % жителей республики соответствующего возраста), наличием территориально «не реабилитированных» репрессированных чеченцев-аккинцев и значительной части насильственно переселенных в Чечню горских народов (туда в 1944 г. и обратно в 1957 г.).

В процессе распада СССР и реформирования социально-экономической системы многие конфликты перешли из латент-

ного состояния в «открытое»: возникли новые зоны противостояния и напряженности. У людей усилился социально-психологический дискомфорт, что привело к упрочению внутринациональных связей, а также появлению и активизации общественных движений по этническому признаку.

Формирование и функционирование ряда социально-политических и национальных движений стали этнополитической действительностью, причем в Дагестане они представляли весьма богатую палитру: унитаристские, сепаратистские, этноконфессиональные, националистические, демократические и т. д. Заметно обозначилась консолидация на этнокорпоративной основе, являющаяся признаком политизации кланов, тухумов и социальных групп. Наблюдался своеобразный парадокс: с одной стороны, интернационализация культуры, с другой – отчетливая тяга к национальному. В республике было зарегистрировано 17 партий, 22 национальных и общественно-политических движения, 17 различных центров и других объединений граждан¹.

24 октября 1992 г. состоялся I Съезд Конгресса народов Дагестана, в котором участвовали представители 42 общественно-политических организаций и национальных движений. Съезд потребовал, чтобы каждому/каждой из более 30 народов и этнографических групп Дагестана было предоставлено право на самоопределение и создание в Дагестане федеративной республики². Вслед за ним (Махачкала, 13-14 декабря 1992 г.) прошел Съезд народов Дагестана, в противовес Конгрессу провозгласивший три главных принципа, которые легли в основу республиканской Конституции: 1. Дагестан един и неделим. 2. Дагестан находится в составе России. 3. У каждого народа есть свои проблемы, но их разрешение без учета интересов всех дагестанских народов невозможно. Следует отметить, что все пункты поддерживались подавляющим большинством дагестанцев – независимо от их политических симпатий и антипатий, национальной и религиозной принадлежности³.

¹ Цапиева О., Муслимов Т. Этнополитическая и этносоциальная ситуация в Республике Дагестан и новейшие конфликты // Центральная Азия и Кавказ. 2007. № 3 (51). С. 174.

² Конгресс народов Дагестана. Махачкала, 2000. С. 6.

³ Республика Дагестан: современные проблемы национальных отноше-

В резолюции Съезда народов Дагестана (1992 г.) отмечалось, что «народы нашей республики, как и все другие народы России, переживают трудное время. Общество претерпевает коренные изменения, затрагивающие экономику, политическую систему, социально-культурную сферу»¹. Следовательно, интересы сохранения гражданского мира, политической стабильности и единства Дагестана требовали проведения продуманной национальной политики, учитывающей нужды и запросы всех народов республики.

Основа законодательного регулирования национальной политики была заложена в 90-х гг. прошлого столетия. Дагестан был первым среди субъектов Российской Федерации, разработавшим и принявшим «Комплексную программу решения проблем национальных отношений в Республике Дагестан» (1993 г.). Надо отметить, что при разработке проекта «Комплексная программа развития национальных отношений в Республике Дагестан на 2007 – 2010 гг.» вновь столкнулись позиции сторонников различных взглядов на проблему так называемых бесписьменных народов республики. Одни утверждали, что данные этнические группы были насильственно консолидированы с крупными родственными народами по распоряжению руководства республики с целью достижения своего численного большинства и права на кадровое преимущество. Другие доказывали несостоятельность таких утверждений.

Нехарактерный для Дагестана всплеск межнационального противостояния в 90-х гг. XX в. оказался недолговечным, хотя общество не стало менее конфликтным. Несколько противостояний прошлого остались не до конца разрешенными, а некоторые из них даже обострились. Обозначились новые конфликты – уже внутриэтнического и социально-политического характера. И в создании почвы для инцидентов были виновны обе стороны – власть и общество, ставшие противоположными по своим интересам. По мнению Э.Ф. Кисриева, «Дагестан с его отчетливой, этнически сегментированной социальной структурой и серьез-

ний. Махачкала, 1995. С. 48, 100.

¹ Материалы по вопросам развития национальных и межнациональных отношений в Республике Дагестан. Махачкала, 2008. С. 84.

ными противоречиями, большинство из которых раскрашены в национальные цвета, казалось, неизбежно должен был, с утратой жесткого централизованного руководства, превратиться в один из самых серьезных очагов межнациональных конфликтов. Несмотря на случаи серьезного противостояния в дагестанском обществе действуют механизмы и силы, способные сохранить мир и согласие в республике, хотя в латентной форме межнациональное противостояние существует и дает о себе знать в кризисных ситуациях. Возникает вопрос: "Что за силы, способные стабилизировать межэтнические взаимоотношения, несмотря на низкий уровень социально-экономического развития и политического противостояния дагестанских народов?". Как это не покажется невероятным, именно полиэтнический состав республики оказался тем могучим фактором, удержавшим республику от межнациональных конфликтов, и это при том, что существуют проблемы репрессированных, насильственно переселенных, разделенных и малочисленных народов»¹.

Президент РД в Послании Народному Собранию отметил, что Закон «Комплексная программа развития национальных отношений в Республике Дагестан на 2008 – 2010 годы» (2008 г.) должен послужить развитию национальных культур, родных языков, укреплению общедагестанского единства, решению проблем разделенных и депортированных народов, вызванных переселением жителей горных районов на плоскость, миграцией населения. В основу Программы положены проверенные на практике принципы и подходы, такие, как единство Дагестана и России; единство и территориальная целостность республики; государственная поддержка этнокультурного развития народов; равноправие граждан и народов республики; решение проблем каждого народа общими усилиями без ущемления прав других народов; ценность исторического опыта совместного проживания дагестанских народов; решение спорных вопросов на основе межнационального диалога и согласия; широкое привлечение общественных объединений, сельских джамаатов, авторитетных руководителей предприятий, организаций, деятелей науки, культуры,

¹ Кисриев Э. Ф. Национальность и политический процесс в Дагестане. Махачкала, 1998. С. 12.

образования, религии к выработке и реализации решений по национальным проблемам. Более того М.Г. Алиев акцентировал внимание на том, что «в Дагестане очень внимательно надо следить за двумя процессами. С одной стороны, это процесс обеспечения дагестанского единства, общности интересов всех дагестанских народов, – то, что объективно сформировалось в Дагестане, чему посвящены десятки трудов наших ученых и не только ученых. Но за утверждением этого единства и общности нельзя замалчивать интересы каждого народа Дагестана, которые есть реально, не абсолютизируя ни то, ни другое»¹. Однако, закон о развитии национальных отношений в республике на 2008 – 2010 гг. не является панацеей от всех проблем и гарантией решения всех этнических вопросов, несмотря на то, что в нем содержатся необходимые направления, принципы и инструментарий по разрешению межэтнических коллизий.

По проблемам малочисленных народов были приняты меры, направленные на поддержание культурно-этнического пространства разделенных народов и повышение их этнического статуса, реализацию принципа равноправного представительства всех этносов в органах государственной власти. Три малых народа (агулы, цахуры, рутульцы) обрели письменность. Все 14 этносов Дагестана, имеющих письменность, были одинаково представлены в Государственном Совете и – пропорционально численности – в Народном Собрании РД. Госсовет и правительство республики выступили учредителями газет «Вестник Агула» (на агульском языке) и «Ватан» (на татском), подняв их статус до республиканских изданий.

Во Всероссийских переписях после 1926 г. андо-цезская группа народностей была отнесена к аварцам. В переписи 2002 г. некоторые из них при самоидентификации отнесли себя, условно говоря, к «малому этносу». В дискуссиях неоднократно поднимались вопросы об их насильственной ассимиляции или «аваризации» в угоду партийному руководству республики. При этом подчеркивалось их ущемление на обучение национальным языкам, непредставленность в структурах республиканской власти

¹ Материалы по вопросам развития национальных и межнациональных отношений в Республике Дагестан. Махачкала, 2008. С. 121.

по причине того, они не обладают соответствующим этническим статусом.

Существуют причины актуализации проблем малочисленных народов на современном этапе. 1. Согласно Конституции Республики Дагестан (1997 г.) 14 основных этносов представлены в Госсовете и парламенте (агулы, цахуры, рутульцы, численность которых меньше, чем у некоторых андо-цезских народов). Это вызвало обиду и воспринято, как ущемление. 2. В 1999 г. Государственная Дума приняла Закон РФ «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации». В нем отмечено, что внешняя экспансия в районах традиционного проживания малых наций привела к тому, что они находились на грани выживания. Намечены меры по защите от вторжения в среду обитания этих народов, по их прогрессу, сохранению и развитию культуры, языка. Дагестанские малочисленные нации рассчитывали, что этот документ имеет к ним отношение, надеясь получить какие-то привилегии, однако, он оказался неприменимым к местным условиям. Традиционные территории проживания малых народов экспансии не подвергались, напротив, малочисленным этническим группам предоставили зимние пастбища для ведения отгонного животноводства. Поэтому аналогичный республиканский закон принят не был.

Что касается языка обучения в школах, то в начале 30-х гг., когда узаконили всеобщее начальное образование, возник вопрос: как быть с малыми народами? Даже многочисленные этносы не имели устоявшихся алфавитов, к тому же не было педагогических кадров. Еще в 50-е – 60-е гг. в Дагестан из других регионов прибыло 19 тыс. учителей; из союзного центра поступила рекомендация обучать малые народы на языках близких им, родственных этносов. В настоящее время Институтом языка, литературы и искусства Дагестанского научного центра Российской академии наук изданы словари почти всех языков малочисленных народов, появились алфавиты, созданы условия для изучения вопроса о целесообразности обучения на языках малых наций. 3. Две вышеназванные причины можно назвать «провоцирующими»: подлинная же состоит в том, что у малочисленных народов сформировалась солидная интеллигенция. Это всегда приводит к «усложнению» запросов, связанных с этничностью, тем более в

Дагестане, где национальный фактор играет особую роль в общественной жизни и политике. Хотя в республике и формируется наднациональная общность, однако, при этом явно сохраняется первичная этническая общность¹.

Со вторым тезисом авторов нельзя согласиться: традиционное хозяйство, например, андо-цезских этносов подверглось существенным изменениям, вызванным их переселением в середине прошлого века на территорию репрессированных чеченцев, в последующем их дисперсным расселением на территории Дагестана, что закономерно привело к разрыву внутриэтнических связей и разрушению традиционного хозяйствования. Начало строительства военного городка в с. Ботлих (Ботлихский район) инициировало протест местного населения и, по мнению ботлихцев, негативно отражается на положении проживающих в данном районе малочисленных народов. Ботлихцы негативно оценивают отчуждение территорий их проживания, хотя республиканские власти преподносят ситуацию в несколько ином виде. Проживающим в Ботлихском районе представителям андо-цезских народов характерна этническая мобилизация как инструмент отстаивания своих национальных и социально-экономических интересов. Бесспорно, выступавшие сознательно этнически окрашивают и политизируют проблему, а причины протеста кроются в желании получить компенсацию за использование земли.

Декларируемый органами республиканской власти тезис, что ведется политика, направленная на поддержание культурно-этнического пространства разделенных народов и повышение статуса малочисленных, реализация принципа равноправного представительства всех этносов в органах государственной власти не в полной мере соответствует действительности. Только три малочисленных народа (агулы, цахуры, рутульцы), в отличие от андо-цезов, народов даргинской группы (кайтаги и кубачинцы), вошли в перечень 14 титульных народов Дагестана, обрели письменность, соответственно, и возможность обучения на родном языке. Несмотря на опасения исследователей, что «если хотя

¹ Цапиева О., Муслимов Т. Этнополитическая и этносоциальная ситуация в Республике Дагестан и новейшие конфликты // Центральная Азия и Кавказ. 2007. № 3 (51). С. 183.

бы одному из так называемых малочисленных этносов (их всего 16), принадлежащих к настоящему времени к самым многочисленным (аварскому или даргинскому) народам, удастся добиться включения себя в "список народов", то вся уже установившаяся структура политической власти в Дагестане начнет разваливаться»¹, кардинальных изменений в этнополитической структуре республики не произошло.

В начале XXI в. малочисленные этносы Дагестана заново подняли проблему своего этнического статуса, определяемого ими, в первую очередь, через этническую самоидентификацию. В чем же проявилась особенность этнической идентичности в период подготовки к Всеобщей переписи населения 2002? В первую очередь, она обнаружила стремление малочисленных народов республики к самоидентификации, то, что до этого не допускалось, поэтому представляется необходимым более подробно остановиться на этом вопросе.

По мнению С.В. Чешко, «в перестроечный период в связи с распадом СССР, ожидалось своеобразное "раскрепощение" этничности, освобождение ее от бюрократических пут огосударствления. На практике мы являемся свидетелями усиления политизации этничности, что и неудивительно, ибо постсоветская Россия сохранила главный порок советской государственной системы – политическое статуйирование этносов»². В частности, это были «забытые» народы, исчезнувшие из переписей населения после 1926 г., в других – народы или субэтнические общности, которые ранее отдельно не выделялись, впрочем, на это и не претендовали. С чем можно связать такого рода перемены в этническом сознании малочисленных этносов? Видимо, желанием обрести определенный этнический статус и связанные с этим возможности политической и экономической выгоды. Хотя нельзя и проигнорировать такой фактор как стремление обрести самостоятельность, желание сохранить национальное своеобразие, ибо, несмотря на отсутствие всякой целенаправленной политики государства в отношении малых по численности народов и на свое

¹ http://eawarn.ru/pub/EthnoCensus ebHomePutPerepis/put_perepis 05.htm.

² Чешко С.В. Перепись населения: кого и как считать // Этнографическое обозрение. 2000. № 4. С. 82.

недоминирующее положение, они сумели сохранить свою этническую самобытность.

Полиэтничность Дагестана обуславливает определенную сложность этнологического исследования. Если в предыдущий период развития республики национальный фактор не играл существенной роли, то в перестроечный период он усилился, особенно в период подготовки переписи населения. Благодаря принципиальной и жесткой позиции представителей андо-цезской группы в период переписи 2002 г., впервые после 1926 г., им удалось добиться фиксации своей этнической принадлежности.

Характеристика выборки социологического исследования. Социологическое исследование по изучению этнической идентичности малочисленных дагестанских народов проведено в 2010 – 2012 гг. в Агульском (сс. Хутхул, Тпиг), Ахвахском (сс. Карата, Тадмагитль), Ботлихском (сс. Ботлих, Гагатли, Верхнее Годобери), Бабаюртовском (сс. Новый Борч, Кальял), Кайтагском (сс. Маджалис, Джирбачи), Дахадаевском (с. Кубачи), Рутульском (сс. Кина, Гемлец), Хасавюртовском (с. Муцалаул), Цумадинском (сс. Верхнее Гаквари, Тинди, Хонох, Хвариши, Хуштада), Цунтинском (сс. Кидеро, Гутатли, Генух, Зехида), Чародинском (с. Арчиб) районах, Бежтинском участке (сс. Бежста, Гунзиб). Методом случайного отбора опрошено в андо-цезской группе 1456 чел., лезгинской группе – 512 чел. и даргинской группе – 255 чел. N – 2223.

В опросе 2010 г. опрошенные представители андо-цезской группы отметили, что у них была возможность во время переписи 2002 г. записать свою этническую (национальную) принадлежность: у 40,0 % *«спрашивали национальную принадлежность»*, а у 32,2 % *«не спрашивали национальную принадлежность»*. Интерес представляет позиция отметивших, *«мы настояли на том, чтобы записать свою национальную принадлежность»* и *«нам отказали в этом переписчики»*, 15,4 % и 10,5 %, соответственно. В опросе 2011 г. у представителей андо-цезской (35,7 %) и даргинской (41,2 %) групп *«спрашивали национальную принадлежность»*; не спрашивали этническую принадлежность у 32,5 % в андо-цезской и 32,2 % в даргинской группах; 10,6 % даргинской и 18,5 % андо-цезской группах настояли на фиксации своей национальной принадлежности; 3,1 % даргинской и 6,6 % андо-

цезской группах отметили, что переписчики отказали им в фиксации их этнической принадлежности. Несмотря на сложности, фиксации своей национальной принадлежности добились генухцы (77,0 %), цезы (72,0 %), ботлихцы (16,0 %), кайтаги (14,5 %), ахвахцы (11,9 %); *«не спрашивали о национальной принадлежности»* у каратинцев (89,1 %), багулалов (63,3 %), чамалалов (60,0 %), кубачинцев (48,4 %), арчинцев (48,1 %), годоберинцев (44,0 %), ахвахцев (35,6 %), хваршин (31,0 %), бежтин (24,2 %), гунзибцев (23,9 %) и андийцев (21,2 %).

Внимания заслуживает позиция кайтагов, большая часть которых отметила, что у них спрашивали национальную принадлежность (55,6 %), однако, официально зафиксированная их численность в материалах переписи незначительна, что является основой для выводов: 1) наблюдается ассимиляция кайтагов, причем, добровольная, даргинцами и отсутствие у них стремления к самоидентификации, 2) официальные данные не отражают существующие тенденции к самоидентификации кайтагов и кубачинцев, в отличие от народов, входящих в состав андо-цезской группы.

Несмотря на ожесточенные споры в ходе переписи населения в полной мере зафиксировать свою этническую принадлежность малочисленным дагестанским народам так и не удалось, особенно, в районах совместного проживания с доминирующим народом, поэтому этнографы отмечают «значительные расхождения между известной и зафиксированной переписью численности носителей того или иного языка в Дагестане. Причем оказалось, что эти расхождения находятся в полной зависимости от политики районных администраций. Например, в Цумадинском и Ботлихском административных районах эти расхождения чрезвычайно велики, а в Цунтинском – малы. Хваршин, проживающих в Цумадинском районе, оказалось почти в 20 раз меньше прогнозируемого числа, а бежины, проживающие в соседнем административном районе, сумели отстоять свое право на самостоятельный учет. Влияние политического фактора на итоговую численность конкретных показателей этнического учета ярко по-

казано на примере коллизий между научным и политическим подходами в Дагестане»¹.

Как уже отмечалось, в перестроечный период лидеры малочисленных дагестанских народов неоднократно поднимали вопрос о необходимости придания их этническим общностям самостоятельного этнического статуса, поэтому респондентам было предложено выразить свое отношение к фиксации их национальной принадлежности в паспорте. В течение долгого периода времени данный вопрос, по мнению этнолидеров андо-цезских народов, являлся одной из основных форм скрытой дискриминации в отношении малочисленных этнических групп. Приписывание народов андо-цезской группы к аварцам автоматически закрывало представителям этих народов доступ во властные структуры. Существующее в республике квотирование мест по национальной принадлежности привело к тому, что этнические аварцы больше были представлены в органах государственной власти, чем представители андо-цезских народов, включенные в состав аварцев.

В нашем исследовании опрошенные отметили, что в советский период в паспорте их национальная принадлежность была правильно указана (даргинская – 58,0 %, андо-цезская – 44,2 %, лезгинская 39,0 %); о фальсификации их этнической принадлежности заявляют 24,3 % в андо-цезской, 23,9 % в лезгинской и 12,9 % в даргинской группах; «затрудились ответить» 21,5 % в андо-цезской, 25,5 % в даргинской и 32,7 % в лезгинской группах. По этнической принадлежности на правильность фиксации своей национальной принадлежности указали тиндинцы (74,0 %), багулалы (65,0 %), кубачинцы (58,6 %), кайтаги (57,3 %), арчинцы (56,8 %), бежтины (54,9 %), цезы (50,0 %), рутульцы (46,9 %), чамалалы (48,8 %), андийцы (45,5 %), годоберинцы (44,6 %), гунзибцы (40,2 %), цахуры (37,1 %), ботлихцы (27,0 %), генухцы (21,8 %). При этом хваршины (51,7 %), гунзибцы (35,9 %), арчинцы (34,6 %), цахуры (34,1 % – разница между первым и вторым

¹ Соколовский С. В. Рецензия на книгу: Этнокультурный облик России: перепись 2002 года // Отв. ред. В.В.Степанов, В.А. Тишков. М., 2007. // Этнографическое обозрение. 2008. № 3. С. 185 – 186.

суждением незначительная), цезы (33,3 %), андийцы (31,5 %), ахвахцы (26,3 %), бежтины (20,9 %), кайтаги (18,8 %) и чамалалы (17,5 %) считают, что их этническая принадлежность была неправильно записана в паспорте. Далее позиции «не знаю» придерживаются ботлихцы (61,0 %), агулы (58,6 %), годоберинцы (47,8 %), чамалалы (25,0 %), кубачинцы (28,9 %), цахуры (27,3 %), кайтаги (21,4 %) и гунзибцы (20,7 %). Таким образом, можно сделать вывод о существовании противоречивости в позициях опрошенных малочисленных дагестанских народов, выражающейся, с одной стороны, в стремлении обозначить/повысить этнический статус своего народа, с другой, как признание правильности их этнической принадлежности в форме нахождения в составе аварцев для андо-цезов и даргинцев – для кайтагов и кубачинцев.

Юсупова Г.И.

РОЛЬ РЕЛИГИОЗНОГО ФАКТОРА В СИСТЕМЕ ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ (НА ПРИМЕРЕ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА)

Как правило, этнические и религиозные чувства тесно связаны между собой. Они оказывают сильное влияние на общественное сознание не столько взятые в отдельности, сколько взаимосвязанные. Поэтому историческую связь этнического и религиозного используют в своих сепаратистских и экстремистских целях лидеры конфессиональных и национальных движений.

Этническая и религиозная идентичность являются элементами общественного сознания. Формирование этнической идентичности нередко может быть обусловлено, наряду с прочими факторами, принадлежностью к определенной конфессии. На манипулировании общественным сознанием строят свою деятельность политические лидеры и партии на пути к власти и в целях ее удержания. Поэтому, как мы полагаем, вопрос о соотношении конфессионального и этнического моментов в этно-

культурной традиции в современной России имеет зачастую политическую подоплеку и мотивы.

В полиэтнических обществах 21 века угроза дестабилизации демократических институтов и этноконфессиональной напряженности связана с кризисом гражданских идентичностей, энтропийными последствиями глобализации и регионализации этнонациональных и гражданских культур, распадом идеологии и практики мультикультурализма.

«Сегодня радикальные вызовы антизападных идентичностей, реактивная мобилизация азиатско-мусульманского самосознания и конструктивное переосмысление либеральной идентичности в стремлении западных обществ к разрешению имманентного идентификационного кризиса воздвигают новые культурные и идеологические границы, формируя мозаичные и парадоксальные образы микросоциальных идентичностей в полиэтническом мире».¹

В последние десятилетия возросла роль Северного Кавказа на цивилизационном и геополитическом уровнях. Интегральный анализ данной проблемы позволяет нам сделать вывод, что в регионе смешались геополитические, цивилизационные, этноконфессиональные, этнокультурные проблемы и противоречия. Тесное соприкосновение и взаимовлияние двух миров – мусульманского и христианского определяет специфику геополитического анализа региона.

«Геополитическое значение Северного Кавказа обусловлено его конкретно-историческими и территориально-пространственными характеристиками, превратившими его в начале 21 века в самый сложный регион с точки зрения обеспечения национальной безопасности России. Данный регион сложен также в пространственно-географическом, этнонациональном и социально-политическом отношениях. Геополитику северного Кавказа можно рассматривать как особый проблемный комплекс, отражающий и соответствующим образом преломляющий сло-

¹ Попов М.Е. Конфликтные идентичности в полиэтническом мире: идеология, этничность, гражданская идентичность. 7-й конгресс этнографов и антропологов России Доклады и выступления. Саранск, 2007. С.179.

жившиеся тенденции регионального и глобального социально-экономического и политического развития.

Тот географический факт, что Северный Кавказ входит в геополитическое пространство России, создает чрезвычайно многоаспектный проблемный контекст, утверждающий заинтересованность в нем России. Анализ динамики социально-политических и этнонациональных процессов, протекающих в регионе, необходимо проводить, исходя из той роли, которую они играют по отношению к системе российских геостратегических приоритетов».¹

В то же время при всем единстве стоящих перед Северо-Кавказским федеральным округом проблем и перспектив развития, следует выделить достаточно широкий диапазон различий между его субъектами и населяющих их народами. Отметим, прежде всего, природно-географические различия, наличие различных ресурсов, транспортная инфраструктура, интеллектуальный потенциал, уровень занятости населения, доходы и уровень прожиточного минимума населения, экономический потенциал и т.д.

Именно поэтому Северный Кавказ сегодня отличается высоким динамизмом геополитических процессов, что обусловлено рядом объективных факторов, среди которых аналитики, как правило, выделяют важное геополитическое положение региона, чрезвычайно сложный этноконфессиональный состав населения, особенности этнорегиональной идентичности, нестабильную социально-политическую обстановку.

Мы рассматриваем этноконфессиональные процессы в целостном взаимодействии, в то же время они представляют собой совокупность двух составляющих элементов – этнического и конфессионального аспектов. В современной историографии много внимания уделяется исследованию этнических и конфессиональных отношений на Северном Кавказе в постсоветское время.

¹ Жаде З.А. Северный Кавказ в контексте современных геополитических реалий. Полиэтнический макрорегион: язык, культура, политика, экономика. Тезисы докладов Всероссийской научной конференции. Ростов-на-Дону, 2008. С.109.

Мы полагаем, что сегодня возросла потребность во всестороннем историческом анализе всей совокупности межнациональных отношений сквозь призму целостности социального, экономического, политического, духовного аспектов в их ретроспективе. Национальная проблематика всегда была и остается достаточно востребованной. Этим объясняется большой интерес к ней представителей различных отраслей социально-гуманитарного знания, которые затрагивают в своих исследованиях различные теоретико-методологические, концептуальные и практические вопросы. Чрезвычайно важным, по нашему мнению, является изучение специфики протекания национальных процессов на Северном Кавказе.

«Все эти процессы Кавказ высвечивает как нельзя отчетливо. Тем более, что он отличается высокой степенью полиэтничности, культурного, конфессионального многообразия, сложной историей, наполненной драматическими событиями, в большинстве своем национально окрашенными (образование и ликвидация автономий, перекраивание и пересмотр границ, репрессии, территориальные споры, вооруженные конфликты и т.д.). В сжатом виде здесь проявились все современные национальные процессы – интеграция и дезинтеграция (суверенизация, автономизация), консолидация и этноразобщение, этнокультурное и религиозное единство и дифференциация. Все это делает чрезвычайно актуальным изучение специфики протекания национальных процессов в этом сложном регионе».¹

В современной России, по мнению И.П. Добаева, геополитика в большей степени рассматривается как геополитическая методология, которая предлагает свести наиболее значимые процессы к единой географической матрице и исследовать ее взаимосвязи с внешними глобальными факторами. Он отмечает: «Геополитический подход, представляющий универсальный интерес и несомненную ценность для российской политологии в

¹ Абазалиева М.М., Тамбиева З.С. Особенности эволюции национальных процессов на Северном Кавказе в условиях становления новой системы политической власти в современной России. Политическая наука на Юге России: итоги двадцатилетнего развития. Сборник материалов международной научно-практической конференции 11-12 марта 2009г. Выпуск 1. Изд-во СКАГС. Ростов-на-Дону, 2009. С.336.

целом, особенно незаменим для исследования ситуации на Юге России. На основании этой методологии можно не просто изучить многомерные и многофакторные процессы, но и активно справляться с серьезными вызовами национальной безопасности и территориальной целостности РФ, исходящими из этого региона, что является важной практической частью вопроса».¹

Распространение религии продиктовано множеством социально-политических, демографических и этнических факторов современности. Однако ряд исследователей признают доминирующим среди них все же кризис человека, его психологический надлом, чувство беспомощности перед участвовавшими конфликтными ситуациями, жестко концентрирующимися в информационном пространстве. Эту проблему можно выделить в качестве новой в современной историографии этноконфессиональных отношений.

«В мировых информационных сетях образуются соперничающие сообщества как позитивного, так и негативного плана. Получили развитие социальные сети «Веб 2,0», когда на паритетных началах устанавливаются разнообразные неограниченные связи единомышленников по любым интересам, действиям и чувствам. Причем сфера такого общения расширяется и не имеет никаких границ и пространственных рамок культурно-психологического и даже нравственного характера. В этой сфере находит свое, нередко искаженное, проявление душеспасительная функция религии. В виртуальных объятиях компьютера люди ищут мнимое утешение».²

Проблематика сетевых войн, вопросов информационной безопасности общества в определенной степени рассматривается в научных публикациях И.П. Добаева, З.С. Арухова, М.М. Гусаева, К.М. Ханбабаева, Г.А. Мурклинской и других ученых.

¹ Добаев И.П. Состояние и перспективы геополитических исследований на Юге России. Северный Кавказ в современной геополитике России. Махачкала, 2009. С.84.

² Карима Эль Гуэссаб Информационное общество и религия. Актуальные проблемы истории Кавказа. Материалы Международной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Р.М. Магомедова. Махачкала, издательство ДГУ, 2010. С.358.

Важность этого вопроса, как мы полагаем, совершенно очевидна, так как в информационное пространство в последние годы активно вливаются как некоторые экстремистские религиозные течения типа современного ваххабизма, так и группировки этнических сепаратистов, радикальных элементов разнообразного толка, которые умело вербуют себе новых сторонников и представляют реальную угрозу безопасности и стабильности не только северокавказского социума, но и всей цивилизации. Поэтому мы полагаем, что еще недостаточно исследованная тема взаимосвязи конфессионального фактора и информационного общества требует тщательного анализа и изучения, что позволит избежать психологических ловушек, неизбежно порождаемых современным социально-духовным кризисом.

Следует отметить, что за последнее десятилетие изменилась специфика этноконфессиональных и этнополитических процессов на Северном Кавказе. Как считает Э.Т. Майборода, произошел переход от непосредственных и очевидных угроз со стороны сепаратистских сил и крупных институализированных этнических конфликтов к менее очевидным, но более сложным вызовам. «К ним относятся этноцивилизационная трансформация региона вследствие деиндустриализации, этнизации общественной жизни, миграций; это медленное, но постоянное изменение геополитического статуса Кавказа, «дрейф» закавказских государств в сторону геополитических соперников России, их неопределенное, подверженное конъюнктурным изменениям отношение к России; локализация этнических конфликтов и, в то же время, расширение территорий, на которых они происходят или вероятны; повышение этноконфликтной готовности населения при очевидной усталости людей от постоянных конфликтов в регионе и сообщений о них в средствах массовой информации. Наконец, это отсутствие современной концепции государственной национальной политики на Северном Кавказе, несформированность общероссийской идентичности, неразвитость общенациональных ценностей».¹

¹ Майборода Э.Т. Основные модели анализа этнополитических процессов на Юге России. Политическая наука на Юге России: итоги двадцатилетнего развития. Сборник материалов международной научно-практической конференции 11-12 марта 2009г. Выпуск1.Изд-во СКАГС. Ростов-на-Дону, 2009. С.339-340..

Таким образом, на сегодняшний день созданы существенные наработки комплексного изучения существующих угроз и рисков для сферы этнополитических, этносоциальных и этноконфессиональных процессов северокавказского регионального политического пространства. Новым явлением для российской научной мысли стало обращение к современным методологиям при построении системы индикаторов политической напряженности как фона, на котором появляются указанные выше риски.

В качестве основного принципа методологии исследования все чаще применяется системный подход, базирующийся на взаимозависимости различных объектов познания. Системность в познании является субъективно-специфическим отражением системности в объективном мире.

Системный подход позволяет исследовать Северо-Кавказский регион Российской Федерации как сложную систему, описываемую с помощью некоторой совокупности определенных качественных и количественных характеристик. При исследовании этноконфессиональной ситуации на Юге России, как правило, применяются такие понятия данного метода, как дифференциация, устойчивость, равновесие и обратная связь. Фактически развитие и безопасность представляют собой две стороны общего процесса жизни человека и общества. Системная методология позволяет осуществить диагностирование и анализ этнополитической и этноконфессиональной устойчивости, стабильности, безопасности региона и всего государства с целью выработки обоснованных рекомендаций для принятия управленческих решений.

Системный подход включает в себя системный анализ и системный синтез. Системный анализ позволяет рассмотреть основные структурные элементы или составляющие исследуемого процесса, а системный синтез – выделить общие закономерности исследуемого процесса в их взаимосвязи и взаимовлиянии. Метод системного анализа включает в себя такие исследовательские приемы, как:

- выделение универсальных индикаторов, эффективных при измерении различных состояний социально-политических отно-

шений, в том числе этноконфессиональных – от устойчивого безопасного развития до распада всей системы;

- максимальный учет особенностей структуры и характера этноконфессиональных отношений на Северном Кавказе;

- обеспечение с помощью ограниченного числа индикаторов многомерности измерения социально-политических, этнополитических, этноконфессиональных отношений, возможность построения интегрального индекса;

- практическая апробация используемых индикаторов.

Метод системного синтеза направлен на выявление ключевых переменных и ведущих процессов, определяющих динамику развития и перемен в интересующем нас интервале времени на основе движения от частных примеров к общим закономерностям и выводам. Он позволяет проанализировать специфику, общие закономерности, фундаментальные тенденции и взаимосвязи социальных, этнополитических и этноконфессиональных процессов на территории Северного Кавказа с аналогичными процессами в России, на всем постсоветском пространстве, в мировом сообществе, а также взаимодействие процессов глобализации в мире, их влияние на устойчивое и безопасное развитие Юга России.

На основе метода системного анализа Э.Т. Майборода предлагает три вида типовых индикаторов по измерению политической напряженности: неудовлетворенность индивидов, социальных, этнических, конфессиональных групп своим положением в политическом пространстве региона, выражающаяся в открытых высказываниях против решений администрации; готовность их к активным действиям; сами акции протеста.

Этноконфессиональные отношения и процессы стали сегодня объектом исследования многих социально-гуманитарных дисциплин. Именно междисциплинарный подход может обеспечить наиболее надежное и всестороннее раскрытие влияния глобализации на этноконфессиональную ситуацию на Юге России, глубокий анализ причин этноконфессиональных противоречий и конфликтов на Северном Кавказе. Применение данного подхода позволило наиболее объективно проанализировать конструктивные и деструктивные последствия трансформационных процессов в российском социуме рубежа 20 – 21 столетий. На наш взгляд, радикальные трансформации создали социальную приро-

ду неустойчивости, нестабильности в обществе. Проблема же сохранения стабильного социально-политического пространства выдвинула закономерно на первый план задачу обеспечения безопасности государства, отдельной личности. Стабильность и безопасность социального развития, по нашему мнению, определяются уровнем сбалансированности интересов личности, наций, конфессий, общества и государства.

Теоретический уровень рассмотрения специфики протекания этнополитических и этноконфессиональных процессов на Северном Кавказе, по мнению Э.Т. Майборода, предполагает определение основных категорий, выделение основных типов этнополитических процессов, а также применение определенных моделей анализа:

1) «сигнальной», основанной на анализе так называемых «сигналов» и своевременного предупреждения их эскалации. В данном случае под «сигналами» подразумеваются события, которые предшествуют нарастанию этнополитической напряженности. К таким событиям относится ухудшение социального «самочувствия» населения, рост протестной активности, столкновения на этнической почве, наращивание вооружения, мобилизация войск, неспособность или нежелание участников межэтнических столкновений вести переговоры по урегулированию конфликтной ситуации и т.д.;

2) модели дополнительных ценностей, в основе которой лежит модель «сообщества безопасности», предложенная немецким конфликтологом Карлом Дойчем. Суть ее заключается в том, что когда обе стороны конфликта придерживаются либеральной модели «равных» нейтральных ценностей и находят соответствие по всем аксиологическим уровням, они претендуют на обладание приоритетными и неотчуждаемыми правами, что ведет к фиксации конфликта на «мертвой» точке. Для того чтобы измерить негативную динамику этнополитических процессов, необходим поиск так называемых дополнительных ценностей. В данном случае дополнительной ценностью является общероссийская гражданская идентичность;

3) последовательной модели анализа этнополитических процессов, основанной на выделении критериев длительности и степени эскалации этнополитического конфликтного процесса.

Соответственно. Различают фоновую, промежуточную, ответную и провоцированную переменную форму последовательной модели анализа;

4) сценарной модели, опирающейся на достоинства прогностического метода. Процесс примитивной имитации, подразумеваемый при применении сценарной модели, дает преимущество актору этого процесса, так как последний мысленно преодолевает вероятную цель развития событий, приходя к логическому результату; написание ряда сценариев возможной картины трансформации этнополитических процессов ведет к построению формализованной модели будущей ситуации; использование этой модели как систематического источника сценариев обеспечивает методический учет случайностей;

5) стратегической модели, позволяющей определять так называемые «контрольные точки» в динамике этнополитических процессов, включаясь в которые возможно получать необходимую для анализа и оценки ситуации информацию.¹

Новым направлением современной историографии является использование в исследовании социально-политических процессов современных методологических парадигм. Попытки объяснения социально-политических процессов, в том числе и этноконфессиональных, происходящих в России и на Северном Кавказе, с помощью одномерной, линейной методологии оказались не только недостаточными, но и не адекватными реальности, сложности современного общества. Синергетика, как новая методологическая парадигма, предназначенная для исследования нелинейных систем, к каковым сегодня относят и социальные системы, изменила во многом наши представления о трансформирующемся обществе и алгоритмах его функционирования.

Идеи синергетики получили развитие в рамках постнеклассической науки. Сам термин синергетика был введен впервые Г.

¹ См. Майборода Э.Т. Основные модели анализа этнополитических процессов на Юге России. Политическая наука на Юге России: итоги двадцатилетнего развития. Сборник материалов международной научно-практической конференции 11-12 марта 2009г. Выпуск1.Изд-во СКАГС. Ростов-на-Дону, 2009. С.339-342-343.

Хакеном в курсе его лекций, прочитанных в 1969г. в университете Штутгарта. Он определил предмет и метод синергетики как науки, которая занимается изучением систем, состоящих из большого числа частей, сложным образом взаимодействующих между собой и обладающих большим числом степеней свободы.

Как мы полагаем, системно-синергетическая методология открывает новые возможности для исследования трансформационных процессов в этносоциальной, этноконфессиональной системе под влиянием глобализационных тенденций. Использование системно-синергетической методологии дает возможность рассматривать социальное явление в условиях нестабильного общества, когда оно развивается в соответствии с нелинейными законами развития. На бифуркационном этапе развития не срабатывает принцип адаптивности причин и следствия, а незначительные воздействия на систему приводят к значительным последствиям.

С точки зрения синергетического подхода, трансформационное развитие общества представляет собой процесс социальной самоорганизации, который реализуется в форме взаимодействия социального порядка и социального хаоса. Синергетика включает в общенаучную картину мира представления о воспроизводимости открытых систем и об их развитии, описываемом в терминах динамического хаоса, причем хаос не всегда рассматривается как сугубо деструктивное начало. Один из сторонников применения современной системно-синергетической методологии в изучении социальных процессов В.С. Степин пишет: «Синергетика сосредотачивает внимание на процессах неустойчивости, состояниях динамического хаоса, порождающих ту или иную организацию, порядок. Теоретическое описание этих процессов основано на введении особых идеализаций»¹.

Современная наука пришла к признанию того факта, что все социальные объекты, рассмотренные с учетом их исторического развития, принадлежат к типу сложных саморазвивающихся систем. «Сложные саморазвивающиеся системы характеризуются открытостью, обменом веществом, энергией и информацией с

¹ Степин В.С. Саморазвивающиеся системы и постнеклассическая рациональность // Вопросы философии, 2003. № 8. С.11.

внешней средой. В таких системах формируются особые информационные структуры, фиксирующие важные для целостности системы особенности ее взаимодействия со средой, эти структуры выступают в функции программ поведения системы»¹.

. Синергетика исходит из того, что мир сложных систем должен подчиняться единым законам и может быть понят, по крайней мере, в определенных аспектах, на основе единой объяснительной модели. Ряд ученых рассматривает истоки синергетики в древней даосской традиции. По их мнению, истоки глобализации как планетарного явления, присущего всей мегасистеме, бесспорно, следует искать в общекультурной духовной традиции. Поэтому вполне применимо использование для изучения глобальных и российских социально-политических трансформаций современных общенаучных методов, в том числе и синергетического подхода.

Как считает М.С. Каган, методы синергетики пока не адекватны антропосоциокультурной сфере и нуждаются в серьезном усовершенствовании. Социум представляет собой более сложную на несколько порядков систему по сравнению с природными системами. Одно из ключевых качеств социокультурной реальности – зависимость соотношения сил порядка и хаоса в историческом процессе не только от объективных факторов, особенно действенных в состоянии бифуркации, и от случайностей, но и от воли, свободы, мировоззрения, цели человека, микро- и макрогрупп, а в определенных обстоятельствах и народных масс.²

Сложную реальность трансформирующихся систем, каковой является, к примеру, и северокавказский социум, трудно понять и проанализировать на основе законов линейного мышления, так как оно разрушает естественные процессы самоорганизации сложных систем. Переход от линейного мышления к нелинейному означает, по мнению А.Ю. Шадже, видение многовариантности путей эволюции, наличие выбора из

¹ Там же С. 7.

² Каган М.С. Синергетическая парадигма – диалектика общего и особенного в методологии познания разных сфер бытия.//Синергетическая парадигма. Новое мышление в науке и искусстве. М., 2002. С.28-49.

альтернативных путей и определенного темпа эволюции, а также необратимость эволюционных процессов. Другими словами, это означает поиск достижения согласия с помощью диалога и признания разнообразия интересов разных социальных и политических групп, толерантности друг к другу.

Он пишет: «Методологическая специфика синергетического анализа социально-политических процессов заключается в том, что он вскрывает механизм развития, указывая на наличие путей развития саморазвивающихся социальных и политических систем, а также показывает, что развитие носит необратимый характер. Отсюда следует несостоятельность постановки вопроса восстановления прошлого. Применение синергетики не следует абсолютизировать. Представляется, что синергетика эффективно «работает», если дополняется другими исследовательскими методами и принципами».¹

Возможности системно-синергетической методологии в изучении современных социально-политических трансформаций, в том числе этноконфессиональных трансформаций на Юге России рассмотрены автором в следующих работах: «Глобализация и трансформационные процессы в социально-политической сфере республик Северного Кавказа» - М., изд-во «Наука», 2007; «Глобализация и этнополитическая безопасность Юга России» - М., изд-во «Собрание», 2009; «Влияние глобализации на этноконфессиональную ситуацию на Юге России» - диссертация на соискание ученой степени доктора философских наук, Махачкала. 2009.

На основе синергетического подхода автором Северный Кавказ рассматривается как особая целостная социально-пространственная форма организации производительных сил общества (конкретных индивидов), а также как этносоциальная система, открытая как внешнему информационному потоку, так и

¹ Шадже А.Ю. Синергетика как новая методология в политической науке. Политическая наука на Юге России: итоги двадцатилетнего развития. Сборник материалов международной научно-практической конференции 11-12 марта 2009г. Выпуск 1. Изд-во СКАГС. Ростов-на-Дону, 2009. С.271..

имеющая внутренние, весьма противоречивые пространственно-временные характеристики.

Установлено, что в условиях полиэтничности населения социальные, политические и экономические цели оказываются теснейшим образом связанными с этническим здоровьем социума и при правильной политике в совокупности могут обеспечить целостность региона, его социальную и этнополитическую безопасность. Межэтнические отношения становятся особенно конфликтными в условиях происходящих в стране социально-экономических и культурных трансформаций. В исследуемый период этнонациональные отношения зачастую вбирали в себя энергию социального недовольства, а этнополитические конфликты и противоречия переплетались с социальными. Процесс перераспределения экономической собственности и политической власти активизировал деятельность этноэлит и усилил процесс этносоциальной стратификации северокавказского социума. В данный период одним из основных вызовов этнополитической стабильности региона являлось сочетание центробежных тенденций в субъектах Российской Федерации с социальными противоречиями.

Этническая мобилизация на Северном Кавказе проходила и продолжает проходить на фоне радикальных социально-экономических и политических трансформаций и совпала с процессами активизации участия этноэлит в переделе собственности и политической власти в субъектах региона.

В результате трансформационных перемен последних десятилетий Россия оказалась в неустойчивом состоянии. Возникли реальные угрозы для самого существования России как независимого национального государства. Причем геополитические трансформации на мировой арене создают реальную угрозу превращения государства из мировой сверхдержавы в региональную второразрядную страну. Этнополитические и этносоциальные противоречия создают внутренние угрозы целостности государства. Трансформация экономики подорвала внутрисоциальные связи и причинила колоссальный ущерб производству и жизненным интересам большинства населения. Социальные трансформации привели к росту социальной поляризации, резкому падению уровня жизни, нищете, маргинализации населения. След-

ствием этнополитических и этноконфессиональных трансформаций стали рост этнического сепаратизма, национализма, религиозно-политического радикализма и экстремизма. Многие десятилетия процессы, происходившие в этой сфере, носили в основном стагнационный характер и не играли особой активной роли в общественно-политической жизни социума.

В конце 80-х – начале 90-х годов прошлого века резко возрос интерес к национальной истории и культуре, своеобразным элементом которой всегда являлась религия. Критерии типологизации культуры многообразны. Религия является древнейшим феноменом человеческого духа. Ее рассматривают как одну из сфер духовной жизни человека и общества, способ духовно-практического освоения мира обществом, группой, индивидом.

«В контексте национальной многоликости России культуры могут быть типологизированы на основе учета ряда факторов – этнолингвистического, историко-этнографического (культура адыгов, осетин, черкесов, русских, калмыков и т.д.) и религиозно-конфессионального (мусульманская культура, православно-христианская культура, буддистская культура)».¹

Историки рассматривают каждую конкретную религию в контексте всей системы условий существования человека. Тем самым религия выступает как фактор культуры. Отметим, что в современном мире религия выполняет достаточно заметную, но в то же самое время противоречивую роль. Характерным явлением для последнего столетия стала секуляризация общественного сознания. В целом в мире по сравнению с прошлыми веками религия постепенно утрачивает былое влияние на жизнь общества и человека. В то же время не исключены всплески усиления роли религии в жизни общества, роста ее влияния на сознание и поведение человека. Как свидетельствует история. Особенно возрастает роль религиозного фактора в условиях радикальных перемен, нестабильности общественного развития.

Историческое развитие Российской Федерации последних десятилетий наглядно свидетельствует о данной закономерности. Трансформационные процессы коснулись всех сфер обществен-

¹ Регионоведение. 2-е издание. Ответственный редактор – профессор Ю.Г. Волков. Ростов-на-Дону, 2004. С.418.

ных отношений. Как пишет М.М. Омарова: «На этой волне резко возрос интерес к религии, церкви – институтам, которые в определенной степени способствовали консервации национальных обычаев и традиций в силу тесной взаимосвязи религиозного и национального в сознании людей».¹

Возрождение религии в России большинство историков связывает с началом демократических преобразований в нашей стране. Мы не можем с этим положением не согласиться. Религиозные организации становятся сегодня одним из важных институтов формирующегося гражданского общества.

«В результате процесса демократизации российского общества в религиозной сфере произошли действительно принципиальные изменения. В отношении государства к религии и религиозным объединениям они нашли отражение в законодательстве страны. В государственно-конфессиональной политике. Еще более существенные перемены произошли в общественном сознании людей: возросли авторитет религии, доверие к религиозным объединениям, надежды на них в деле духовно-нравственного оздоровления общества».²

В исторических и других социально-гуманитарных научных исследованиях процессу усиления роли религии и религиозного фактора в жизни общества в девяностые годы прошлого столетия было дано название «Возрождения» или «Ренессанса». Российский исследователь современных этноконфессиональных процессов на Северном Кавказе следующим образом характеризует изменение места религии в жизни постсоветской России: «Начало 90-х гг. прошлого века было отмечено «ренессансом» традиционных конфессий. Возрождалась общинная жизнь, восстанавливались и строились культовые объекты, делались первые шаги в становлении системы религиозного образования, выстраивалось взаимодействие с органами государственной власти и института-

¹ Омарова М.М. Проблемы свободы совести в трудах дагестанских исследователей. Этнополитические исследования на Северном Кавказе: состояние, проблемы, перспективы. Махачкала, изд-во ДНЦ РАН, 2005. С.169.

² Исмаилов А.Ш., Ханбабаев К.М., Рагимов А.А. Религия в Дагестане: история и современное состояние. Махачкала, 2007. С.5.

ми гражданского общества, многие из которых сами находились в процессе становления».¹

Что же представляло собой так называемое исламское Возрождение в постсоветской России? По нашему мнению, целесообразно прежде всего выделить хронологические рамки данного своеобразного и весьма противоречивого явления новейшей истории. При этом вполне уместным нам представляется подход, основанный на идее единства глобальных и локальных факторов в детерминации и анализе этноконфессиональных отношений.

«Все аспекты этноконфессионального развития должны стать предметом системного и фундаментального анализа и переосмысления на предельно широкой научной арене на основе взвешенной и лишенной политизации методологии. Социально дистанцирующий характер различных элементов культуры ситуационен: одно и то же явление может восприниматься в зависимости от условий как разграничивающее или объединяющее. История постсоветской России это полностью подтверждает. Процессы последних десятилетий усилили этнодистанцирующее значение факторов, ранее подобной роли не игравших, в частности религии».²

Как мы полагаем, возрождение религии в России является объективным процессом современного социокультурного развития российского общества. Оно является неотъемлемым элементом цивилизационно-культурных трансформаций современного мира. В последнее десятилетие стремительно увеличились некоторые ключевые позиции социального и культурного обмена

¹ Бережной С.Е. О политизации мусульманских объединений на Юге России. Политическая наука на Юге России: итоги двадцатилетнего развития. Сборник материалов международной научно-практической конференции 11-12 марта 2009г. Выпуск 1. Изд-во СКАГС. Ростов-на-Дону, 2009. С.153..

² Мустафаев М.Б., Юсупова Г.И. Роль религиозного фактора в диалоге цивилизаций в условиях глобализации. Полиэтнический макрорегионб язык. Культура, политика, экономика. Тезисы докладов Всероссийской научной конференции (9-10 октября 2008 г., г. Ростов-на-Дону). Ростов-на-Дону, издательство ЮНЦ РАН, 2008. С.216.

через границы: миграции, туризм. Наблюдается рост информационно-коммуникативных связей новейшего типа. Если эмпирически глобализация является соединением различных форм жизни, то, как отмечает Р.Робертсон, аналитически глобализация включает в себя серию динамических отношений между обществом, личностями, международной системой и человечеством. По его мнению, «глобализация – это сжатие мира и интенсификация осознания мира как целого».¹

М. Олброу определяет глобализацию как «распространение практик, ценностей и технологий, влияющих на жизнь людей во всем мире».²

Н.Н. Понарина предлагает объединить эти две точки зрения и «рассматривать глобализацию как процесс, ведущий к большей взаимозависимости и большей осведомленности друг о друге среди экономических, политических и социальных организаций во всем мире и среди акторов в целом».³ Она подчеркивает также. Что глобализация – это идеология со множеством значений и родословных. Соответственно существенную роль в глобализационных процессах занимает религия.

Рассматривая причины процесса возрождения религии в мире, С. Хантингтон пишет: «В первой половине двадцатого века представители интеллектуальной элиты, как правило, полагали, что экономическая и социальная модернизация ведет к ослаблению роли религии как существенной составляющей человеческого бытия. Это предположение разделялось как теми, кто его с радостью принимал, так и теми, кто сокрушался по поводу этой тенденции.

Вторая половина двадцатого столетия показала, что эти надежды и опасения беспочвенны. Экономическая и социальная модернизация приобрела глобальный размах, и в то же время произошло глобальное возрождение религии. Это возрождение, *La revanche de Dieu*, как назвал его Жиль Кепель, проникло на каждый континент, в каждую цивилизацию и практически в каж-

¹ Robertson R. Globalization. Social theory and global culture. London, 1992. P. 8.

² Albrow M. The Global Age. Stanford, 1997. P. 88.

³ Понарина Н.Н. Истоки развития глобализации. Теория и практика общественного развития. Научный журнал. №2 2010. С.17.

дую страну. В середине 1970-х, как заметил Кепель, курс на секуляризацию и замирение религии с атеизмом развернулся в обратную сторону. Появился на свет новый религиозный подход, ставящий своей целью уже не принятие светских ценностей, а возвращение священных основ для организации общества – изменив для этого общество, если необходимо.

Это религиозное возрождение отчасти вызвано экспансией некоторых религий, которые получили новых приверженцев там, где их раньше не было. Однако куда в большей степени оно обусловлено людьми, которые возвращаются к традиционным религиям своих сообществ, вдыхают в них новые силы и придают им новые значения. Христианство, ислам, иудаизм, индуизм, буддизм и православие – все они испытывают огромный потенциал приверженности и внимания со стороны некогда обычных верующих».¹

За последние десятилетия рост влияния ислама на жизнь общества является наиболее заметной. Мусульмане во всем мире проявляют тесную привязанность к своей религии независимо от того, где бы они не проживали.

М.В. Вагабов пишет: «Фактом является то, что численность убежденно верующих мусульман составляет более половины численности всех верующих в мире, вместе взятых. Таким образом, реальный количественный и качественный перевес мусульман в мире непосредственно оказывает исключительно важное влияние на формирование мировой политики и на урегулирование международных отношений».²

Мы рассматриваем современное религиозное возрождение как закономерный процесс, обусловленный стремлением человека к целостному восприятию мира и себя как его неотъемлемой части, глубоким и тесными связями науки и религии, важностью для индивидуальности духовно-нравственного восприятия мира. Религиозность является частью социокультурной идентификации личности.

¹ Хангтингтон С. Столкновение цивилизаций. М., 2003. С.139-140.

² Вагабов М.В. Исламский фактор в современной геополитике. Северный Кавказ в современной геополитике России. Махачкала, 2009. С.67.

Для правильного понимания феномена религиозного возрождения целесообразно, на наш взгляд, выделить определенную двойственность религии как определенной специфичной сферы общественной жизни. Эта двойственность выражается в наличии в религии элементов культурного и одновременно социального начал. Как правило, историки при анализе этого сложного явления абсолютизировали либо одно, либо другое из этих начал. Подобный подход часто приводит к односторонности и не дает полной картины причин и сущности исламского возрождения в России как части религиозного возрождения вообще. Если рассматривать религию как часть системы человеческого социума, то она одновременно является принадлежностью социальной и культурной подсистем.

Вот что пишет по этому поводу Т. Парсонс: «Поддержание религиозной ориентации посредством функционирования церкви можно рассматривать как случай взаимопроникновения культурной и социальной систем. Однако церковь может расцениваться как коллективность, преимущественно относящаяся к культуре, т.е. в первую очередь как культурная система действия, и уже во вторую – как социальная система».¹

Говоря о месте религии в общей системе действия, Парсонс не считает, что религия принадлежит какой-либо первичной подсистеме действия. Он рассматривает религию как феномен, соотносящийся с тремя подсистемами – культурной, личностной и социальной, в известной степени интегрирующий их.

«Организм и физическая среда не связаны с религией непосредственно, они представляют собой факторы, обуславливающие и потенциально способствующие религии и 9или) с ней интерферирующие. Кроме того, то, что обычно называется «религией» в менее дифференцированных социо-культурных системах, по своей роли весьма отличается от религии, как она описывается в более высоко дифференцированных системах.

Религия в более общем смысле (т.е. как фактор, организующий высшие уровни ориентации действия) уходит своими корнями в наиболее обобщенные ориентации на значения. Однако когда речь идет о действии, сочленяющем эти ориентации ради них

¹ Парсонс Т. О социальных системах. М., 2002. С.698.

самых, то оно скорее носит философский, чем религиозный характер».¹

На наш взгляд, правильнее не выделение личностной подсистемы, к которой относится религия, а рассмотрение религии как определенной социальной и культурной идентичности личности. Опираясь на эти два элемента в качестве важнейших характеристик религии. В дальнейшем мы рассмотрим особенности реисламизации на Северном Кавказе и, в частности, в Республике Дагестан.

На основе ретроспективного анализа специфики возрождения роли религии в российском социуме мы предлагаем следующее определение категории «Современное исламское возрождение». Современное исламское возрождение представляет собой очередной этап повышения роли ислама в общественно-политической и культурно-нравственной жизни российского общества, хронологические рамки которого охватывают примерно десятилетие – конец 80-х – 90-е годы двадцатого столетия.

Данный феномен имеет количественные и качественные характеристики. Следует отметить, что изучение современной реисламизации на постсоветском пространстве находится в стадии становления. «Российское востоковедение, этнология, религиоведение получили в наследство от академической науки тяжкий дисбаланс между освоением исламского пласта в духовной культуре мусульманских народов и изучением доисламских реликтовых культурных феноменов. Достаточно взять библиографическую сводку по любому мусульманскому народу Средней Азии, Казахстана, Поволжья, Кавказа, чтобы убедиться, усилия сосредотачивались и до сих пор направляются на поиск и интерпретацию так называемых «доисламских верований». Именно на этом направлении работали целые подразделения институтов, защищались диссертации, строились карьеры и делались имена. Впечатляет и сравнение, количественное и качественное, советской (русской) и западной исламоведческой литературы».²

¹ Там же. С.748.

² Реальность этнических мифов. Аналитическая серия. Выпуск 3. Под ред. М. Олкотт и А. Малащенко. М., 2000. С.48.

Известный российский исламовед М.В. Вагабов пишет: «В современном мире влияние ислама на общество не только сохраняется, но и возрастает. Главная причина – возрастание потенциала экономики мусульманских стран. В балансе мировой эконномики он достиг исключительно больших масштабов».¹

После исчезновения противостояния двух сильнейших в военном отношении государств двадцатого века США И СССР, камуфлировавшегося под идеологическое противостояние «империализм – коммунизм», оказалось, что реальные угрозы глобального характера могут исходить и из регионов так называемого «третьего мира». «При этом речь не идет об уже привычных социально-экономических истоках угроз (отсталости, бедности, экономической слаборазвитости и т.д.). Угрозы 21 века – это угрозы, в том числе, и военного характера, проистекающие из агрессивно-политизированного подхода к решению острых проблем современности, среди которых одна из наиболее острых – проблема религиозного фундаментализма».²

Пик исламского возрождения в Росси приходится на девяностые годы прошлого века. В этот период на Юге России, прежде всего в регионах, компактно заселенных этносами, исповедующими ислам, широко развернулось движение, ставившее своей целью возрождение ислама и определение ему соответствующего места в обществе. Этот процесс с самого начала носил крайне сложный и неоднозначный характер.

«Без сомнения, огромное воздействие на жизнь общества оказывает религия. Следует признать, что проблема наций и религий оказалась наименее разработанной в нашей науке, поскольку вопросы взаимоотношений разных конфессий и национальных отношений анализировались в рамках идеологизированного мышления».³

¹ Вагабов М.В. Исламский фактор в современной геополитике. Северный Кавказ в современной геополитике России. Махачкала, 2008. С.61.

² Российские стратегические исследования. Под редакцией Л.Л. Фитуни. М., 2002. С.100.

³ Адзиев Х.Г. Религиозные организации в системе современных межэтнических отношений. Религии и религиозные объединения как фактор гражданского мира и межнационального согласия на северном Кавказе. Материалы региональной научно-практической конференции Махачкала –

В то же самое время нельзя не согласиться с точкой зрения М.М. Омаровой, которая пишет: «В связи с этим с наступлением эпохи демократических преобразований проблемы теории и истории осуществления свободы совести на различных этапах развития нашего общества, роли и меры ответственности государственных органов и религиозных организаций в складывании тех или иных форм государственно-конфессиональных отношений потребовали нового рассмотрения и анализа. Возникла необходимость переосмыслить прошлое с точки зрения новых социальных реалий и интересов общества, движущегося в направлении гуманизации общественных отношений. Учесть накопленный опыт и проанализировать его.

В то же время надо признать, что у некоторой части общества в условиях происходящей сегодня переоценки ценностей довольно часто эмоциональная реакция на негативные последствия прошлого, а иногда и конъюнктурные соображения затмевают объективный анализ прошлого и настоящего в вопросах свободы совести, вероисповедания, прошлого и настоящего в государственно-конфессиональных отношениях».¹

Как отмечает в своей монографии «Религиозно-политический экстремизм в России: состояние и проблемы», опубликованной в 2010 году, К.М. Ханбабаев: «В современных условиях ислам приобретает все большее значение для внутренней политики не только мусульманских стран или государств со значительным мусульманским населением, но также для ряда западных стран. В этом отношении ситуация в этих государствах похожа на положение в России, имеющей исламские регионы на Кавказе и в Поволжье, а также значительное количество исповедующих ислам граждан в городах европейской части. По словам Президента Российской Федерации Дмитрия Медведева. В России проживает 182 этнические группы, и 57 из них отождествляют себя с исламом».²

19 ноября 2008г. Махачкала, 2009. С.306.

¹ Омарова М.М. Проблемы свободы совести в трудах дагестанских исследователей. Этнополитические исследования на Северном Кавказе: состояние, проблемы, перспективы. Махачкала. 2005. С.171.

² Ханбабаев К.М. Религиозно-политический экстремизм в России: состояние и проблемы. Махачкала. Издательство «Лотос», 2010. С.7.

За два последних десятилетия в отношениях государства и религиозных объединений произошли существенные сдвиги и перемены. Мы должны констатировать, что сегодня активно развиваются конструктивный диалог и сотрудничество государства с религиями. «На смену формальному равноправию религии и принципу отделения религиозных организаций от государства пришло развитие полномасштабных и разносторонних связей государства с ведущими конфессиями страны при сохранении светского характера государства и обеспечении законных прав религиозных меньшинств».¹

¹ Гереев Р.М. Сотрудничество государственных органов и религиозных организаций как фактор согласия и нравственного оздоровления общества. Религии и религиозные объединения как фактор гражданского мира и межнационального согласия на северном Кавказе. Материалы региональной научно-практической конференции Махачкала – 19 ноября 2008г. Махачкала, 2009. С.263.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ.

1. **Абдуразаков А.О.** - ст. преподаватель, филиал ДГУ в г. Хасавюрт.
2. **Аганесова Д.В.**- к.и.н. ГБОУ АО СПО «Астраханский колледж вычислительной техники».
3. **Акаев В.Х.** - д.филос.н., профессор, главный научный сотрудник Комплексного научно-исследовательского института им. Х.И. Ибрагимова РАН
4. **Амачиев А.Ю.**- преподаватель истории и общественных дисциплин Хасавюртовского педагогического колледжа
5. **Беркиханов М.С.**- к.и.н. филиал ФГБОУ ВПО «Дагестанский государственный педагогический университет».
6. **Верещагина А.В.**- д. соц. н, профессор кафедры социологии, политологии и права Института переподготовки и повышения квалификации преподавателей гуманитарных и социальных наук Южного федерального университета.
7. **Гаматаева С.Х.**- ст. преподаватель ЮФУ, кафедра социологии труда
8. **Дадаев К.С.**- мл.научный сотрудник Института Истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН.
9. **Кидирниязов А.С.**- д.и.н, профессор, ведущий научный сотрудник ИИАЭ ДНЦ РАН.
10. **Кузьмина В.М.**- к.и.н., доцент, юго-западный университет, г.Курск
11. **Лачинова Г.А.**- преподаватель естественных дисциплин, Хасавюртовский педагогический колледж им. З.Н.Батырмурзаева
12. **Лахитова П.М.**-аспирантка кафедры истории государства и права юр.фак.ДГУ.
13. **Малучиев Г.С.**- к.пед.н., доцент ДГУ, кафедра социального анализа и ЕНД
14. **Магомедов М.Б.** - д.и.н., профессор кафедры Государственно-правовых дисциплин юр. факультета Института «Московский государственный открытый университети им. В.С.Черномырдина» в г. Махачкале.
15. **Магомедов Б.М.** - ст.преподаватель кафедры Государственно-правовых дисциплин юр. факультета Института «Мос-

ковский государственный открытый университети им. В.С.Черномырдина» в г. Махачкале.

16. **Мамадинова М.Х.** - аспирантка отдела гуманитарных и социологических наук СКНЦ ВШ ЮФК.

17. **Мишиева Г.А.** - к.фил.н., преподаватель чеченского языка и литературы, Хасавюртовский педагогический колледж им. З.Н.Батырмурзаева

18. **Мирзабеков М.Я.** - д. и. н., профессор ИИАЭ ДНЦ РАН.

19. **Мукаева Т.Ш.** - ассистент кафедры истории древнего мира и средних веков, соискатель КНИИ РАН, Чеченский государственный университет.

20. **Нагиева М.К.** - к.и.н., научный сотрудник ИИАЭ ДНЦ РАН.

21. **Одиев Т.Х.** - аспирант кафедры конфессиональных отношений РАНХ и ГС при президенте РФ.

22. **Пирова Р.Н.** - к. и. н., доц. кафедры теории и истории государства и права, Дагестанский институт народного хозяйства, г.Махачкала

23. **Разаков Р. Ч-М.** - к.и.н., доцент, филиал ДГУ в г. Хасавюрт.

24. **Разаков Ш.Р.** - ст. 4 курса социального факультета филиала ДГУ в г. Хасавюрт.

25. **Рашитханова С.Т.** - ст.преподаватель, филиал ФГБОУ ВПО «ДГПУ» в г. Хасавюрт .

26. **Шахбанова М.М.** - д. соц. наук, старший научный сотрудник ИИАЭ ДНЦ РАН.

27. **Юсупова Г.И.** - д. филос.н., главный научный сотрудник РЦЭИ ДНЦ РАН, профессор кафедры философских и иностранных языков ДНЦ РАН.

Содержание

Аганесова Д.В.	
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ И ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ КИЗЛЯРСКИХ АРМЯН В КОНЦЕ XVIII В.	3
Амачиев А.Ю.	
ПРИМЕНЕНИЕ ИННОВАЦИОННЫХ МЕТОДОВ ОБУЧЕНИЯ В ПРЕПОДАВАНИИ ИСТОРИИ ДАГЕСТАНА.....	9
Беркиханов М. С.	
СУДЕБНО-ПРАВОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ТЕРСКО- СУЛАКСКОМ МЕЖДУРЕЧЬЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX В.	12
Верещагина А.В.	
ТРАДИЦИОННАЯ СЕМЬЯ В РОССИИ: ИСТОРИЧЕСКАЯ СПЕЦИФИКА ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИИ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗРУШЕНИЯ.....	19
Гаматаева С.Х., Малучиев Г.С.	
СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ УЧИТЕЛЕЙ ИСТОРИИ И ОБЩЕСТВОЗНАНИЯ КАК ПОТЕНЦИАЛЬНЫЙ ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ПАТРИОТИЧЕСКИХ ПРЕДПОЧТЕНИЙ УЧАЩЕЙСЯ МОЛОДЕЖИ.	29
Дадаев К.С.	
ФОРМЫ ЗЕМЕЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ В ДАГЕСТАНЕ В СЕРЕДИНЕ XIX В.	36
Кидирниязов Д.С.	
БЕЛГРАДСКИЙ МИРНЫЙ ДОГОВОР 1739 Г. И ЕГО ПОСЛЕДСТВИЯ	55
Кузьмина В.М.	
К ВОПРОСУ ФОРМИРОВАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ИДЕОЛОГИИ И ЦЕННОСТЕЙ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА В 1930-Е ГОДЫ (НА ПРИМЕРЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ТВОРЧЕСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ ЦЕНТРАЛЬНОГО ЧЕРНОЗЕМЬЯ)	61
Лачинова Г.А.	
ИСТОРИЯ РУССКО-КАВКАЗСКИХ ОТНОШЕНИЙ С X ПО XIV ВЕК.	68

Магомедов М.Б., Лахитова П.М.	
НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРЕДПОСЫЛОК ВОЗНИКНОВЕНИЯ БОРЬБЫ ГОРЦЕВ ДАГЕСТАНА И ЧЕЧНИ В 20-50-Х ГОДАХ XIX ВЕКА	74
Магомедов М.Б., Магомедов Б.М.	
ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ БОРЬБЫ ГОРЦЕВ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОГО КАВКАЗА 20-50 ГОДОВ XIX ВЕКА. ...	91
Мамадинова М.Х., Акаев В.Х.	
ЭТНОКУЛЬТУРНОЕ МНОГООБРАЗИЕ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ: ВЗАИМОСВЯЗЬ ОСОБЕННОГО И ОБЩЕГО	103
Мишиева М.И.	
ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ПАТРИОТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ МОЛОДЕЖИ.	106
Мирзабеков М.Я.	
ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ МУСУЛЬМАНСКОЙ КОНФЕССИОНАЛЬНОЙ ШКОЛЫ В ДАГЕСТАНЕ В 20-Е ГОДЫ XXВ.....	110
Мукаева Т.Ш.	
МЕСТО И РОЛЬ ЖЕНЩИН В СФЕРЕ КУЛЬТУРЫ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ РАЗВИТИЯ ЧЕЧЕНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ.	119
Нагиева М.К.	
О КУЛЬТУРНЫХ ВЗАИМОСВЯЗЯХ ДАГЕСТАНА С РЕСПУБЛИКАМИ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА В 1921–1990 ГГ. XX В. (ОБЗОР ДОКУМЕНТОВ ИЗ ФОНДОВ ЦГА РД И МАТЕРИАЛОВ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ)	125
Одаев Т.Х.	
ГОСУДАРСТВЕННО-КОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ: ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВАНИЯ	137
Пирова Р.Н.	
ВЛИЯНИЕ ГЮЛИСТАНСКОГО МИРНОГО ДОГОВОРА НА РАЗВИТИЕ СОЦИАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ ДАГЕСТАНЦЕВ АЗЕРБАЙДЖАНЦЕВ В СОСТАВЕ РОССИИ.	141
Разаков Р. Ч-М., Абдуразаков А.О., Разаков Ш.Р.	
НАРОДЫ ДАГЕСТАНА: ПРОИСХОЖДЕНИЕ, ЯЗЫК, РАССЕЛЕНИЕ.	147
Рашитханова С.Т.	
ГЮЛИСТАНСКИЙ МИРНЫЙ ДОГОВОР 1813Г.....	160

Шахбанова М.М.	
ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА В ОТНОШЕНИИ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ РОССИИ.....	169
Юсупова Г.И.	
РОЛЬ РЕЛИГИОЗНОГО ФАКТОРА В СИСТЕМЕ ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ (НА ПРИМЕРЕ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА).....	186
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ.	210

Материалы
Всероссийской научно-практической конференции:
«Актуальные вопросы истории».

Отв. редактор – Разаков Р.М.

Формат 60x84 1/16. Гарнитура Таймс. Бумага офсетная.
Тир.100 шт. Размножено ИП «Султанбегова Х.С.». Махачкала,
ул. М.Гаджиева, 34.